

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: 10.15293/2226-3365.1406

ВЕСТНИК
*Новосибирского государственного
педагогического университета*

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN
6(22) 2014

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В.Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и гуманитарные науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

*науки о земле; физико-математические и
технические науки*

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

социально-экономические науки

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология и искусствоведение

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

филологические науки

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики,
Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш.А., д-р мед. наук, проф.,
(Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им.

Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет
Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т
Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т
им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера
(Великобритания)

Мауриция Калузио, д-р наук, ст. исследов. по
русс. лит. (Милан, Италия)

Мукагатаева Ж.М., д-р биол. наук (Павлодар,
Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н. с., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования,
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л.И., д-р мед. наук, проф., акад. РАМН, вице-
президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В.З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М.М., д-р биол. наук, проф., почетный
профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е.В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю.И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.,
академик РАО (Томск)

Дымарский М. Я., д-р филолог. наук, проф. (Санкт-
Петербург)

Жафяров А.Ж., д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З.Р., д-р культурол., проф. (Нижевартовск)

Иванова Л.Н., д-р мед. наук, проф., акад. РАН
(Новосибирск)

Казин Э.М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки
РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Ключко В.Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н.А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И.В., д-р филос. наук, проф., акад. РАЕН,
почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О.М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С.Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В.И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кустова Г.И., д-р филолог. наук, проф. (Москва)

Медведев М.А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН,
заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л.А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю.Э., д-р физ.-мат. наук, проф.
(Новосибирск)

Печерская Т.И., д-р филолог. наук, проф.
(Новосибирск)

Пузырев В.П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН
(Томск)

Серый А.В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В.И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н.П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Шошенко К.А., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

тел. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

Номер подписан к выпуску 06.12.14

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate

The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is registered in Federal service on legislation observance in sphere of communication, information technologies and mass communications

The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL

«NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU
Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Humanities Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Earth Sciences. Physics, Mathematics, Engineering Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Professor

Social and Economics Sciences

Ryapysov N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Cultural and Art Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Philology Sciences

Tripolskay T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute, (Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Inst. (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University, (Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof., Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester (Manchester, United Kingdom)

Maurizia Calusio, Senior Researcher in Russian Literature, PhD (Milan, Italy)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences (Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University (Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerasev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS (Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Dymarski M.J., Dr. of philological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

Fedorov V.I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E.V., Dr. of Psychological Sc., Professor, the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS, Institute of Citology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I.V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ. of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstceva O.M., Dr. of Psychological Sciences, Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor (Kasnoyarsk)

Kustova G.I., Dr. of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor (Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T.I., Dr. of philological Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Shoshenko K.A., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc., Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28

tel. +7(383)244-06-50

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

<i>Сидоренко Т. В., Рыбушкина С. В.</i> (Томск, Россия). Дебаты как средство формирования метапредметных компетенций у студентов технического вуза при обучении иностранному языку	7
<i>Нечепуренко Г. Я.</i> (Новосибирск, Россия). Реализация компетентностного подхода в методической подготовке студентов-географов педагогического университета	22
<i>Якимов О. В., Мордовская О. Н.</i> (Селенгинск, Россия). Педагогическое сопровождение – вид взаимодействия в деятельности средних профессиональных образовательных организаций	33
<i>Климова Т. В., Волобуева Н. А.</i> (Новосибирск, Россия). К постановке проблемы адаптации на разных этапах социального онтогенеза	44
<i>Клочко В. Е.</i> (Томск, Россия). Системная онтопедагогика: психологическое и психофизиологическое обоснование	52

ФИЛОСОФСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мурашова А. В., Майер Б. О.</i> (Новосибирск, Россия). Оздоровительная китайская гимнастика тайцзицюань. 1. Представленность в наукометрических базах Web of Science и Scopus	65
<i>Думнова Э. М.</i> (Новосибирск, Россия). Взаимообусловленность общественного сознания и ментальности социальных групп и объединений молодежи	81
<i>Беляева М. В.</i> (Новосибирск, Россия). Проблема воспитания национального самосознания учащихся в трудах отечественных учёных конца XVIII начала XX вв.	91
<i>Ливен Доминик</i> (Кембридж, Великобритания). Международные отношения наполеоновской эпохи: обзор проблемы. <i>Lieven Dominic</i> (Cambridge, United Kingdom). International Relations in the Napoleonic era: the Long View	102
<i>Дацышен В. Г.</i> (Красноярск, Россия). Сибирский округ во время военной кампании в Китае в 1900-1901 гг.	119
<i>Луценко А. А.</i> (Новосибирск, Россия). Военнопленные австрийской императорской армии в Ново-Николаевске в 1914–1918 гг. и современные формы неправительственных международных связей в вопросе сохранения памяти жертв мировых и локальных войн	129
<i>Павлова Н. И., Гайер И. Н.</i> (Куйбышев, Новосибирская обл., Россия). Сыны земли Каинской на фронтах Первой мировой	138

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Тихомирова Е. Е.</i> (Новосибирск, Россия), <i>Цюй Чуньлэй</i> (Шаньдун, Китай). Идея срединности в сибирском культурном тексте середины XIX – начала XX века	156
<i>Гребенкина А. А., Ростовцева И. Л., Еремеев С. Н., Гузев Ф. А.</i> (Новосибирск, Россия). Особенности восстановления храма во имя Святой Троицы села Дресвянка Маслянинского района НСО в формате 3D	166
<i>Чантуридзе Ю. М.</i> (Москва, Россия). Победная речь будущего президента как жанр политического дискурса	176

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES AND PSYCHOLOGY

<i>Sidorenko T. V., Rybushkina S. V.</i> (Tomsk, Russian Federation). Debates as a mean to develop meta-subject competencies of technical students in learning foreign languages	7
<i>Nechepurenko G. Y.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Realisation of the competence approach in training in methods of teaching geography students of the pedagogical universities	22
<i>Yakimov O. V., Mordovskaya O. N.</i> (Selenginsk, Republic of Buryatia, Russian Federation). Pedagogical support – kind of interaction in the activity of secondary vocational educational institutions	33
<i>Klimova T. V., Volobueva N. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). To statement of the problem of adaptation at different stages of social ontogenesis	44
<i>Klochko V. E.</i> (Tomsk, Russian Federation). Systemic ontopedagogics: psychological and psychophysiological rational	52

PHILOSOPHY AND HISTORICAL SCIENCES

<i>Murashova A. V., Mayer B. O.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Health improving Chinese gymnastics Taijiquan. presentation of a science metric databases Web of Science and Scopus	65
<i>Dumnova E. M.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Interconditionality of social consciousness and mentality of youth social groups and unions	81
<i>Belyaeva M. V.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Problem of education students in national identity work of domestic scientists in the end XVIII – early XX centuries	91
<i>Lieven D.</i> (Cambridge, United Kingdom). International relations in the Napoleonic era: the long view ...	102
<i>Datsyshen V. G.</i> (Krasnoyarsk, Russian Federation). Siberian district during military campaigns in China 1900–1901	119
<i>Lutsenko A. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Prisoners of war of the Austrian imperial army in Novo-Nikolaevsk 1914–1918 and modern forms of non-governmental international relations in the matter of preserving the memory of the victims of world and local wars	129
<i>Pavlova N. I., Gayer I. N.</i> (Kuibyshev, Novosibirsk region, Russian Federation). The sons of the Kainsk` earth on the fronts of the first world war	138

CULTURAL AND PHILOLOGY SCIENCES

<i>Tikhomirova E. E.</i> (Novosibirsk, Russian Federation), <i>Qu Chunlei</i> (Shandong, People's Republic of China). Idea of the median in the Siberian cultural text of the middle of XIX – the beginnings of the XX century	156
<i>Grebenkina A. A., Rostovtseva I. L., Ereemeev S. N., Guzev F. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Peculiarities of rebuilding the temple of the Holy Trinity (Dresvyanka, Maslyaninsky district, Novosibirsk oblast) in 3D	166
<i>Chanturidze Y. M.</i> (Moscow, Russian Federation). Speech as a genre of political discourse	176

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОСОФСКИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHY AND HISTORICAL SCIENCES

© Т. В. Сидоренко, С. В. Рыбушкина

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.01)

УДК 372.881.111 + 811.111'276.6

ДЕБАТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Т. В. Сидоренко, С. В. Рыбушкина (Томск, Россия)

Перемены в требованиях к специалистам на мировом рынке труда и соответствующие им преобразования российских образовательных стандартов оказываются на сегодня сильнее способности системы высшего образования принимать эти изменения и своевременно на них реагировать. В связи с этим наблюдается острая потребность создания новых образовательных продуктов, способных привести к достижению результатов обучения, заявленных в современных образовательных программах, и отражающих, как правило, не только предметные знания, но и личностные качества, помогающие выпускнику эффективно построить профессиональную коммуникацию с оппонентом, заказчиком, партнером. Принимая это во внимание, авторы статьи обратились к идее создания специализированного учебного модуля «Введение в дебаты», реализация которого осуществлялась в рамках дисциплины «Профессиональный иностранный язык», где в качестве основной образовательной цели выступало формирование метапредметных компетенций. Статья транслирует практику преподавания данного модуля, приводит примеры практических заданий и описывает специфику дидактических условий.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, метапредметные компетенции, модульное обучение, иностранный язык, дебаты, инженерное образование.

Введение

Динамичные изменения, происходящие в нашей стране на экономическом и политическом уровнях, стали той движущей силой, которая заставляет институт российского высшего образования находиться в перманентном

состоянии реформирования и различных преобразований. Преобразования любого порядка влекут за собой трансформации не только на уровне организации и управления образовательным процессом, но и на уровне переосмысления национальных ценностей и целей образования [1].

Сидоренко Татьяна Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Института кибернетики, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: sidorenkot@tpu.ru

Рыбушкина Светлана Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков Института кибернетики, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: ryboushkinasv@tpu.ru

Основной задачей современного университета является подготовка конкурентоспособного специалиста. Однако конкурентоспособность настолько глобальное понятие, что требует конкретизации, начиная от специфики экономического и технологического уклада страны и заканчивая потребностями отдельного региона в специалистах определенной области знаний [2].

Современные вызовы системы высшего образования в России

Анализ литературы и индивидуальные опросы коллег на предмет выявления понимания термина «конкурентоспособность» показали, что данное понятие в целом трактуется следующим образом: «готовность специалиста критически анализировать ситуации, вырабатывать нестандартные решения, генерировать новые уникальные знания, использовать современные технологии, иметь развитые коммуникативные навыки и чувство командной ответственности» [3].

Для того чтобы достичь уровня сформированности обозначенных качеств, необходимо определить их индикаторы, а также разработать соответствующие дидактические инструменты по их формированию. В качестве индикаторов могут выступать квалификационные требования, прописанные в профессиональных квалификационных стандартах, которые, в свою очередь, принимаются за основу при формулировании перечня компетенций. Формирование и развитие компетенций происходит у студентов в результате освоения образовательных программ [4].

Компетенции подразделяются в целом на два блока – общекультурные и профессио-

нальные. Общекультурные компетенции отвечают за умения и знания социально-личностной сферы, тогда как профессиональные, по большей части, относятся непосредственно к предметной области, за исключением формулировок, содержащих некую степень интегрированности, подразумевающую сочетание знаний предметной области и умений эти знания представлять и управлять ими.

В качестве примера приведем некоторые формулировки компетенций из квалификационных дескрипторов Европейского документа QF-EHEA (*Framework for Qualifications of the European Higher Education Area*)¹. Согласно этому документу степень магистра, обозначающая завершение второго цикла образования, присваивается студентам, которые:

- продемонстрировали знания и понимание, основанные на расширении и углублении знаний, ассоциируемых обычно с уровнем бакалавриата, и которые являются основой или возможностью для их оригинального развития, часто в контексте научных исследований;
- могут применять свои знания, понимание и способность решать задачи в новых или незнакомых ситуациях (в том числе и междисциплинарных) в широком контексте, относящемся к соответствующей профессиональной деятельности;
- имеют способность интегрировать знания различной степени сложности, делать выводы в условиях неполной или ограниченной информации с учетом этической и социальной ответственности применения своих знаний и решений;
- могут четко и ясно доносить свои знания и суждения в общении со специалистами и неспециалистами в данной области знаний;

¹ The Framework of qualification of the European Higher Education Area. Available at: URL:

<http://www.ehea.info/Uploads/qualification/QF-EHEA-ay2005.pdf>. (Accessed 4.10.2014)

- имеют навыки обучения, позволяющие организовать и продолжить образование самостоятельно или автономно.

Данный пример показывает – без личностных качеств, создающих основу для реализации профессиональных знаний и умений, специалист не может быть конкурентоспособным. Остается открытым вопрос о выборе средств и инструментов, позволяющих говорить о формировании упомянутых компетенций, имеющих в своей основе некую метапредметность.

Термин метапредметность все чаще появляется в лексиконе современных педагогов, особенно когда речь заходит о чем-то интегрированном, междисциплинарном, универсальном. Приставка «мета» означает «за», «над», «сверх». Поэтому, когда говорят о метазнаниях, то имеют в виду знания о знаниях и способах их получения, и когда говорят о метаумениях, то имеют в виду общеучебные, междисциплинарные умения, к которым относятся:

- теоретическое мышление (обобщение, систематизация, определение понятий, доказательство и т.п.);

- навыки переработки информации (анализ, синтез, интерпретация, экстраполяция, оценка, аргументация);

- критическое мышление (умения отличать факты от мнений, определять соответствие заявления фактам, достоверность источника, видеть двусмысленность утверждения, невысказанные позиции, предвзятость, логические несоответствия и т.п.);

- творческое мышление (перенос, видение новой функции, видение проблемы в стандартной ситуации, видение структуры объекта, альтернативное решение);

- регулятивные умения (формулирование гипотез, определение целей, планирование, контроль, анализ, коррекция деятельности);

- качества мышления (гибкость, антиконформизм, диалектичность, способность к широкому переносу и т.п.) [5].

Таким образом, метапредметность подразумевает выход за предметы, но не уход от них. Метапредмет – это то, что стоит за предметом или за несколькими предметами, находится в их основе и одновременно в корневой связи с ними [6].

Раскрытие термина метапредметности свидетельствует об отсутствии прямой зависимости между отдельной компетенцией и конкретной учебной дисциплиной. Следовательно, мы подходим к актуальной дидактической задаче – созданию специальных учебных курсов, ориентированных на формирование метапредметных компетенций в том прочтении, которое требуется от современного специалиста в обществе в целом и в профессиональном сообществе в частности.

Языковая компетенция как важная составляющая компетентности инженера

Владение иностранным языком для инженера перестает быть роскошью и становится важной составляющей его квалификации, залогом успешности его профессионального становления [7]. Ни современный бизнес, ни современная наука не имеют национального языка. Так исторически сложилось, что английский язык становится практически единственным инструментом общения международного инженерного сообщества.

Иноязычная компетенция указана как основополагающая во всех российских образовательных стандартах инженерных направлений подготовки и определяется как «владение иностранным языком на уровне, позволя-

ющем осуществлять профессиональное общение»². При этом возникает вопрос, насколько емким является данное требование.

Примерной программой по иностранным языкам для неязыковых вузов определено, что языковая компетенция подразумевает языковой уровень, достаточный для осуществления коммуникации в рамках: «я понимаю и могу дискутировать по проблемам профессиональной направленности с представлением аргументации своей точки зрения»³.

Уже не выглядит новым утверждение о том, что языковое образование в техническом вузе не является чем-то сопутствующим и изолированным, подчиненным иным целям и принципам профессиональной подготовки, нежели остальные предметно-ориентированные дисциплины. Доказанным является и то, что оно должно быть интегрировано в предметную область за счет межпредметного содержания и технологий обучения [8]. Отсюда возникает необходимость изменения вектора языкового образования в техническом вузе с формирования языковых компетенций на формирование метапредметных компетенций, что, на взгляд авторов, возможно и логично реализовать в условиях модульного обучения [9].

Модульная организация обучения в российских вузах становится все популярнее, особенно принимая во внимание актуальность применения междисциплинарного и личностно-ориентированного подходов. При этом именно для российской системы образования модульное обучение – понятие достаточно неоднозначное, потому как несмотря на свое

давнее существование (данный феномен существует в мировой педагогике уже более 50 лет), научная общественность не находит ему единого толкования. Учебный модуль определяют как: 1) пакет учебных материалов, 2) самостоятельно планируемую единицу учебной деятельности, 3) законченный блок информации [10–11].

Следовательно, мы наблюдаем, что общей характеристикой модуля является идея об определенной самостоятельности и автономности, обусловленная тематической замкнутостью образовательного контента. При этом, будучи элементами единого целого, например, учебного курса, модули обязательно состоят в системных отношениях между собой.

В своей попытке трансформировать вузовскую систему языкового образования в модульную систему с точки зрения ее организации, мы руководствовались следующими принципами: 1) вариативность, 2) гибкость, 3) самостоятельность, 4) межпредметность. Под модульной организацией процесса обучения мы понимаем формирование и реализацию, вне четкой последовательности, отдельных тематических блоков в рамках учебной дисциплины как логически самостоятельных и структурно завершенных информационных единиц, не имеющих прямых взаимосвязей между собой, но подчиненных единым образовательным целям. Модуль имеет собственное программное и методическое обеспечение, направленное на формирование предусмотренных рабочей программой знаний, уме-

² Государственный образовательный стандарт 3-го поколения высшего профессионального образования. Направление подготовки бакалавра 230400 «Информационные системы и технологии». – М., 2009. URL: http://fond.tpu.ru/fond/fgos_3.html (дата обращения 16.09.2014)

³ Примерная программа для преподавания иностранных языков (английского, немецкого, французского, испанского) студентам неязыковых вузов и факультетов / разработана под руководством и под общей редакцией С.Г. Тер-Минасовой. – М., 2009. – 24 с.

ний и навыков в определенном отрезке учебного времени и завершается установленной формой контроля [12].

Таким образом, дисциплина может состоять из нескольких модулей, очередность изучения которых не имеет строгой фиксации в учебном плане. Более того, перечень модулей может пополняться и изменяться в зависимости от потребностей целевой группы и квалификации преподавателя, что придает гибкость и вариативность всей системе обучения.

По форме модуль – структура универсальная, имеющая одинаковые физические характеристики, включающие количество аудиторных и учебных часов, количество кредитов, контрольных точек и пр. По содержанию модуль вариативен и всегда подчинен целям рабочей программы дисциплины, с разницей в постановке акцентов реализации дидактических задач и ожидаемых результатов обучения.

Принимая во внимание дидактические характеристики модульного обучения, формулируем гипотезу: языковое образование в техническом вузе будет эффективным, если оно интегрировано в систему комплексной инженерной подготовки через модульный формат обучения, который подразумевает обучение отдельным аспектам речевой деятельности с целью формирования метапредметных компетенций. Примерами модульных курсов, направленных на развитие метапредметных компетенций, могут являться такие курсы как: «Язык лекций и презентаций», «Введение в дебаты», «Академическое письмо», «Научная публикация» и т.д. Иными словами содержание языкового образования может быть представлено как интеграция профессиональных и языковых знаний через включение языкового опыта в структуру профессиональной деятельности будущих специалистов.

Описание учебной практики

Приведем в качестве примера учебную практику по формированию метапредметных компетенций в процессе освоения учебного модуля «Введение в дебаты» [13]. Модуль был разработан в рамках гранта ФЦП (соглашение № 14.В37.21.0721) и прошел пилотное внедрение в 2012 г. В настоящее время модуль реализуется в качестве компонента рабочей программы при обучении профессиональному иностранному языку студентов четвертого курса института кибернетики Томского политехнического университета.

Модуль рассчитан на 72 академических часа (в том числе на 36 часов самостоятельной работы студентов) и состоит из восьми информационных блоков:

1. Дебаты как вид публичной коммуникации. Особенности и регламент формата Линкольна–Дугласа. Основные понятия и термины.
2. Критический анализ резолюции. Система доказательств, ее структура. Приемы формирования и влияния на общественное мнение.
3. Тактика ведения дебатов. Способы ведения полемики и различные тактики поведения во время проведения дебатов. Способы вербального воздействия на оппонентов и аудиторию.
4. Построение аргумента. Способы построения сильного аргумента. Структура аргумента. Наиболее распространенные области аргументирования.
5. Построение контраргумента и вхождение в оппозицию. Стратегия и тактика опровержения аргументов оппонента. Структура контраргумента.
6. Проведение перекрестного опроса. Цели сторон и тактика поведения во время перекрестного опроса.

7. Технология ведения записей в ходе дебатов. Использование записей для построения тактики опровержения аргументов оппонента.

8. Подготовка к публичному выступлению. Поиск информации по предложенной тематике.

Модуль имеет линейную структуру и подразумевает четкую последовательность и системность, при которой изучение каждого последующего блока не рекомендуется без изучения предыдущего. При определении образовательной цели учебного модуля и результатов обучения мы руководствовались результатами (РД), представленными в рабочей программе дисциплины «Профессиональный иностранный язык»⁴:

РД1 – находить, извлекать, анализировать, интерпретировать и излагать устно и письменно профессионально значимую информацию с использованием иностранного языка (ИЯ);

РД2 – владеть иноязычной устной речью на уровне, необходимом для решения социально-коммуникативных задач в наиболее типичных ситуациях профессиональной сферы и академической среды, а также для презентации результатов научно-исследовательской деятельности и участия в научных конференциях на ИЯ;

РД3 – владеть письменной речью на уровне, необходимом для оформления результатов научно-исследовательской деятельности и подготовки научных статей, тезисов, рефератов, аннотаций на ИЯ;

РД4 – взаимодействовать с представителями других культур при осуществлении про-

фессиональной деятельности на ИЯ, быть способным к пониманию и преодолению межкультурных различий, быть толерантными, нести ответственность за поддержание и развитие партнерских, доверительных отношений;

РД5 – применять знания ИЯ для планирования и реализации перспективных линий интеллектуального, культурного, нравственного и профессионального саморазвития, самообразования и самосовершенствования;

РД6 – работать в команде при выполнении проектов на ИЯ и демонстрировать готовность к сотрудничеству с другими членами группы.

Образовательной целью модуля является освоение навыков проведения дебатов как современного средства и технологии публичной аргументированной речи. Задачами модуля являются:

1) формирование знаний и развитие умений построения публичного выступления в соответствии с требованиями формата дебатов и регламента их проведения;

2) формирование умений по созданию системы доказательств с учетом способов управления механизмами по влиянию на общественное мнение;

3) формирование навыков и умений публичного выступления с применением приемов вербального воздействия на оппонентов и аудиторию;

4) знакомство с технологиями ведения полемики и практика их использования;

5) анализ точки зрения экспертов на обозначенную проблему и формулирование собственной позиции.

⁴ Базовая рабочая программа унифицированного модуля по дисциплине Профессиональный иностранный язык [Электронный ресурс]. –

URL: <http://portal.tpu.ru:7777/departments/kafedra/iyai/study%20organization/> (дата обращения: 28.04.2014)

Далее представлено соотношение общих результатов обучения с частными, которые

были предварительно сформулированы по каждому блоку учебного модуля (табл. 1).

Таблица 1.

Соотношение результатов освоения дисциплины «ПИЯ» с результатами обучения по каждому блоку учебного модуля «Введение в дебаты»

Раздел модуля	Результаты обучения модуля «Введение в дебаты»	Результаты освоения дисциплины «ПИЯ»
T1	Знать и применять требованиями формата и регламента (формат Линкольна-Дугласа) при создании текста для последующего публичного выступления.	РД1 РД2 РД4 РД6
T2	Критически осмысливать проблему, строить систему доказательств с учетом способов управления механизмами формирования и влияния на общественное мнение, работая в команде.	РД1 РД2 РД3 РД6
T3	Выступать с публичной речью, используя различные тактики поведения во время устного выступления и применяя способы вербального воздействия на оппонентов и аудиторию.	РД2 РД4 РД6
T4	Строить сильные аргументы для публичного выступления по заданной теме.	РД1 РД2
T5	Давать критическую оценку доказательствам, ходить в оппозицию, а также публично обсуждать проблемы с применением стратегии и тактики опровержения аргументов оппонента и использованием разной тактики ведения полемики.	РД1 РД2 РД4 РД6
T6	Вступать в контакт с оппонентом, используя разную тактику ведения полемики, основанную на критической оценке работы оппонентов.	РД1 РД2 РД4
T7	Вести записи и вносить поправки в собственное публичное выступление в режиме реального времени в ходе дебатов.	РД1 РД3
T8	Осуществлять поиск информации по предложенной тематике с использованием информационных технологий и баз данных, критически анализировать и отбирать необходимые факты и мнения, формулировать собственную позицию команды.	РД1 РД3 РД4 РД5 РД6

Таким образом, в качестве метазадачи учебного модуля с учетом принципа интегри-

рованности в основную образовательную программу, можно определить формирование

умения аргументировать собственную позицию; осуществлять и поддерживать дискуссию как общего, так и профессионального характера; парировать аргументы оппонентов. Приведем примеры учебных заданий, ориентированных на достижение поставленных и представленных выше задач:

Упражнение №1: Составные аргументы (Argument jigsaws).

Задание позволяет студентам лучше понять, как отдельные структурные элементы аргумента (утверждение, обоснование и влияние/ claim, warrant, impact) соотносятся между собой. Суть задания состоит в нахождении правильной последовательности компонентов аргумента. Имея три фрагмента единого аргумента, студентам следует расставить их в правильной последовательности, одновременно определяя, что является утверждением, что обоснованием, а что следствием или влиянием, например:

1. Because cars are the largest source of private air pollution switching to hybrid cars should have an impact on fighting pollution⁵;

2. Driving a private car is a typical citizen's most air polluting activity⁶;

3. Hybrid cars are an effective strategy to fight pollution⁷.

⁵ **Перевод:** Поскольку со стороны частных лиц именно автомобиль является основным источником выброса вредных веществ в атмосферу, переход к гибридным машинам должен иметь значение в борьбе против загрязнения окружающей среды.

⁶ **Перевод:** Использование личного автомобиля – наиболее распространенный способ загрязнения окружающей среды физическими лицами.

⁷ **Перевод:** Гибридные машины – эффективное средство в борьбе против загрязнения окружающей среды.

В результате появляется следующий аргумент: “Hybrid cars are an effective strategy to fight pollution. Driving a private car is a typical citizen's most air polluting activity. Because cars are the largest source of private, as opposed to industry produced, air pollution switching to hybrid cars should have an impact on fighting pollution”⁸.

Упражнение на составление аргументов применимо во время занятия для формирования у студентов навыка создания аргументированной речи, а также рекомендуется к использованию в качестве разминки в начале занятия. Данное задание также легко переносится в электронную среду, поскольку может быть организовано в виде теста, что обеспечивает возможность его автоматической проверки.

Упражнение №2: Критический анализ (Critical reasoning).

Способность к критическому мышлению – основополагающий навык не только участника команды в дебатах, но и любого выпускника вуза. В данном упражнении студентам предлагаются аргументы и вопросы, заставляющие их критически проанализировать предложенный аргумент и найти наилучший способ его поддержки или опровержения (Табл. 2):

⁸ **Перевод:** Гибридные машины – эффективное средство в борьбе против загрязнения окружающей среды. Использование личного автомобиля – наиболее распространенный способ загрязнения окружающей среды физическими лицами. Поскольку со стороны частных лиц именно автомобиль является основным источником выброса вредных веществ в атмосферу, переход к гибридным машинам должен иметь значение в борьбе против загрязнения окружающей среды.

Таблица 2.

Пример учебного задания на формирование навыка критического мышления

Read the statement and choose the best answer to the question after it⁹:

Statement¹⁰:

Virtually all health experts agree that second-hand smoke poses a serious health risk. After the publication of yet another research paper explicating the link between exposure to second-hand smoke and a shorter life span, some politicians proposed a ban on smoking in most public places in an attempt to promote quality of life and length of lifespan¹¹.

Which of the following provides the most support for the actions of politicians? Select one¹²:

- The amount of damaging chemicals and fumes released into the air by cigarette smoke is far less than the amount released from automobiles, especially from older models¹³.
- The country whose legislators are proposing the tough smoking legislation has a relatively high percent of its population that smoke¹⁴.
- Another country that enacted a similar law a decade ago saw a statistically significant drop in lung-cancer rates among non-smokers¹⁵.

⁹ **Перевод:** Прочитайте утверждение и выберите лучший ответ на вопрос

¹⁰ **Перевод:** Утверждение

¹¹ **Перевод:** Практически все эксперты в области здравоохранения считают, что пассивное курение представляет собой серьезную опасность для здоровья. После публикации очередной научно-исследовательской работы, доказывающей сокращение продолжительности жизни в результате пассивного курения, некоторые политики предложили запретить курение в большинстве общественных мест в попытке повысить качество и продолжительность жизни.

¹² **Перевод:** Какие из перечисленных ниже фактов в наибольшей степени доказывают необходимость принятия политических мер? Выберите один ответ.

¹³ **Перевод:** Количество вредных химических веществ и газов, выбрасываемых в воздух в процессе курения, гораздо ниже того, которое попадает в атмосферу в результате эксплуатации автомобилей, особенно старых моделей.

¹⁴ **Перевод:** В стране, в которой законодатели предлагают ужесточить меры, достаточно высокий процент курящего населения.

¹⁵ **Перевод:** Согласно статистическим данным, в другой стране, где подобный закон был принят около десяти лет назад, значительно сократилось число больных раком среди некурящего населения.

- Banning smoking in most public places will not considerably reduce the percent of the population that smokes¹⁶.
- Another country that enacted a similar law a decade ago saw a statistically significant drop in lung-cancer rates among non-smokers¹⁷.
- Banning smoking in most public places will not considerably reduce the percent of the population that smokes¹⁸.

Данное упражнение потребует от студентов критического анализа предложенных вариантов и аргументации выбора опции. В случае затруднения, студентам предлагается подсказка. В качестве подсказки к описанному выше вопросу будет выступать следующее рассуждение: “The politicians' argument for banning smoking is based upon scientific research and the presence of a correlation between second-hand smoke and life expectancy. However, it could be strengthened if data existed to show that other countries that enacted tough anti-smoking reform experienced longer life spans. In other words, although we know there is a relationship between second-hand smoke and life expectancy, we do not know that enacting tough anti-smoking

reform will influence second-hand smoke levels and thereby influence life expectancy”¹⁹.

Как и в случае с описанным ранее упражнением на составление аргументов, данное задание может быть использовано в электронной среде в виде теста.

Упражнение №3: Создание системы аргументов (Creating a case).

Одним из продуктивных заданий, которое активно используется преподавателями, реализующими учебный модуль «Введение в дебаты», является разработка системы аргументов (кейс) по выбранной теме. Студентам предлагается создать отдельный кейс в поддержку какого-либо изобретения, которое они

¹⁶ **Перевод:** Запрет на курение в большинстве общественных мест не сможет существенно сократить процент курящего населения.

¹⁷ **Перевод:** Согласно статистическим данным, в другой стране, где подобный закон был принят около десяти лет назад, значительно сократилось число больных раком среди некурящего населения.

¹⁸ **Перевод:** Запрет на курение в большинстве общественных мест не сможет существенно сократить процент курящего населения.

¹⁹ **Перевод:** Аргумент политиков в пользу запрещения курения основан на научных исследованиях, доказывающих корреляцию между пассивным курением и продолжительностью жизни. Тем не менее, этот аргумент звучал бы сильнее, если бы существовали данные, доказывающие, что в других странах, проводивших антитабачную реформу, продолжительность жизни увеличилась. Иными словами, хотя мы знаем, что существует связь между пассивным курением и продолжительностью жизни, мы не знаем, что проведение жесткой реформы по борьбе с курением уменьшит число пассивных курильщиков и тем самым повлияет на продолжительность жизни.

считают лучшим изобретением человечества. К системе аргументов предъявляются следующие требования:

1. Устная презентация кейса должна занимать три минуты.

2. Кейс должен иметь законченную форму и включать введение, основную часть и заключение.

3. Если потребуется, в кейсе могут быть даны необходимые определения (в данном случае, необходимо определить понятие «лучшее изобретение», т.е. описать, какие параметры легли в основу определения лучшего изобретения).

4. Кейс должен включать два или три аргумента.

5. Аргументы должны быть из разных областей, иметь правильную структуру и включать фактические данные, экспертные мнения или логические размышления, подтверждающие утверждение.

Презентация кейсов проводится на отдельном занятии, в результате которого студенты выбирают наиболее доказательную и убедительную речь. Немаловажным дидактическим элементом занятия является обсуждение студентами выступлений друг друга, в котором они дают критическую оценку работе одноклассников и делают выводы о наиболее удачных и сильных позициях каждого. Во время дискуссии преподаватель выступает в роли модератора, который инициирует обсуждение в группе посредством вспомогательных вопросов.

Например:

• Кто был наиболее убедительным? Почему?

• Какой аргумент вам запомнился больше других? Почему?

• Какой аргумент был самым слабым? Как его можно улучшить?

• Какими доказательствами пользовались выступающие? Были ли они достаточными?

• Какое влияние на выступление оказала языковая грамотность говорящего? Его эмоциональный настрой?

В качестве дополнительных примеров учебных заданий, которые используются в рамках модуля «Введение в дебаты» и направлены на развитие у студентов умения строить аргументированную речь на английском языке и создавать оппозицию, можно назвать следующие упражнения и игры:

1. Выбор и обоснование одного из предложенных экспертных мнений для подтверждения различных утверждений по выбранной теме.

2. Критическая оценка сильных и слабых аргументов.

3. Принятие коллективного, согласованного решения относительно того, кто из предложенных персонажей может воспользоваться возможностью спастись в вымышленном катаклизме на основании их профессиональных качеств.

4. Опровержение предложенных аргументов согласно предложенному алгоритму.

5. Опровержение аргумента с применением тактики защиты или нападения.

6. Выявление логических ошибок.

7. Выбор наилучшего ответа на перекрестный вопрос, исходя из интересов команды и пр.

Завершающим заданием, позволяющим интегрировать на практике все полученные знания, являются дебаты, к которым студенты готовятся заранее без помощи преподавателя.

Заключение

Таким образом, метапредметный характер компетенций, формирование которых яв-

ляется образовательной целью учебного модуля «Введение в дебаты», находит отражение при выборе методик и технологий обучения. При этом иностранный язык выступает не объектом изучения, а средством формирования компетенций. В дополнении к этому, междисциплинарность обучения и его ориентированность на предметную область студентов достигаются благодаря свободному выбору темы, а соответственно, и языкового материала, характерного для соответствующих областей знания. Задача – развить у студентов независимое, критическое мышление и навыки принятия решения на основании всестороннего анализа ситуации.

Модульная организация обучения в рамках дисциплины «Профессиональный иностранный язык» позволила сконцентрироваться на формировании отдельных речевых навыков с учетом профессионального контекста ситуации. Тем самым, в формате представленной учебной практики нашли отражение актуальные дидактические принципы: академическая свобода, междисциплинарность, профессионально ориентированная коммуникация, гибкость и трансформация формируемых умений. Таким образом, можно заключить, что гипотеза, заявленная ранее, оказалась верной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Щепеткина И. В.** Современные требования к подготовке молодых специалистов // Научные исследования в образовании. – 2010. – № 3. – С. 58–60.
2. **Кирилов Н. П., Леонтьева Е. Г.** Конкурентоспособность выпускников вуза: проблемы и решения // Вестник ТГПУ. – 2014. – 6(147). – С. 9–13.
3. **Малышева А. А., Невраева И. В.** Компетенции молодых выпускников вузов глазами работодателей // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309. – № 8. – С. 225–229.
4. **Профессиональные** стандарты в области информационных технологий. – М.: АП КИТ, 2008. – 615 с.
5. **Хуторской А. В., Краевский В. В.** Метапредметные функции образовательных компетенций // Краевский В.В., Хуторской А.В. **Основы обучения: Дидактика и методика:** учебное пособие для студентов высших учебных заведений – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – С. 140–144.
6. **Хуторской А. В.** Метапредметное содержание образования с позиции человекообразности [Электронный ресурс] // Вестник Института образования человека; 02.03.2012 г. – URL: – <http://eidos-institute.ru/journal/2012/0302.htm>. (дата обращения: 28.04.2014)
7. **Сидоренко Т. В.** Открытые образовательные ресурсы как средство повышения эффективности языкового образования в российском вузе // Открытое образование. – 2014. – №. 5. – С. 13–19.
8. **Фалькович Ю. В.** Отчет о научно-исследовательской работе в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «Модернизация содержания и подходов к организации обучения профессионально ориентированному иностранному языку студентов технического вуза». – 2012. – 109 с.
9. **Локтюшина Е. А.** Интегрированная профессиональная иноязычная компетентность как цель языкового образования // Письма в Эмиссия. Офлайн: электронный научный журнал. –

2012. – № 6. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1818.html> (дата обращения 12.11.2014)
10. **Ананьева Е. И.** Модульное обучение студентов как педагогическая проблема // Вестник ОГУ. – 2006. – № 4. – С. 4–12.
 11. **Попова Н. В.** Модульное проектирование интегративной основы обучения иностранному языку в вузе: междисциплинарный подход. Монография. Под ред. проф. Акоповой М.А. – СПб., Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 252 с.
 12. **Резолюция** международной конференции «Модульное обучение в сфере преподавания иностранных языков» // Иностранные языки в экономических вузах России. Всероссийский научно-информационный альманах № 5. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2006. – С. 3–6.
 13. **Ryboushkina S. V.** Introduction to Debating: Lincoln-Douglas Format. – Томск: Изд-во Томского политех. ун-та. – 2013. – 53 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.01)

Sidorenko Tatiana Valeriyevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Foreign Language Department, Cybernetic Institute, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

E-mail: sidorenkot@tpu.ru

Rybushkina Svetlana Vladimirovna, Lecturer of Foreign Language Department, Cybernetic Institute, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

E-mail: ryboushkinasv@tpu.ru

DEBATES AS A MEAN TO DEVELOP META-SUBJECT COMPETENCIES OF TECHNICAL STUDENTS IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES

Abstract

The system of higher professional education in Russia fails to timely respond to recent intensive developments on the national and international labor market and corresponding changes in Russian educational standards. Therefore, there is a rapid need in essentially new approaches to training highly qualified specialists to attain the desired outcomes, which reflect not only subject-oriented knowledge but also personal skills and the ability to effectively communicate with an opponent, a customer or a partner. Taking this into account the authors made an attempt to develop a specialized module that exploits a debate methodology to improve meta-subject competencies of students in the framework of a language course. The methodology, the conditions of the module delivery and examples of assignments are introduced in the article.

Keywords

professional competencies, meta-subject competencies, modular training, foreign language, debate, engineering education.

REFERENCES

1. Schepetkina I. V. Modern requirements to preparation of young specialists. *Scientific Research in Education*, 2010, no. 3, pp. 58-60. (in Russian)
2. Kirillov N. P., Leontyeva E. G. The competitiveness of the graduates: problems and solutions. *TSPU Bulletin*. 2014, no. 6(147), pp. 9-13. (In Russian)
3. Malysheva A. A., Nevraeva I. V. Competences of young graduates from the point of employees. *Bulletin of Tomsk polytechnic university*. 2006, vol. 309, no. 8, pp. 225-229. (In Russian)
4. *Professional standards in information technology*. Moscow, APKIT Publ., 2008, 615 p. (In Russian)
5. Hutorskoy A. V., Kraevskiy V. V. Meta-subject functions of educational competencies. *Teaching basics: Didactic studies*: textbook for in-service students. 2 ed. Moscow, Academia Publ., 2008, pp. 140-144. (In Russian)
6. Hutorskoy A. V. Meta-subject content of education from the point of human conformity. *Vestnik of Education Institute*. Available at: – <http://eidos-institute.ru/journal/2012/0302.htm> (accessed 28.04.2014) (In Russian)

7. Sidorenko T. V. Open educational resources as a tool to increase the efficiency of language education in Russian Universities. *Open Education*. 2014, no. 5, pp. 13–19. (In Russian)
8. Falkovich Ju. V. *Report on the research conducted in the framework of the Federal Grant Programme “Scientific and academic staff of innovative Russia” for 2009-2013 years. The topic – Modernization of the content and approaches to teaching foreign language for specific purposes in technical universities*. 2012, 109 p. (In Russian)
9. Loktyushina E. A. Integrated professional and linguistic competence as the aim of language education. *The Emissia. Offline letters*, 2012, no. 6. (in Russian) Available at: URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1818.html> (Accessed 12.11.2014)
10. Ananyeva E. I. Module-based teaching as a pedagogical problem. *Vestnik OGU*. 2006, vol. 4, pp. 4–12. (In Russian)
11. Popova N. C. *Modular design integrative foundations of teaching foreign various languages in higher education: interdisciplinary approach*. The monograph. St. Petersburg: Polytech University Publ., 2012. 252 p. (In Russian)
12. Resolution of the international conference “Module-based teaching for foreign language education”. *Foreign languages in Russian economic universities. Russian scientific almanac*. 2006, no. 5, pp. 3–6. (In Russian)
13. Ryboushkina S. V. *Introduction to Debating: Lincoln-Douglas Format*: textbook. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2013, 53 p.

© Г. Я. Нечепуренко

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.02)

УДК 372.016:91+378

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ГЕОГРАФОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Я. Нечепуренко (Новосибирск, Россия)

В статье дано теоретическое обоснование методологии и методики проектирования методической компетентности студентов педагогического университета применительно к географическому образованию. Раскрываются теоретические особенности компетентностного подхода в подготовке учителя географии: сущность понятия «методическая компетентность», этапы и условия процесса формирования методической компетентности студентов-географов в условиях двухуровневого обучения.

Представлены авторские материалы, отражающие методику проектирования компетентностно-ориентированной образовательной программы курса «Технология развития критического мышления» для студентов-географов. Приведены теоретические рекомендации по оценке компетенций выпускника в процессе итоговой государственной аттестации.

Представленный в статье позитивный опыт изучения дисциплины «Методика обучения и воспитания: география» на основе компетентностного подхода может быть полезен преподавателям педуниверситета в процессе совершенствования образовательных программ в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов.

Ключевые слова: компетентностный подход, методическая компетентность, технологии подготовки учителя географии, оценка профессиональной компетентности выпускника педагогического университета.

Под реализацией компетентностного подхода в подготовке учителя географии подразумевается способ обучения, ориентированный на овладение студентами компетенциями, заложенными во ФГОСе, являющимися универсальными для различных видов деятельности, а также для овладения видами деятельности, характерными для учителя географии [8, с. 8]. Цель профессиональной подготовки

учителя географии задается как ожидаемый результат, а именно ориентация на становление его профессиональной компетентности. В настоящее время подготовка будущего учителя географии осуществляется посредством реализации компетентностного подхода в уровневой системе обучения бакалавров и магистров.

Нечепуренко Галина Яковлевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической географии и регионоведения Института естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: econgeo@inbox.ru

Методическую компетентность можно рассматривать как личностную характеристику учителя географии, который усвоил необходимый набор компонентов содержания географического образования и в условиях реальной практики способен интегрировать приобретенные компетенции при решении методических задач, связанных с проектированием и организацией учебного процесса и внеурочной деятельности по географии [2–3; 6]. Для обозначения содержания методической компетентности учителя географии и механизма осуществления им профессиональной деятельности как компетентностной. С. Н. Поздняк предлагает ввести понятие «методическая система учителя (МСУ)». По его мнению, понятие МСУ следует применять для характеристики труда учителя, работающего самостоятельно. Когда же речь идет о методической подготовке в вузе, точнее говорить о готовности выпускника к осуществлению профессиональной деятельности компетентно [10, с. 40].

Мы разделяем позицию исследователей, которые в понятии «методическая компетентность» выделяют теоретическую составляющую – методическое мышление и практический аспект – методические компетенции [4; 15]. На наш взгляд, при оценке методической компетентности учителя географии для установления уровня квалификационной категории в процессе процедуры государственной аттестации, следует руководствоваться понятием МСУ, в то время как в условиях обучения в вузе для бакалавров-географов доминирующим признаком методической компетентности является готовность к осуществлению профессиональной деятельности (методическое мышление), а методическая компетентность магистра-географа должна проявляться в способности проявлять общекультурные (ОК), общепрофессиональные (ОПК), профес-

сиональные (ПК) и профильные (ПрК) компетенции в сфере практической профессиональной деятельности [7, с. 234]. Таким образом, в контексте стратегии модернизации вузовского географического образования традиционно сложившуюся методическую подготовку, состоящую в адаптации будущего учителя к условиям профессиональной деятельности, необходимо трансформировать в модель профессионального развития, ориентированную на становление и развитие у студента методической компетентности.

Процесс формирования методической компетентности педагога-географа предусматривает освоение учебной дисциплины «Методика обучения и воспитания (профиль: география)». Современная методика географии – наука, изучающая формирование и развитие геообучающих систем и геообучающих технологий, исследующая вопросы, связанные с познанием и преобразованием теории и практики географического образования [11, с. 5]. Результативное управление геообучающей системой требует не только глубоких теоретических знаний, но и интенсивной практической подготовки с учетом технических и человеческих ресурсов. Усвоение студентами методического знания выступает не целью, а средством формирования готовности к выполнению профессиональной деятельности компетентно.

Рассматривая проблему подготовки учителя новой формации, В. П. Соломин отмечает, что функции профессиональной деятельности современного учителя географии гораздо шире, нежели преподавание географии и подчеркивает, что «учитель призван не просто знать современные технологии обучения, он должен «прожить» их в период собственного обучения. Не просто уметь использовать потенциал современной образовательной среды, а уметь концентрировать ее ресурсы

под индивидуальные образовательные потребности учащихся» [12, с. 37]. На «новое звучание» педагогического образования направлена Программа стратегического развития Новосибирского государственного педагогического университета на 2012–2016 гг., призванная создать инновационную среду подготовки современного специалиста. Внедрение новейших образовательных технологий в процесс подготовки и повышения квалификации педагогических кадров стало возможным благодаря развитию инновационной инфраструктуры университета. Одним из объектов инновационной инфраструктуры стал созданный в 2012 г. ресурсный центр методики обучения географии, оснащенный современным учебным оборудованием, цифровыми гипермедиа инструментами, учебно-методическими материалами¹. Представляя по форме модель типового школьного кабинета географии, ресурсный центр методики обучения географии стал не только эффективным средством формирования методической компетентности студентов, но и средством совершенствования методической системы учителей географии (МСУ) Новосибирской области через освоение программ дополнительного профессионального образования «Компетентный портрет современного учителя географии» и «Современный урок географии в условиях реализации требований ФГОС» персонифицированной системы повышения квалификации.

Чтобы обеспечить достаточно высокий уровень методической компетентности студентов, в учебном процессе широко используются интерактивные формы и методы обучения, составляющие не менее 20 % аудиторных

занятий. С целью организации самостоятельной учебно-профессиональной деятельности студентов по осмыслению изучаемого содержания и формирования методических компетенций программой дисциплины предусмотрен комплекс заданий, дифференцированных по степени трудности и видам деятельности. Студенту предоставляется право целевого ориентира уровня обучения. Выполнение заданий для самостоятельной работы предполагает освоение разделов курса на трех уровнях:

- на *базовом уровне* (обязательных результатов обучения) выполнение репродуктивных заданий, их правильное выполнение соответствует отметке «удовлетворительно»;

- на *уровне повышенной трудности* выполнение частично-продуктивных заданий, требующих применения методических знаний и умений в различных педагогических ситуациях; выполнение заданий этого уровня соответствует отметке «хорошо»;

- на *уровне творческой деятельности* выполнение продуктивных заданий, требующих собственных размышлений и методических проектов решения актуальных педагогических проблем. Результат проведенного студентом методического исследования по теме ориентирован на отметку «отлично».

При текущем и промежуточном контроле эффективными технологиями оценки методической компетентности студентов выступают такие компетентностно-ориентированные технологии, как *обучение проектной деятельности* по решению методических проблем и *технология портфолио*, которая позволяет накапливать профессиональный опыт, осуществлять подготовку к педагогической практике [1, 5, 9].

¹ Новосибирский государственный педагогический университет: отчет о работе по реали-

зации Программы стратегического развития за 2012 г. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – 62 с.

Компетентностный подход придает подготовке учителя географии практико-ориентированную направленность. Это обеспечивается, прежде всего, современными учебными пособиями, подготовленными и изданными в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., раскрывающими как теоретические, так и прикладные вопросы методики обучения географии в средних общеобразовательных учреждениях в период модернизации образования – перехода на новые стандарты, обновления средств, методов и форм организации обучения и воспитания школьников [14].

На подготовку учителя географии для работы по новым ФГОС общего образования направлены и программы практико-ориентированных курсов по выбору: «Проектирование урока географии в современной информационной среде», «ИКТ в обучении географии», «Интерактивное изучение школьного

курса географии» и др. Необходимость разработки программ подобных курсов обусловлена, с одной стороны, возможностями учебного плана по направлению 050100.68 «Педагогическое образование» (профиль: география) для бакалавриата и учебного плана магистерской программы «Географическое образование» по направлению подготовки 050100.68 «Педагогическое образование». С другой стороны, предлагаемые в научно-методических журналах публикации из опыта работы учителей географии немногочисленны, часто носят поверхностный, эпизодический характер. Их содержание не позволяет молодому учителю овладеть современными образовательными технологиями [13]. Так, курс «Технология развития критического мышления», разработанный автором, направлен на формирование следующих компетенций: ПК-16, ПК-8, ПК-1, ОК-4 (табл. 1).

Таблица 1.

Требования к результатам освоения программы

Формируемые компетенции	Дескрипторы
1	2
ПК-16 – готовность проектировать новое учебное содержание, технологии и конкретные методики обучения	<p><i>Знать:</i> основные принципы организации учебного процесса в стратегии «критическое мышление»;</p> <p><i>Уметь:</i> конструировать содержание этапов урока на основе технологических приемов «критического мышления» с учетом специфики предмета «география»;</p> <p><i>Владеть:</i> методикой проектирования следующих приемов в стратегии «критическое мышление»:</p> <ul style="list-style-type: none"> – чтения и анализа географического текста; – письма для оценки устного или письменного текста географического содержания; – экспертной оценки результатов географического образования
ПК-8 – готовность к разработке и реализации методических моделей, методик, технологий и приемов обучения, к анализу результатов процесса их использования в образовательных заведениях различных типов	<p><i>Знать:</i> логику построения уроков географии разных типов в модели технологии развития критического мышления;</p> <p><i>Уметь:</i> проводить «модельный урок» с последующей «распаковкой» приемов технологии развития критического мышления;</p> <p><i>Владеть:</i> стратегией организации дискуссии и дебатов на уроках географии с целью развития критического мышления: а) младших школьников; б) старшеклассников; в) студентов</p>

ПК-1 – способность применять современные методики и технологии организации и реализации образовательного процесса на различных образовательных ступенях в различных образовательных учреждениях	<p><i>Знать:</i> способы (виды и формы работы) развития критического мышления при проведении занятий по географии в учреждениях общего и профессионального образования;</p> <p><i>Уметь:</i> использовать базовую модель обучения и систему эффективных приемов, способствующих развитию мышления и творческой активности обучающихся с учащимися основной и средней школы;</p> <p><i>Владеть:</i> технологией оценивания результативности работы учащихся в форме портфолио</p>
ОК-4 – способность формировать ресурсно-информационные базы для решения профессиональных задач	<p><i>Знать:</i> основные приемы понимания текста, способы графической организации учебного материала;</p> <p><i>Уметь:</i> отбирать информационные, художественные, научные тексты к занятиям; классифицировать электронные образовательные ресурсы (ЭОР) и образовательные интернет-ресурсы в соответствии с трехфазной стратегией обучения (вызов, осмысление, рефлексия) технологии «КМ» – «критическое мышление»;</p> <p><i>Владеть:</i> методикой создания ресурсно-информационной базы к учебным занятиям в виде технологической карты (учебно-методического пакета) организации обучения в информационно-образовательной среде урока географии по технологии развития критического мышления</p>

Оценка результатов обучения осуществляется в ходе текущего и промежуточного контроля. Текущий контроль осуществляется в форме анализа творческих письменных работ (синквейны, эссе, интервью и др.) и образцов графической организации материала (таблицы, кластеры). Промежуточный контроль

осуществляется в форме зачета (экзамена по модулю).

На достижение запланированных результатов обучения студентов ориентирует технологическая карта самостоятельной работы (табл. 2).

Таблица 2.

Технологическая карта самостоятельной работы студента

№	Темы дисциплины	Задания для самостоятельной работы	Форма отчета	Трудоемкость задания, часы
1	2	3	4	5
1	Общая характеристика образовательной технологии развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП)	Составить глоссарий по основным категориям и понятиям образовательной технологии РКМЧП	Конспект-словарь	2
2	Теоретико-методологические основы идеи критического мышления	Проанализировать содержание учебных текстов. Осуществить письменную рефлекссию в художественной форме	Двойной дневник Синквейны	4
3	Базовая модель технологии развития критического мышления	Представить структуру технологии в виде таблицы «Функции трех стадий технологии развития критического мышления»	Заполненная таблица	4

4	Особенности работы с различными видами текстов	Подобрать к урокам информационные и художественные тексты (на примере одного из курсов географии)	Микрохрестоматия	4
5	Визуальные методы организации учебного материала	Систематизировать приемы графической организации учебного материала	Кластер приемов	4
6	Организация письменной работы учащихся в технологическом режиме	Проанализировать письменные работы, созданные товарищем по группе	Заполненный трансферный лист	4
7	Групповая работа учащихся в процессе анализа учебного текста	Составить картотеку методических приемов, применяемых при групповой работе с текстом (не менее 5)	Заполненная сводная таблица	8
8	Технология подготовки модельного урока	Подготовить урок с использованием технологии развития критического мышления	План-конспект урока	10
9	Методика проведения урока с использованием технологии развития критического мышления в опыте учителей географии России	Изучить публикации в методической литературе и ресурсы сети Интернет, отражающие опыт учителей географии и составить базу методических разработок уроков с использованием технологии развития критического мышления. Систематизировать авторские методические материалы	Конспекты пяти уроков географии Индивидуальное портфолио	10
Итого				50

В полной мере оценить совокупность приобретенных студентами бакалавриата и магистратуры общекультурных, профессио-

нальных и профильных компетенций позволяет итоговая государственная аттестация (табл. 3).

Таблица 3.

Методика оценки компетенций выпускника в процессе итоговой государственной аттестации

Этапы подготовки и защиты ВКР	Формируемые компетенции	Дескрипторы	Методы оценки компетенций
1. <i>Определение темы ВКР:</i> – разработка тематики ВКР; – доведение тематики ВКР до студентов; – выбор темы ВКР и научного руководителя; – утверждение темы ВКР	ОК-1 Владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения	<i>Знать:</i> современные проблемы науки и образования; <i>Уметь:</i> анализировать тенденции современной науки. Определять перспективные направления научных исследований (в соответствии с профилем подготовки)	Проверка обоснования актуальности темы в процессе собеседования

		<i>Владеть:</i> современными методами научного исследования в предметной сфере педагогического образования	
2. Организация работы над ВКР: – составление задания на ВКР; – проведение консультаций	<i>ОК-1</i> Владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения	<i>Уметь:</i> находить, извлекать, обрабатывать, анализировать и интерпретировать информацию научно-педагогического содержания	Отзыв научного руководителя о выполнении задания на ВКР
3. Написание ВКР: – сбор информации на основе научных методов исследования	<i>ПК-2</i> Готов применять современные методики и технологии, в том числе и информационные, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса на конкретной образовательной ступени конкретного образовательного учреждения	<i>Уметь:</i> проводить учебное исследование, моделирование и проектирование учебно-воспитательных процессов и явлений; <i>Владеть:</i> методами диагностики учебных достижений учащихся в контексте проводимого методического исследования	Самооценка студентом выполненной работы в соответствии с критериями СТО ВКР в НГПУ
	<i>ПК-3</i> Способен применять современные методы диагностирования достижений обучающихся и воспитанников, осуществлять педагогическое сопровождение процессов социализации и профессионального самоопределения обучающихся, подготовку их к сознательному выбору профессии		
– обработка информации с помощью современных информационных технологий	<i>ОК-8</i> Готов использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, готов работать с компьютером как средством управления информацией. <i>ОК-12</i> Способен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны.	<i>Знать:</i> ресурсные информационные базы для реализации научного исследования по профилю подготовки; <i>Уметь:</i> обрабатывать информацию с использованием информационных технологий; <i>Владеть:</i> способностью использования современных информационных технологий для реализации задач исследования	

	<i>ОК-13</i> Готов использовать нормативные правовые документы в своей деятельности		
– составление авторского текста	<p><i>ОК-6</i> Владеет логически верной устной и письменной речью.</p> <p><i>ОПК-3</i> Владеет основами речевой профессиональной культуры.</p> <p><i>ОПК-5</i> Владеет одним из иностранных языков на уровне профессионального общения.</p> <p><i>ПК-8</i> Способен разрабатывать и реализовывать культурно-просветительские программы для различных категорий населения, в том числе, с использованием современных информационно-коммуникативных технологий.</p> <p><i>ПК-10</i> Способен к использованию отечественного и зарубежного опыта организации культурно-просветительской деятельности</p>	<p><i>Уметь:</i> использовать профессиональные источники информации (монографии, периодические издания, сайты, образовательные порталы) для создания авторского текста методического содержания; разрабатывать программы дополнительного образования;</p> <p><i>Владеть:</i> технологией анализа учебно-методической литературы и Интернет-ресурсов для разработки форм организации внеурочного обучения</p>	Оценка независимыми экспертами (сокурсниками, учителями, сотрудниками и др.) в процессе апробации материалов ВКР на конференциях, семинарах, в публикациях
– редактирование текста	<i>ОПК-6</i> Способен к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания	<p><i>Знать:</i> особенности функционирования научного стиля.</p> <p><i>Уметь:</i> составлять и редактировать текст научного стиля.</p> <p><i>Владеть:</i> навыками цитирования научного текста.</p>	
4. Допуск к защите: – предзащита ВКР на кафедре	<p><i>ОК-6</i> Способен к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания.</p> <p><i>ОПК-3</i> Владеет основами речевой профессиональной культуры</p>	<i>Владеть:</i> навыками участия в научной дискуссии	Экспертная оценка научного руководителя и выпускающей кафедры. Балльно-критериальная оценка
5. Защита ВКР	<p><i>ОК-1</i> Владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения.</p> <p><i>ОК-6</i> Способен осуществлять логически верно устную и письменную речь.</p> <p><i>ОК-8</i> Готов использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки инфор-</p>	<i>Владеть:</i> навыками подготовки научного доклада с использованием электронной презентации, приемами делового общения	Балльно-критериальная оценка ГАК и рецензента

	мации, готов работать с компьютером как средством управления информацией. ОПК-3 Владеет основами речевой профессиональной культуры		
--	---	--	--

Оценка ВКР осуществляется на основе следующих критериев: 1) научность содержания; 2) владение методологией исследования; 3) четкость структуры работы и логичность изложения материала; 4) обоснованность и четкость сформулированных выводов; 5) соответствие формы представления ВКР всем требованиям, предъявляемым к оформлению работ; 6) качество устного доклада, свободное

владение материалом ВКР; 7) глубина и точность ответов на вопросы, замечания и рекомендации во время защиты работы.

Защита ВКР студентов проводится при участии внешних экспертов, в том числе работодателей. Как показал первый опыт, подготовка учителя географии на основе реализации компетентного подхода позволяет подготовить выпускника, востребованного современным работодателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беловолова Е. А.** Современные педагогические технологии в подготовке профессионально компетентного будущего учителя географии // Современные педагогические технологии в подготовке учителя географии: сб. материалов заседания комиссии по географии учебно-методического объединения по образованию в области подготовки педагогических кадров (2–4 февраля 2012 г.). – Н. Новгород: Изд. НГПУ, 2012. – С. 94–97.
2. **Верещагина Н. О.** Методическая подготовка бакалавров и магистров в области географического образования: методология, теория, перспективы: монография. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – 187 с.
3. **Вегнер Е. Г.** Методологическая компетентность учителя географии: учебно-метод. пособ. – Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. – 118 с.
4. **Душина И. В., Таможняя Е. А.** Пути обновления методического мастерства учителя географии в период модернизации образования // География в школе. – 2010. – № 3. – С. 34–38.
5. **Исследование** процесса становления профессиональной компетентности будущих педагогов: коллективная монография / под ред. Г. А. Бордовского, Н. Ф. Радионовой, А. В. Тряпицына. – СПб: Лема, 2011.
6. **Нечепуренко Г. Я.** Компетентный подход в подготовке учителя географии в условиях двухуровневого обучения // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 5. – С. 77–81.
7. **Нечепуренко Г. Я.** Оценка сформированности методической компетентности студентов-географов в условиях двухуровневого обучения // Географическая наука и образование: современные проблемы и перспективы развития: материалы II Всероссийской научно-практической интернет-конференции (г. Новосибирск, 1–25 апреля 2013 г.). – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – С. 232–251.
8. **Николина В. В.** Современные педагогические технологии как фактор реализации компетентной модели подготовки учителя географии // Современные педагогические технологии в подготовке учителя географии: сб. материалов заседания комиссии по географии учебно-методического объединения по образованию в области подготовки педагогических кадров (2–4 февраля 2012 г.). – Н. Новгород: Изд. НГПУ, 2012. – С. 8–22.

9. **Подготовка** учителя в структуре уровневого образования: коллективная монография / отв. ред. В. Л. Матросов. – М.: МПГУ, 2011.
10. **Поздняк С. Н.** Проблемы совершенствования методической подготовки учителя географии в контексте требований ФГОС нового поколения // География в школе. – 2012. – № 2. – С. 37–42.
11. **Практикум** по методике обучения географии: учеб. пособие для вузов / Сост. В. Д. Сухоруков, Д. П. Финаров, Н. О. Верещагина, Т. В. Вилейто. – М.: Академия, 2010. – 144 с.
12. **Соломин В. П.** Приоритетные направления географического образования в новой школе // География и экология в школе XXI века. – 2010. – № 2. – С. 35–37.
13. **Стрельникова Т. Д.** Возможности интерактивных технологий на уроках географии // География в школе. – 2013. – № 8. – С. 45–52.
14. **Суслов В. Г., Нечепуренко Г. Я.** Теория и методика обучения географии в дифференцированной школе: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – 182 с.
15. **Таможняя Е. А.** Система методической подготовки учителя географии в педагогическом вузе в условиях модернизации образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М.: Изд. МПГУ, 2010. – 46 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.02)

Nechepurenko Galina Yakovlevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Geography and Regional Studies, Institute of Natural and Socio-Economic Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: econgeogeo@inbox.ru

REALISATION OF THE COMPETENCE APPROACH IN TRAINING IN METHODS OF TEACHING GEOGRAPHY STUDENTS OF THE PEDAGOGICAL UNIVERSITIES

Abstract

This study aimed to show theoretical aspects of forming the methodology and projective methodics for the methodical competence in Geography of students of pedagogical university. The theoretical peculiarities of competence approach in educational training of the teacher of Geography are revealed: a definition of “methodical competence”, stages and specifics of forming the methodical competence of students in Geography in BA and MA educational systems.

The author’s materials which show the projective methodics for the competence-based educational program of the course “Technology of development of the critical thinking” for students in Geography and theoretical recommendation on assessment of competencies at State Final Certification are presented.

The author studies a positive experience of study academic discipline “Methodics of training and bringing-up” in Geography which is based on the competence approach in BA and MA. This approach can be useful for university teachers during the process of improvement of educational program according to requirements of the Federal Educational Standards.

Keywords

competence approach, methodical competence, technologies of professional training in teaching of geography, assessment of professional competence of the graduate of pedagogical university

REFERENCES

1. Belovolova E. A. Modern pedagogical technologies in professional competence of future teacher. *Modern pedagogical technologies in professional training of a teacher of Geography: Sourcebook on committee meeting in geography teaching and methodical association of education in the field of teacher training* (2–4 February 2012). N. Novgorod, NSPU UP Publ., 2012, pp. 94–97. (In Russian)
2. Vereschagina N. O. *Methodical training of BA and MA in geographical sciences: methodology, theory, perspectives: monography*. Saint Petersburg, Herzen RSPU Pub., 2011, 187 p. (In Russian)
3. Vegner E. G. *Methodological competence of a teacher of Geography: manual*. Novokuznetsk, 2010, 118 p. (In Russian)
4. Dushina I. V., Tamozhnyaya E. A. Ways of modernization of methodical experience of a teacher of Geography during the period of modernization of education. *Geography at school*. 2010, no. 3, pp. 34–38. (In Russian)

5. *Research of the process of forming the professional competence of future teachers*: monograph. Ed. by G. A. Bordovsky, N. F. Radionova, A. V. Tryapicina. Saint Petersburg, LEMA Pub., 2011. (In Russian)
6. Nechepurenko G. Ya. Competence approach in training of teacher of Geography in conditions of BA and MA educational system. *Siberian pedagogical journal*. 2013, no. 5, pp. 77–78. (In Russian)
7. Nechepurenko G. Ya. Assessment of formulated methodical competence of students on Geography in conditions of BA and MA educational system. *Geographic science and education: modern problems and prospective of development: materials on II All-Russian Scientific & Practical Conference* (Novosibirsk, 1–25 April 2013). Novosibirsk, NSPU UP Publ., 2013, pp. 232–251. (In Russian)
8. Nikolina V. V. Modern pedagogical technologies as a factor of realization of competence model of training of teacher of geography. *Modern pedagogical technologies in professional training of a teacher of Geography*: Sourcebook on committee meeting in geography teaching and methodical association of education in the field of teacher training (2–4 February 2012). N. Novgorod, NSPU UP Publ., 2012, pp. 8–22. (In Russian)
9. *Training of a teacher in two-levels educational structure*: monograph. Ed. by V. L. Matrosov. Moscow, MSPU Publ., 2011. (In Russian)
10. Pozdnyak S. N. Problems of improvement of methodical training of geography teacher in a context of rules of FSES new generation. *Geography at school*. 2012, no. 2, pp. 32–42. (In Russian)
11. *Practical work on methodics of training in geography*: manual for university students. Comp. V. D. Sukhorukov, D. P. Finarov, N. O. Vereschagina, T. V. Vileyto. Moscow, Academiya Publ., 2010, 144 p. (In Russian)
12. Solomin V. P. Priority vectors of a geographical education in modern school. *Geography and Ecology at school of the XXI century*. 2010, Vol. 2, pp. 35–37. (In Russian)
13. Strelnikova T. D. Possibilities of an interactive technologies at lessons on Geography. *Geography at school*. 2013, Vol. 8, pp. 45–52. (In Russian)
14. Suslov V. G., Nechepurenko G. Ya. *Theory and methodics of teaching geography in school with differencies in education*: manual for university students. Novosibirsk, NSPU UP Publ., 2013, 183 p. (In Russian)
15. Tamozhnyaya E. A. *System of methodical training of teacher of geography in pedagogical university in conditions of modernization of education*: Thesis of Doctor of Education. Moscow, MSPU UP Publ., 2010, 46 p. (In Russian)

© О. В. Якимов, О. Н. Мордовская

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.03)

УДК 377.5

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ – ВИД ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О. В. Якимов, О. Н. Мордовская (пгт. Селенгинск, Россия)

В статье авторы раскрывают понятие «педагогическое сопровождение», начиная с понятий «общение» и «взаимодействие». Дается анализ этих понятий с точки зрения классиков педагогики. Авторы прослеживают взаимосвязь общепринятых понятий с исследуемой проблемой по теме докторской диссертации на примерах общественной жизни и деятельности образовательных организаций, в частности, на примере политехнического техникума. В статье обосновываются примеры взаимодействия образовательных организаций, общие и отличительные требования к деятельности техникумов и школ. Приводятся примеры взаимодействия политехнического техникума через педагогическое сопровождение на уровне техникума, профессионального сообщества, общества в целом. В работе авторы используют методы анализа, наблюдения, аналогии, обобщения.

В статье приводятся примеры видов сопровождения в техникуме, факты, подтверждающие их эффективность и результативность. Авторы анализируют материалы научно-практической конференции, посвященной 35-летию техникума, по теме диссертационного исследования. На примере выступлений коллег на научно-практической конференции авторы обосновывают понятие «педагогическое сопровождение» и его значения в деятельности образовательной организации, а также проводят аналогии с цитируемыми источниками. Статья имеет выраженный практический характер и может быть интересна практикующим работникам профессиональных образовательных организаций.

Ключевые слова: *общение, взаимодействие, педагогическое сопровождение, фасилитация, политехнический техникум, профессиональное образование.*

Якимов Олег Васильевич – кандидат педагогических наук, директор автономного образовательного учреждения среднего профессионального образования «Политехнический техникум», пгт. Селенгинск, Республика Бурятия

E-mail: olegyakimov65@mail.ru

Мордовская Ольга Николаевна – заместитель директора по учебной работе автономного образовательного учреждения среднего профессионального образования «Политехнический техникум», пгт. Селенгинск, Республика Бурятия

E-mail: onm63@mail.ru

В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» установлены два уровня профессионального образования: среднее и высшее. Их осуществление обеспечивается образовательными организациями – «некоммерческими организациями, осуществляющими на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такая организация создана»¹.

Для получения среднего профессионального образования в России создаются и действуют техникумы и колледжи. Техникумы – это профессиональные учебные заведения более чем с двухвековой историей нашей страны, и определяются они, как средние технические или специальные учебные заведения.

Обучающиеся в техникумах продолжают изучение предметов общего образования и получают «*профессиональное образование* – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных образовательных программ знаний, умений и навыков и формирование компетенций определенного уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретной профессии или специальности»².

Техникумы работают и реализуют образовательные программы среднего профессионального образования. В образовательной деятельности техникумов осуществляется воспитание, развитие и обучение подопечных, студентов. В образовательной и других видах

деятельности участники (студенты, педагогические работники, представители органов управления, спонсоры, работодатели, родители, работники региональной, муниципальной и местной власти, культуры, спорта, медицины, правоохранительных органов) вступают в отношения. Их воспринимают, осваивают, соблюдают и реализуют студенты в стенах техникума и после окончания обучения. Отношения начинаются с общения между собой и педагогами.

Общение – универсальная и многовидовая форма взаимосвязей, на основе которой возникли и получили развитие другие виды и подвиды взаимосвязей, взаимоотношений и взаимодействий между индивидами, коллективами, социумами, обществами, сообществами [1, с. 6]. Оно, являясь первоосновой других видов взаимосвязей, служит частью, средством осуществления отдельных видов, подвидов взаимоотношений. Например, в начале и при поддержке дружеских отношений, выполнения трудовых, социальных, политических функций и т. д. Чтобы показать сущность и многозначность общения приведем определение и характеристику этого понятия и действия (словесного).

«Общение – специфическая форма взаимодействия и взаимовлияния субъектов, порождаемая потребностями совместной деятельности. В процессе общения происходит взаимовосприятие и взаимный обмен информацией». [5, с. 231]. В этом определении указаны историческая, социальная, психологическая сущность общения как духовного явления и действия. Все живые существа стремятся к взаимосвязям, и эта потребность выражается в специфических звуках, ведь человек

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон. – Новосибирск: Норматив, 2013. – С. 8.

² Там же.

создал язык, и он полновесно, целенаправленно, содержательно и адресно стал выражаться в общении.

Общение больше, чем единичное действие и совокупность действий. Б. Ф. Ломов рассматривает общение как самостоятельную сторону человеческого бытия, не сводимую к деятельности [9], А. А. Леонтьев понимает как один из видов деятельности [7], Д. Б. Эльконин [16] и М. Н. Лисина рассматривают общение как специфический вид деятельности, возникающий в онтогенезе [8]. Думается, что это сложный вид деятельности, находящийся в развитии и принимающий разные формы и выражения в других видах деятельности: общественно-трудовой, познавательно-учебно-научный, культурно-художественный, этико-правовой, административно-управленческий, физкультурно-спортивный и т. д.

Естественно, общение людей в труде изначально происходило через устные слова, разговорную речь. Оно охватывает вопросы: что и как делать, что и сколько получится в процессе и результате выполнения трудовых дел. Неизменными были вопросы организации, объединении усилий двоих и больше человек, также обмен мнениями, умениями и опытом.

При организации групповых форм работы (род, община, бригада, цех) содержащие общения становятся объемным, обстоятельным, предусматривающим процесс выполнения продолжительной деятельности. Конечно, происходит обсуждение как лучше, больше и быстрее сделать то или иное дело, выполнить определенный цикл работ. Со временем формируются большие группы тружеников для выполнения объемных работ, появляются организаторы, руководители, лидеры, распорядители, заказчики, позднее – работодатели. Объекты труда становятся сложными, требуется продолжительное время для выполнения

работы, подразделяются функции и т. д. Так появляются и практикуются договоры, строгие и обязательные правила, соглашения, обязательства и еще какие-либо договоренности [13].

На этом уровне общение переходит в новую форму, называемую – взаимодействием. Это устойчивая, можно сказать, определенная во времени, расписанная текстуально форма сотрудничества юридических и физических лиц о совместной работе, обмене продукцией или обеспечении выполнения дел. Поэтому в жизни и производственно-трудовой деятельности используются понятия – взаимодействие, взаимосвязь, взаимоотношение (просто отношение), а не только общение.

Итак, нами обосновано и раскрыто первое пространство употребления слова взаимодействие. В такой же логике возможно и утверждаемо, что понятие взаимодействия распространено в общественно-политической деятельности и государственной, административно-управленческой службе.

Взаимоотношения, взаимодействия устанавливаются между двумя или несколькими государствами: Евросоюз, евразийский союз, НАТО, БРИКС. Генеральная ассамблея, совет Безопасности, ЮНЕСКО – это организации взаимодействий государств в международном плане: торговых, экономических, научных, спортивных, по борьбе с терроризмом, запрещении производства атомного оружия и др.

Внутри государства взаимодействия осуществляются между тремя ветвями власти (законодательная, исполнительная, судебная), федеральным и региональным управлением; межотраслевые взаимодействия (культура и образование, экономика и социальная сфера), СМИ и правоохранительная система и т. д. Взаимодействия устанавливаются и осуществляются между предприятиями, организаци-

ями, учреждениями и государственными, общественными структурами. Также между юридическими и физическими лицами.

Представляется, уже достаточно суждений и аргументов, чтобы утверждать, что взаимодействие – всеобщее средство, общепринятая практика реализации взаимосвязей и взаимоотношений между субъектами, объектами и структурами общества. Это характеризует взаимодействие как трансформацию общения в деятельности. Потому следующее определение поддерживает нашу позицию по обоснованному положению. «Общение – взаимодействие субъектов, в котором происходит обмен рациональной и эмоциональной информацией, деятельностью, опытом, знаниями, навыками и умениями, являющиеся необходимым условием развития и формированием групп» [13].

Итак, взаимодействия осуществляются между людьми и структурами в обществе для выполнения разных видов деятельности. И отсюда правомерно предполагать, что взаимодействие осуществляется также в образовании как социальной системе и в соответствующих видах деятельности.

Учитель и учащийся; руководство школы и учителя, учащиеся; педагогический коллектив школы во главе с директором школы и родители, представители общественности; администрация школы и органы управления образованием; образовательные организации и производственные, правоохранные, коммерческие предприятия, организации, бизнес-структуры и отдельные предприниматели – все названные субъекты взаимодействуют по самым различным проблемам, вопросам системы образования. Например, реализация образовательных стандартов, улучшение качества образования, ремонт и строительство объектов системы образования, про-

ведение смотров, конкурсов и олимпиад, оздоровление, обеспечение безопасности учащихся и педагогов, участие педагогов в научно-исследовательской работе и т. д.

Названными видами взаимодействий учебные заведения устанавливают взаимоотношения с научными и методическими центрами, составляя справку, представляя докладную записку и другие документы.

У организаций профессионального образования к названным видам взаимодействий добавляются деловые связи с предприятиями и организациями по осуществлению профессионального обучения на двух ступенях (начальном и среднем). Эти взаимодействия многообразны, не всегда надежны, и требуется их периодическое обновление и развитие.

Деятельность техникумов, в отличие от школ, по целям и задачам периодически изменяется, соответственно обновляется содержание работы: меняется профиль профессиональной подготовки, приходится вводить обучение новым профессиям, отказываться от некоторых, хорошо освоенных. Если говорить образно, то нередко революционные преобразования, а реформаторские модернизационные изменения проводятся по потребностям и объективным причинам.

В постановке проблем, вопросов об изменениях, их реализации наравне с административным руководством и управлением, при руководстве осуществляется особый вид взаимодействия – педагогическое сопровождение [4, 7–8, 10–11, 15]. Это, прежде всего, соглашение о сотрудничестве с предприятиями и организациями по подготовке рабочих и специалистов. Оно не является заботой школ как общеобразовательных организаций. Чем теснее, конкретнее и по-деловому отлажены взаимосвязи, тем успешнее осуществляется теоретическая и практическая подготовка студентов в техникуме.

Современному техникуму или колледжу предъявляются высокие требования к качеству общего и профессионального образования. В связи с этим обозначились подходы к компетенциям обучающихся. А для этого надо вводить и внедрять современные образовательные технологии. Это значит, что руководство названных учебных заведений должно подвигать своих преподавателей и мастеров на освоение учебно-научно-методической работы на должном уровне.

Для техникумов и колледжей характерны переформирование, реструктуризация, создание новых отделений, основание и функционирование курсов, специальных групп по профессиональному обучению и по переподготовке. На рынке труда ускоренно изменяется потребность в направленности и специализации кадров рабочих и специалистов.

Средние специальные образовательные организации нередко вступают в союзы, ассоциации с вузами, также между собой. Некоторые из них вступают в содружество с зарубежными образовательными, отраслевыми структурами и осуществляют подготовку кадров.

Названные и другие виды деятельности осуществляются, выполняются, проводятся административными, управленческими решениями и мерами. Однако уровень и масштаб их реализации во многом зависят от отдельных видов, подвидов сопровождения, принимаемых руководством с преподавателями и мастерами. Поэтому мы перечислим виды сопровождения. Это помощь и поддержка; содействие и стимуляция, социально-педагогическое и образовательно-профессиональное партнерство; сотрудничество, содружество и сотворчество в выполнении учебно-методической, научно-методической и научной работы сотрудниками техникума, в повышении квалификации, профессионализма педагогов, в проведении научных конференций,

творческих дискуссий, круглых столов, конкурсов, педагогических чтений; апробации учебно-профессиональных игр, репетиций, тренингов, защита проектов и др.

Доказательствами утверждаемых идей, положений, практик служат примеры и факты из прошлого и настоящего среднего профессионального образования Республики Бурятия. Рассмотрим примеры из прошлого о сопровождении в интересах профессиональной подготовки обучающихся. В 1956 г. в городе Кяхта Бурятской АССР состоялось открытие индустриального техникума, а в 1964 г. техникум был переведен в поселок Селенгинск Кабанского района этой же республики. В 1979 г. на основании приказа министерства целлюлозно-бумажной промышленности и Государственного комитета РСФСР был издан приказ Бурятского республиканского управления по профессионально-техническому образованию «Об организации профессионально-технического училища на учебно-материальной базе Селенгинского индустриального техникума». Как видим, техникум был переформирован в профессиональное училище, т. е. переведен в более низкий статус как учебное заведение. Была проведена большая работа по переводу на новые программы, перестройке учебно-материальной базы, освоению иных методов и форм обучения.

В 1980 г. училище стало именоваться как «Среднее городское училище № 22» – СПТУ-22. Общеобразовательная подготовка учащихся средних профессиональных технических училищ проводится на уровне общеобразовательной подготовки учащихся средних общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений.

С 1991 г. согласно приказу Министерства образования и науки РФ «Об организации в порядке эксперимента высшего профессионального училища на базе СПТУ-22 в числе

девяти училищ Российской Федерации СПТУ-22 присвоен статус Высшего профессионального училища № 22 – ВПУ-22». В 2000 г. ВПУ-22 становится Профессиональным лицеем № 22 с двухуровневой подготовкой квалифицированных кадров (начальное профессиональное образование и среднее профессиональное образование). А в 2007 г. профессиональный лицей переименован в ГОУ СПО «Политехнический техникум».

Факты свидетельствуют, путь становления современного техникума был извилистым. Движение по этому пути происходило с противоречиями и проблемами. Руководству этого учебного заведения надо было не просто вести коллектив педагогов. Это значит: идти впереди, затем перейти на позиции и положение, передвигающихся вслед. В этом состоит сущность педагогического сопровождения как взаимодействия, характерного для педагогической теории и практики во все времена, но особенно актуальной в настоящий момент. Они присущи открытому, демократическому, гуманному, гуманитарному стилю руководства профессиональным общением и взаимодействием.

Факты, прецеденты сопровождения преподавателей и мастеров техникума, училища также состоят в освоении учебных программ, учебных курсов при переводе в другие статусы. Они являются результатами подготовки и выполнения основательной учебно-методической работы. Повышение квалификации, рост профессионализма, овладение педагогическим мастерством педагогами училища, техникума только по требованиям, указаниям, наказаниям недостаточны. Необходимы помощь и поддержка, содействие и стимуляция, сотрудничество, дружба и др.

Педагогическое сопровождение администрации образовательных организаций с учителями, педагогами особенно плодотворно в

научно-учебно-методической работе, в приобретении и выполнении доступных исследований по научно-методическим темам, по разработке и введению современных образовательных технологий и педагогических теорий.

Во многих техникумах в Республике Бурятия преподавателями на довольно высоком уровне выполняется научно-исследовательская работа. Об этом свидетельствуют материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 35-юбилею Политехнического техникума [17]. На заседаниях трех секций и мастер-классов педагоги техникума выступили с 30-ю заранее представленными тематическими сообщениями.

В первой секции: «Компетентностный подход в системе профессионального образования» было представлено, заслушано и рекомендовано к опубликованию 15 выступлений. Из них выделим несколько.

1. Н. Н. Лалетина. Использование игровых приемов в формировании общих компетенций на занятиях по «Управленческой психологии» и «Этике и психологии взаимоотношений» (Красноярский автотранспортный техникум).

2. О. В. Шишмарева. Формирование профессиональных компетенций у студентов группы ТМ-31 специальности 151031 (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

3. М. Н. Новичкова. Реализация компетентностного подхода на уроках химии (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

4. А. И. Залуцкий. Формирование профессиональных компетенций на уроках экономики (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

По нашей оценке, все четыре формулировки имеют предметные основания. Не простые, многозначные понятия – профессиональные компетенции, компетентностный

подход, конкретизированы на содержании отдельных учебных дисциплин. Причем психология, этика и экономика содержат гуманитарные, обществоведческие, научные понятия, положения, идеи и теории.

Н. Н. Лалетина правомерно рассматривает игру как коммуникативную деятельность и указывает в ней такие компоненты, как познавательный, эмоциональный, поведенческий и личностный. Выбор научно обоснованных исходных положений позволил автору осуществить продуктивное исследование. Однако имеются некоторые недостатки: отсутствует авторское определение понятия общей компетенции и компетентностного подхода.

В статье О. В. Шишмаревой недостаточно конкретики, анализа и значения тем и вопросов по избранной специальности в формировании профессиональных компетенций.

К рассматриваемому разделу примыкает тема и содержание статьи Т. В. Орловой «Использование возможностей интернет в организации проектной деятельности» (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»). Тема раскрыта в широком методическом и теоретическом планах, открывает перспективы методических и практических исследований.

О содержании и значении педагогического содружества и сотворчества сказано в статье О. Н. Мордовской «Социальное взаимодействие как фактор интеграции образования и науки» (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»). В статье рассматривается вхождение техникума в Ассоциацию образовательных организаций «Сибирский государственный технологический университет» (Красноярск) наряду с другими техникумами и колледжами, расположенными на территории Сибири от Алтайского края до Забайкальского края.

Во второй секции: «Электронное и проектное обучение, дистанционные материалы»

заслушаны, обсуждены и публикуются 13 статей. Выделим несколько:

1. М. Д. Очиров. Проектное обучение в моем опыте (Бурятский республиканский агротехнический техникум).

2. Л. В. Малыгина. Использование современных образовательных технологий в преподавании истории и обществоведения (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

3. А. К. Мухтарулина. Применение информационных технологий в мониторинге качества образовательной среды (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

4. О. Г. Панченко. Проектный и исследовательский методы обучения в мониторинге качества образовательной среды (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

5. В. С. Божеева. Проектная деятельность в изучении иностранного языка (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

6. А. П. Хараев. Внедрение интернет видеоконференций в образовательном процессе колледжа (Улан-Удэнский инженерно-педагогический колледж).

Еще 13 тем рассматривались на третьей секции: «Дополнение и развитие образовательных стандартов и образовательных программ с учетом региональных условий, требований и особенностей». В названии секции отражены актуальность направления в теории и практике осуществления среднего профессионального образования, учтена неоднозначность подходов и реализовано творчество сотрудников техникумов, колледжей.

О научно-методических поисках работников среднего профессионального образования свидетельствует выбор и разработка идеи фасилитации как вида педагогического взаимодействия и сопровождения:

1. Т. Н. Сампилова. Фасилизация в образовательном пространстве (Бурятский республиканский агротехникум).

2. Т. М. Жданович. Фасилитация в работе со студентами при изучении профессионального модуля (АОУ СПО РБ «Политехнический техникум»).

Формулировки тем показывают о ясных и четких позициях в понимании цели и задач своей работы. Разумеется, все это не гарантия

решения их на практике. Они могут быть раскрыты на разных уровнях. Такова особенность научного исследования. Итак, мы рассмотрели вопросы о педагогическом сопровождении как виде взаимодействия, особенно значимом в системе образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андреева Г. М.** Общение и оптимизация совместной деятельности. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 297 с.
2. **Газман О. С.** Неклассическое воспитание. От авторитарной педагогики к педагогике свободы. – М.: МНРОС, 2002. – 296 с.
3. **Горолатова Т. С.** Психолого-педагогическое сопровождение учащихся в учреждениях профессионального образования: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Н. Новгород, 2004. – 183 с.
4. **Дамдинов А. В., Молонов Г. Ц.** Педагогическое сопровождение учащихся и молодежи в интеграции отечественной и мировой культуры. – Улан-Удэ, 2012.
5. **Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А.** Психологический словарь-справочник. – М.: Харвест, 2001. – 576 с.
6. **Казакова Е. И.** Сопровождения развития – новая образовательная технология // Психолого-педагогическое и медико-социальное сопровождение развития ребенка: материалы Российско-фламанд. конф. – СПб, 2001.
7. **Леонтьев А. Н.** Общение как объект психологического исследования. – М., 1975.
8. **Лисина М. С.** Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986. – 144 с.
9. **Ломов Б. Ф.** Методологические и теоретические основы психологии. – М., 1984. – 444 с.
10. **Манжуев Г. Н., Молонов Г. Ц.** Сопровождение – фактор развития физической культуры и спорта. – Улан-Удэ, 2012.
11. **Нежкина Л. Ю., Молонов Г. Ц.** Педагогическое сопровождение личности в спорте – основа успешной адаптации и самореализации в жизни. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2012. – 190 с.
12. **Попкова Г. Н.** Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения старшеклассников: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Улан-Удэ: РГБ, 2013. – 25 с.
13. **Психолого-педагогический** словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 544 с.
14. **Розум С. И.** Психология социализации и социальной адаптации человека. – СПб.: Речь, 2006. – 366 с.
15. **Соснина В. Н., Молонов Г. Ц.** Педагогическое сопровождение сотрудников пенитенциарной системы. – Чита : ЗаБИЖТ, 2012. – 273 с.
16. **Эльконин Д. Б.** Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). – М.: Тривола, 1994. – 168 с.
17. **Педагогическое** сопровождение в деятельности профессиональной образовательной организации: материалы межрегиональной научно-практической конференции / под ред. О. В. Якимова. – Улан-Удэ: Бальжинимаев А.Б. 2014.-264 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.03)

Yakimov Oleg Vasilyevich, Candidate of Pedagogical Sciences, director of Polytechnic College, Selenginsk, Republic of Buryatia, Russian Federation

E-mail: olegyakimov65@mail.ru

Mordovskaya Olga Nikolaevna, Deputy Director for studies of Polytechnic College, Selenginsk, Republic of Buryatia, Russian Federation

E-mail: onm63@mail.ru

PEDAGOGICAL SUPPORT – KIND OF INTERACTION IN THE ACTIVITY OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Abstract

The authors reveal the concept of “educational support”, since the concepts of “communication” and “interaction”. The analysis of these concepts in terms of classical pedagogy. The author traces the relationship of the conventional concepts of a research question relating to his doctoral dissertation on the examples of social life and activities of educational organizations, in particular the example of Polytechnic College. In the article the examples of interaction between educational institutions, common and distinctive requirements for the operation of schools and colleges. Are examples of interaction Polytechnic College through educational support at the level of the college, the professional community, and society as a whole. In this paper, the authors use the methods of analysis, observation, analogy, generalizations.

The article gives examples of types of support in college, provides evidence to support their effectiveness and efficiency. The authors analyze the materials of scientific-practical conference dedicated to the 35th anniversary of the College, on the topic of dissertation research. On the example of speeches colleagues scientific-practical conference authors prove the concept of “educational support” and its importance in the activities of an educational organization, and draw analogies with cited sources. The article has a distinct practical and may be of interest to practitioners of professional employees of educational institutions.

Keywords

communication, interaction, educational support, facilitation, polytechnic school, vocational education.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. *Communication and optimization of joint activities*. Moscow, Moscow State University Publ., 1987, 297 p. (In Russian)
2. Gazman O. S. *Non-classical education. From authoritarian pedagogy pedagogy of freedom*. Moscow, MNROS Publ., 2002, 296 p. (In Russian)
3. Gorolatova T. S. *Psychological and educational support students in vocational obrazlovaniya*. Nizhny Novgorod, 2004, 183 p. (In Russian)
4. Damdinov A. V., Moloney G. Z. *Pedagogical support of students and youth in the integration of national and world culture*. Ulan-Ude, 2012. (In Russian)

5. Dyachenko M. I., Kandybovich L. A. *Psychological dictionary catalog*. Moscow, Harvest Publ., 2001, 576 p. (In Russian)
6. Kazakova E. I. Support of development – a new educational technology. *Psychological, educational, medical and social support of child development*. Materials of Russian-Flamand. Conference. Saint Petersburg, 2001. (In Russian)
7. Leontiev A. N. *Communication as an object of psychological research*. Moscow, 1975. (In Russian)
8. Lisin M. S. *Problems ontogeny of communication*. Moscow, 1986, 144 p. (In Russian)
9. Lomov B. F. *Methodological and theoretical foundations of psychology*. Moscow, 1984, 444 p. (In Russian)
10. Manzhuev G. N., Moloney G. Z. *Accompaniment – a factor in the development of physical culture and sports*. Ulan-Ude, 2012. (In Russian)
11. Nezhkina L. Y., Moloney G. Z. *Pedagogical support of the person in the sport – the basis of successful adaptation and self-fulfillment in life*. Ulan-Ude, 2012, 190 p. (In Russian)
12. Popkov G. N. *Pedagogical support of professional self-determination of senior pupils*. Ulan-Ude, Russian State Library Publ., 2013, 25 p. (In Russian)
13. *Psycho-pedagogical vocabulary for teachers and heads of educational institutions*. Roston-in-Don, Phoenix Publ., 1998, 544 p. (In Russian)
14. Rozum S. I. *Psychology of socialization and social adaptation*. Saint Petersburg, 2006, 366 p. (In Russian)
15. Sosnina V. N., Molonov G. Ts. *Pedagogical support of prison staff*. Chita, 2012, 273 p. (In Russian)
16. El'konin D. B. *Introduction to developmental psychology*. Moscow, 1994, 168 p. (In Russian)
17. Yakimov O. V. (ed.) *Pedagogical maintenance in activity of the professional educational organization: materials of interregional scientific and practical conference*. Ulan-Ude: Balzhinimayev A.B. Publ., 2014. 264 p.

© Т. В. Климова, Н. А. Волобуева

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.04)

УДК 371-372.3/4 + 612.821

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СОЦИАЛЬНОГО ОНТОГЕНЕЗА

Т. В. Климова, Н. А. Волобуева (Новосибирск, Россия)

В статье рассматривается проблема адаптации личности на разных этапах социального онтогенеза, т. к. это является одной из важнейших задач в модернизации образования. Цель статьи – выделить и охарактеризовать основные проблемы адаптации в различные периоды социального онтогенеза. В статье отмечается, что в современных условиях социально-экономических преобразований требуются люди, которые быстро приспосабливаются к новым требованиям и задачам в различных сферах деятельности. Анализ существующих в настоящее время потребностей в определении и реализации приоритетов развития всех уровней образования России ставит перед государством первоочередную задачу сделать наше образование конкурентоспособным и эффективным. Одним из важнейших направлений структурного и содержательного изменения образования является исследование процессов адаптации на разных ступенях социального онтогенеза. Так же в статье рассматривается взаимосвязь процессов адаптации на разных этапах социального онтогенеза с приобретённым в процессе взаимодействия со средой опытом. Выработанные и приобретенные навыки на предыдущей ступени адаптации играют большую роль при переходе с одного возрастного периода социальной адаптации на другой. Поэтому в данной статье рассматриваются наиболее важные в жизни человека периоды адаптации.

Ключевые слова: адаптация, здоровье, функциональные системы, среда жизнедеятельности, образовательный процесс, социальная адаптация, онтогенез.

Модернизация образования в современных условиях реализуется по инициативе государства. В настоящее время существует потребность в определении и реализации приоритетов развития всех уровней образования России, что в впоследствии должно сделать

наше образование конкурентоспособным и эффективным. Одним из важнейших направлений структурной и содержательной модернизации образования является исследование процессов адаптации на разных ступенях социального онтогенеза.

Климова Татьяна Васильевна – доцент кафедры логопедии и детской речи Института детства, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: fppd.klimova@ngs.ru

Волобуева Наталья Александровна – доцент кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности Института естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: volobueva.nata2011@yandex.ru

Сегодня востребованы на рынке труда люди, которые могут быстро меняться и адаптироваться к новым требованиям времени, способные получать новые знания и навыки, переориентироваться с одной сферы профессиональной деятельности на другую, т. е. быть профессионально мобильными.

В своем проявлении процессы адаптации имеют наследственную предрасположенность. Поэтому ответная реакция человека зависит от возможности определенным образом реагировать на изменения, происходящие в среде, в том числе и образовательной [1, с. 188].

Известно, что адаптация включает такие процессы как аккомодация и ассимиляция. Процесс аккомодации связан с механизмами приспособления организма к условиям среды [8, с. 236; 9, с. 10–13]. Если в процессе своей жизни человек способен к процессам аккомодации, то он встраивается в среду и довольно

успешно выполняет свои социальные функции. В процессе ассимиляции происходит изменение условий среды и «подстраивание» ее к своим потребностям. Однако не все люди могут успешно ассимилироваться в новых условиях и требованиях, что может приводить к снижению психофизиологических показателей здоровья и ситуации напряжения.

Известно, что процессы адаптации осуществляются в течение всей жизнедеятельности человека. Адаптация на разных этапах социального онтогенеза связана как с психическими и физиологическими изменениями в организме, так и с приобретенным опытом в процессе взаимодействия со средой. В данной работе мы рассмотрим наиболее важные в жизни человека периоды адаптации. При переходе с одного возрастного периода социальной адаптации на другой большую роль играют выработанные и приобретенные навыки на предыдущей ступени адаптации (рис. 1).

Рисунок 1.*Ступени социальной адаптации*

Период новорожденности характеризуется важными преобразованиями в деятельности организма. Структурно-функциональные процессы, происходящие после рождения, характеризуются дальнейшим формированием, развитием и осуществляются с достаточной скоростью. Новорожденный ребенок из относительно постоянных и комфортных условий попадает в совершенно иную экстремальную среду жизнедеятельности (перепад температур, давления, смена суточных ритмов, избыток кислорода, света). Однако в этот переломный момент у новорожденного ребенка имеются созревшие механизмы, которые способны реализовать наследственно обусловленные врожденные программы по адаптации в пределах нормы реакции.

В процессе постнатальной адаптации значительную роль играют факторы, как со стороны здоровья матери, так и со стороны уровня развития функциональных систем организма [6, с. 5–24].

По мнению Н. В. Зайцевой, нарушение адаптационных процессов у новорожденных детей могут вызывать различные факторы здоровья матери. Например, патологическое течение беременности, наличие заболеваний репродуктивной сферы матери, экстрагенитальная патология и ведение нездорового образа жизни: самостоятельное или пассивное курение, злоупотребление алкоголем, несоблюдение санитарно-гигиенических мероприятий [7]. Следовательно, состояние здоровья матери и необходимая для обеспечения процессов жизнедеятельности сформированность функциональных систем новорожденного (состояние центральной нервной системы, респираторной системы, системы кровообращения и гемодинамики, изменение процессов метаболизма и гуморально-регуляторной системы) оказывает определенное влияние на процессы

адаптации в этот критический период. Нарушение этих процессов приводит к затруднению адаптации в период новорожденности.

Следующей важной ступенью социальной адаптации является переход ребенка к образованию в дошкольном учреждении. Проблемы адаптации детей в изменившихся условиях современного дошкольного образования – введение федеральных государственных требований и проекта федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, появления новых форм обучения и воспитания дошкольников – становятся более чем актуальными. Особую значимость проблеме придает состояние здоровья детской популяции, тесно коррелирующее с особенностями и возможностями успешной адаптации детей к окружающему миру. Эти проблемы вызывают затруднения в психомоторном развитии, уровне физической, умственной работоспособности и здоровья детей дошкольного возраста, приводит к снижению адаптационных процессов. Важным аспектом в процессе успешной адаптации является социально-психологический уровень адаптации, характеризующийся сформированностью навыков самообслуживания, коммуникативного общения со взрослыми и сверстниками, личностными особенностями самого малыша, а также уровнем тревожности и влиянием семьи на ребёнка, компетентностью и профессионализмом педагогов и особенно единством требований сотрудников детского сада и семьи. Важным в процессе адаптации является готовность педагогов к принятию ребенка и родителей. Эффективность адаптации зависит, в том числе и от изначальной организации данной работы, выведение этого процесса на индивидуальный маршрут здоровьесбережения и обеспечение интеграции

и социального партнерства дошкольного образовательного учреждения и семьи [2, с. 14; 9, с. 14–15; 13, с. 112–134].

На ступени школьного образования сложным и в равной степени значимым является процесс адаптации для первоклассников, пятиклассников и для подростков. Именно от показателей ее успешности зависит результат дальнейшего обучения, эффективность стиля общения, возможность личностной самореализации в школьной среде, а также в дальнейшей жизни. Важно, чтобы этот процесс был пройден ребенком без серьезных психофизиологических потерь и ухудшения состояния здоровья. Известно, что каждый третий ребенок испытывает значительные трудности в процессе адаптации к обучению. Длительное напряжение может привести к школьной дезадаптации и к снижению социального и психофизиологического статуса ребенка к существующим современным требованиям образования в ситуации реализации ФГОС второго поколения школьного обучения [3, с. 58–60; 4, с. 143]. В адаптационный период необходимо учитывать и тот факт, что к моменту поступления в школу не все первоклассники готовы к обучению, т. к. в силу разных причин они не посещали дошкольные образовательные учреждения и учреждения дополнительного образования, а также проблемы детей из семей мигрантов.

При переходе с одной ступени на следующую образовательную ступень вопросам адаптации в системе образования и преодолению трудностей уделяется все больше внимания. Переход от общего (полного) среднего к высшему профессиональному образованию сопровождается серьезными проблемами [1, с. 188]. Необходимо отметить разный образовательный уровень вчерашних школьников. Организация образовательной деятельности в

вузе связана со сменой форм и методов получения информации, увеличением ее объема и усложнением содержания, отсутствием навыков организации самостоятельной работы, своеобразным контролем за посещением занятий и выполнением заданий, формированием нового коллектива для студентов первого курса связана с необходимостью перестраиваться и приспосабливаться к совершенно иной социальной среде.

Е. Н. Леонова считает, чтобы минимизировать отрицательные последствия адаптационного процесса необходимо введение «Значимого Другого» – наставника, который тщательно изучает первокурсников и начинает работу совместного взаимодействия. При этом формируется чувство собственной ответственности за происходящие события, выстраивается личная жизненная стратегия и сохраняется индивидуальность каждого [5, с. 133–136; 11, с. 3–22].

В условиях смены парадигмы образования со знаниевой модели, ориентированной на общественное производство, на компетентностную модель, ориентированную на самореализацию человека в интересах общества, встает очень серьезная проблема адаптации людей к новым производственным отношениям. Адаптацию молодого специалиста и интеграцию его в профессиональную среду организации рассматривают с нескольких позиций:

- 1) это адаптация к среде организации и своему рабочему месту;
- 2) адаптация к конкретному работнику и коллективу организации;
- 3) адаптация к процессам, происходящим в организации;
- 4) адаптация организации к ожиданиям и потребностям нового сотрудника.

От того как пройдет этот процесс адаптации зависит кадровый потенциал самой организации, достижение профессиональной компетентности, интеграция в кадровую и социальную структуру организации, накопление профессионального опыта, налаживание деловых и профессиональных контактов с коллективом, включение в общественную деятельность, повышение заинтересованности не только в личных достижениях, но и в достижениях коллектива [10, с. 141–144; 14, с. 4–16].

Анализ исследований, посвященных вопросам адаптации, показывает, что психофизиологические, социально-психологические и педагогические показатели позволяют представить данный процесс как взаимосвязанный,

многофакторный и многоуровневый. Однако на наш взгляд решение проблем адаптации не должно быть стереотипным и односторонним. Мы считаем, что на каждой ступени социальной адаптации необходимо учитывать дополнительные факторы: социокультурную и миграционную ситуацию, преемственность методов обучения и воспитания родителей и педагогов, типы высшей нервной деятельности, принятие или не принятие личности в новый коллектив и коллектива личностью. Один из способов решения этой проблемы заключается в реализации индивидуального подхода к человеку на каждой ступени его социальной адаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андриенко О. А.** Педагогические условия повышения эффективности социальной адаптации первокурсников в профессиональном лицее: дис. ... канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2009. – 188 с.
2. **Волобуева Н. А., Климова Т. В., Ширшова В. М.** Адаптация детей к условиям дошкольного учреждения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 5. – С. 14–19.
3. **Волобуева Н. А.** Проблемы школьной адаптации и здоровье учащихся начальных классов // Якутский медицинский журнал. – 2009. – № 3 (9). – С. 58–60.
4. **Волобуева Н. А., Абаскалова Н. П.** Предшкола как эффективный педагогический фактор адаптации детей к образованию // Вестник Читинского государственного университета. – 2012. – № 6 (85). – С. 143.
5. **Волобуева Н. А.** Социально-психологические проблемы адаптации ребенка к дошкольному образовательному учреждению // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 1 (13). – С. 133–136.
6. **Дашичев К. В.** Сравнительная характеристика регуляции сердечного ритма в раннем постнатальном онтогенезе у преждевременно родившихся детей и незрелорождающихся животных: автореферат дис. ... канд. мед. наук. – СПб, 2011. – С. 3–24.
7. **Зайцева Н. В.** Особенности ранней постнатальной адаптации новорожденных у матерей с артериальной гипертензией [Электронный ресурс]: дис. ... канд. мед. наук: 14.00.09. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net> (дата обращения: 08.09.2014)
8. **Климова Т. В., Маркова Е. В.** Формирование здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. – 240 с.
9. **Климова Т. В., Абаскалова Н. П.** Медико-социальные проблемы формирования здорового образа жизни детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 1 (13). – С. 141–144.

10. **Климова Т. В.** Педагогическое моделирование работы по формированию здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Читинского государственного университета. – 2012. – № 6 (85). – С. 14–22.
11. **Леонова Е. Н.** Педагогическое сопровождение процесса адаптации первокурсников вуза: автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Хабаровск, 2010. – С. 3–22.
12. **Маркова Е. В.** Механизмы нейроиммунных взаимодействий в реализации поведенческих реакций. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. – 236 с.
13. **Маркова Е. В., Смык А. В., Климова Т. В., Волобуева Н. А.** Гл. 6. Социально-гуманитарные проблемы современности // Психолого-педагогические подходы к коррекции тревожности у подростков в условиях реформирования образования: монография. – Saint Louis, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. – С. 22.
14. **Редлих С. М.** Освоение особенностей образовательной среды как фактор успешной социально-профессиональной адаптации начинающего учителя // Педагог: наука, технология, практика. – 1999. – № 2 (7). – С. 10–13.
15. **Сопоев С. А.** Адаптация молодых специалистов в современных российских организациях: автореферат дис. ... канд. социол. наук. – М, 2013. – С. 4–27.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.04)

Klimova Tatiana Vasilyevna, The senior lecturer of Department of Logopedics and the Children's speech, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: fppd.klimova@ngs.ru

Volobueva Natalia Aleksandrovna, The senior lecturer of Department of Anatomy, Physiology and Safety of ability to live, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: volobueva.nata2011@yandex.ru

TO STATEMENT OF THE PROBLEM OF ADAPTATION AT DIFFERENT STAGES OF SOCIAL ONTOGENESIS

Abstract

In this article, we describe the use of problem of adaptation of the personality at different stages of social ontogenesis, as is one of the most important in the direction of structural and substantial modernization of education. Article purpose – to allocate and characterize the main problems of adaptation during various periods of social ontogenesis. In article, it is noted that in modern conditions of social and economic transformations people who quickly adapt to new requirements and tasks in various fields of activity are required. The analysis of the needs for definition and realization of priorities of development of all education levels of Russia existing now sets a paramount task to make our education competitive and effective for the state. One of the most important directions of structural and substantial change of education is research of processes of adaptation at different steps of social ontogenesis. Also in article, the interrelation of processes of adaptation at different stages of social ontogenesis with the experience gained in the course of interaction with Wednesday is considered. The developed and acquired skills at the previous step of adaptation play large role upon transition since one age period of social adaptation to another. Therefore, in this article the most important adaptation periods in human life are considered. In this paper, we describe the most important in human life the adaptation periods.

Keywords

adaptation, health, functional systems, environment of life and activity, Federal State Educational Standard, educational process, social adaptation, ontogenesis.

REFERENCES

1. Andriyenko O. A. *Pedagogical conditions of increase of efficiency of social adaptation of first-year students in professional lyceum*. Magnitogorsk, 2009, 188 p. (In Russian)
2. Volobuyeva N. A., Klimova T. V., Shirshov V. M. Adaptation of children to conditions of pre-school institution. *Bulletin of Novosibirsk state pedagogical university*, 2012, no. 5, pp. 14–19. (In Russian)
3. Volobuyeva N. A. Problems of school adaptation and health of pupils of initial classes. *Yakut Medical Journal*. 2009, no. 3 (9), pp. 58–60. (In Russian)
4. Volobuyeva N. A., Abaskalova N. P. Predshkol as effective pedagogical factor of adaptation of children to education. *Chita State University Journal*. 2012, no. 6 (85), p. 143. (In Russian)

5. Volobuyeva N. A. Social and psychological problems of adaptation of the child to preschool educational institution. *Modern researches of social problems*, 2013, no. 1 (13), pp. 133–136. (In Russian)
6. Dashichev K. V. *The comparative characteristic of regulation of a warm rhythm in early post-natal ontogenesis at prematurely born children and the animals born the unripe*. St. Petersburg, 2011, pp. 3–24. (In Russian)
7. Zaytseva N. V. *Features of early post-natal adaptation of newborns at mothers with arterial hypertension*. Available at: <http://www.lib.ua-ru.net> (accessed: 08.09.2014) (In Russian)
8. Klimova T. V., Markova E. V. *Formations of a healthy lifestyle at children of the advanced preschool age with limited opportunities health*. Krasnoyarsk: Scientific and innovative center Publ., 2012, 240 p. (In Russian)
9. Klimova T. V., Abaskalova N. P. Medico-social problems of formation of a healthy lifestyle of children of the advanced preschool age with limited opportunities of health. *Modern researches of social problems*, 2013, no. 1 (13), pp. 141–144. (In Russian)
10. Klimova T. V. Pedagogical modeling of work on formation of a healthy lifestyle at children of the advanced preschool age with limited opportunities of health. *Chita State University Journal*. 2012, no. 6 (85), pp. 14–22. (In Russian)
11. Leonova E. N. *Pedagogical maintenance of process of adaptation of first-year students of Higher Education Institution*. Khabarovsk, 2010, pp. 3–22. (In Russian)
12. Markova E. V. *Mechanisms of neuroimmune interactions in realization of behavioural reactions*. Krasnoyarsk, Scientific and innovative center Publ., 2012, 236 p. (In Russian)
13. Markova E. V., Smyk A. V., Klimova T. V., Volobuyeva N. A. Chapter 6. Social and humanitarian problems of the present. *Psychology and pedagogical approaches to correction of uneasiness at teenagers in the conditions of reforming of education*. Monograph. Saint Louis, USA, Science and Innovation Center Publ., 2014, p. 22. (In Russian)
14. Redlikh S. M. Development of features of the educational environment as a factor of successful social and professional adaptation of the beginning teacher. *The Teacher: science, technology, practice*. Barnaul, 1999, no. 2 (7), pp. 10–13. (In Russian)
15. Sopoyev S. A. *Adaptation of young specialists in the modern Russian organizations*. Moscow, 2013, pp. 4–27. (In Russian)

© В. Е. Клочко

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.05)

УДК 159.9

СИСТЕМНАЯ ОНТОПЕДАГОГИКА: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ*

В. Е. Клочко (Томск, Россия)

В статье рассматривается проблема трансформации идей онтопсихологической педагогической доктрины, происходящей в результате перехода психологии к освоению постнеклассических методологических установок. Показано, что онтопедагогика А. Менегетти и фасилитативная педагогика К. Роджерса возникли в результате переноса в психологию представлений, полученных в процессе «человекоцентрированной» психотерапевтической практики, поэтому онтопедагогика неклассического периода основывалась на знаниях, полученных интуитивным путем. Выявлена характерная для отечественной психологии тенденция поиска связи свободного поведения человека с организацией его многомерного жизненного пространства. Системная онтопедагогика является результатом переноса в сферу педагогики идей системной антропологической психологии, которая рассматривается автором как современное научное направление постнеклассического уровня. В основе системной онтопедагогики лежат представления об уровнях, этапах и закономерностях процесса образования «человеческого в человеке», которые подтверждаются современными психофизиологическими исследованиями.

Ключевые слова: онтопедагогика, фасилитативная педагогика, витальная онтология, человекообразование, системная онтопедагогика, постнеклассическая парадигма.

Исторически сложилось так, что любое использование понятия «онтопедагогика» вызывает прочную ассоциацию с именем А. Менегетти – создателем, так называемой, онтопсихологии и онтопсихологической педагогической доктрины [1]. Само понятие «онтопсихология» (от греч. *ontos* – бытие, *psyche* – душа

и *logos* – разум) с 1970 г. стало опознавательным знаком научной школы в области современной зарубежной психологии и психотерапии, основанной А. Менегетти. Основные положения онтопедагогика А. Б. Орлов представил в виде нескольких положений [7, с. 49]:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 14-06-00712 «Кросс-культурное исследование уровня развития математической креативности у студентов вузов разных категорий и профилей подготовки».

Клочко Виталий Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

E-mail: klo@nextmail.ru

1. Эффективным воспитателем может быть только тот, в ком свободно взаимодействуют Ин-се (сущность в себе – внутреннее позитивное ядро человека, его подлинное бытие – В. К.) и сознательное Я. Прежде всего, человек обязан быть верным себе, только тогда он может содействовать позитивному росту других.

2. Дети всегда здоровы. Если они кажутся больными, то это потому, что в них соматизируются конфликтные ситуации взрослой среды. За каждым больным ребенком просматривается семантическое поле взрослого человека, который болен или просто несчастлив.

3. Ребенок должен быть постоянно открыт своему внутреннему опыту. Если воспитание ребенка будет нацелено исключительно на внешние социальные ориентиры, его развитие зайдет в тупик.

4. Ребенок всегда чувствует семантические поля взрослых. Каждый раз, когда родители хотят помочь ребенку в его развитии, они, прежде всего, должны проявить в отношениях с ним свою безусловную любовь. Когда любовь подтверждена, создаются необходимые и достаточные условия для позитивных самостоятельных изменений ребенка, приводящих к устранению его функциональных недостатков.

А. Менегетти определил свой особый подход к природе «свободного поведения». Ученый в работе «Система и личность» отмечает: «Для того, чтобы достичь состояния “Я есть”, необходимо устранить в себе *систему*. Ибо совокупность наших психо-эмоциональных комплексов, верность тем или иным традициям, верованиям, идеологиям, неизменность наших ролей, занятий, профессии, характера, в конечном счёте, представляют собой замкнутый системный контур» [2, с. 45]. До тех пор, пока индивид не устранил систему из самого себя, он должен смириться со своей

одномерностью (некреативностью). Если же индивид добивается успеха в интеллектуальном дистанцировании (достигает универсального «досуга»), то он способен использовать систему и все её институты в качестве некоего интеллектуального инструмента.

Два фактора – страх и фиксированность, являются, по А. Менегетти, тем, что блокирует выход человека за пределы себя и «тормозит» инновационное поведение. «Монитор отклонения», по А. Менегетти, это, своего рода, внутренний цензор человека, находящийся в его бессознательном, и жестко обуславливающий его поведение определенным набором стереотипов. В такой же степени существенным в рамках психологической реальности индивида является непрерывное исключение субъектом действия «монитора отклонения» из своего духовного мира. Чтобы выключить этот «монитор» необходима «аутентикационная психотерапия», обеспечивающая начальную автономию субъекта и позволяющая ему – не нападая или разрушая – все более релятивизировать различные системы, стимулируя центростремительное движение ценностей в своем внутреннем мире. А. Менегетти делает упор на том, что задача самосозидания самих себя не зависит ни от системы, ни от других – это исключительно личная ответственность человека.

Онтопедагогика А. Менегетти и фасилитативная педагогика К. Роджерса. Можно отметить некоторую общность онтопсихологических проекций в педагогику, осуществленных А. Менегетти, с теми проекциями, которые были сделаны с позиции человекоцентрированной парадигмы К. Роджерсом [3]. С одной стороны, общим в двух доктринах является их концентрация на вполне гуманистической идее становления свободного чело-

века в образовательном процессе. А Менегетти интересует проблема «свободного поведения» и психологические механизмы его не-свободы («монитор отклонений»). К. Роджерса увлекает проблема гуманизации обучения, заявленная им в монографии «Свобода учиться» (1969), более известная теперь по расширенному и переработанному изданию 1983 г. [4]. С другой стороны, эти концепции объединяет то, что оба исследователя переносят в педагогику свои представления о психологии человека, полученные в результате психотерапевтической практики, которые во многом являются интуитивными и не вполне отрефлексированными с точки зрения психологических механизмов и закономерностей. Кроме того, эти представления формировались в процессе психотерапевтической работы с взрослыми людьми, а это порождает проблему адекватности переноса идей в педагогику, имеющую дело с детьми и подростками [5–6].

Несмотря на это, основная библиография по онтопсихологии уже к началу текущего века насчитывала более 20 солидных монографий, а Международная ассоциация онтопсихологии объединяла усилия более 1 000 специалистов, работающих в разных странах мира [7]. По мнению А. Б. Орлова, установки онтопсихологии вполне созвучны общей гуманистической направленности современной российской психологической науки: «идеи образования как “становления образа” человека, личностно-ориентированного образования, высвобождения творческого потенциала личности, признание чрезвычайной значимости семейного контекста личностного развития и т. д. и т. п. сближают наши исходные позиции с позициями онтопсихологов» [7, с. 50]. В свою очередь, американский психотерапевт К. Роджерс по праву считается основателем

фасилитативной педагогики, получившей широкое распространение – сначала на Западе, а потом в других странах, в том числе и в России [8].

Вопрос заключается в том, почему именно психотерапевтическая практика в обоих случаях является фактором, инициирующим генерацию педагогических доктрин. Отвечая на поставленный вопрос, можно выделить несколько оснований, позволяющих объяснить феномен влияния психотерапевтической практики на возникновение новых педагогических доктрин. Прежде всего, эти практики имеют дело с целостным человеком, т. е. на самом деле являются человекоцентрированными практиками. Они вынуждены концентрироваться на человеке (клиенте), в то время как «академическая психология» к целостному человеку только приближается. Можно констатировать наличие разрыва между тем знанием о психике, которое получено средствами академической психологии, и тем знанием, к которому приходит психотерапевт, анализирующий психологические феномены с позиции помощи человеку, в силу не всегда понятных причин теряющему целостность и устойчивость бытия.

Тенденция антропологизации психологического познания отчетливо выступает, если на историю психологии смотреть трансспективно [9–10]. Наука начала свой путь с определения эмпирической области явлений, полученных с помощью самонаблюдения и отнесенных к сфере психических явлений. Она продолжает этот путь, все более расширяя и углубляя знание об этих явлениях, справедливо полагая, что они принадлежат человеку и значит, исследуя их, она изучает человека. Однако только сегодня к психологам по настоящему приходит осознание того, что предметом науки до сих пор являлась только часть целостного человека (психика), которая прак-

тически еще не изучена в ее взаимоотношениях со своим целым. Человекоцентрированная психологическая практика, пусть во многом интуитивно и не очень доказательно, эти взаимоотношения объективирует и пытается распространить полученный опыт на другие антропопрактики, в том числе и образовательные.

Можно полагать, что настоящий прорыв в психологии начнется, когда предметом науки станет психика, рассматриваемая в контексте целостного человека. Определенные надежды могут быть связаны с постнеклассическим этапом развития науки, который понастоящему только начинается. Предметом постнеклассической науки являются открытые саморазвивающиеся системы (В. С. Степин). С нашей точки зрения, которая будет изложена ниже, для постнеклассической психологии таким предметом выступает человек, понятый в качестве открытой саморазвивающейся (и самоорганизующейся) системы.

Свободное поведение и витальная онтология. Заметим, что уже сам факт выделения фаз или этапов развития науки, адекватных последовательной смене идеалов рациональности (классика – неклассика – постнеклассика), предполагает тенденцию, проявляющуюся в виде закономерной трансформации метода науки, вбирающего в себя новые принципы, опираясь на которые разум (теоретическое мышление) поднимается на новые (и более высокие) уровни системного видения изучаемой реальности. Например, в поле зрения психологов появляются последовательно усложняющиеся системные конструкции, конституирующие витальную онтологию человека: транссубъективное пространство (Д. Н. Узнадзе), жизненное пространство (К. Левин), смысловое поле (Л. С. Выготский), жизненный мир (Л. Бинсвангер,

Ф. Е. Василюк), многомерный мир (А. Н. Леонтьев), многомерное пространство жизни (В. Е. Клочко).

В развитии отечественной психологической мысли можно проследить тенденцию сближения проблемы свободного поведения, свободного действия с онтологией жизненного мира человека. Одним из первых о возможности «новой педагогики» заговорил С. Л. Рубинштейн. Еще в 1918 г. он писал: «Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет, и чем завершеннее этот последний, тем более завершенной является она сама. Одним и тем же актом творческой самодеятельности, создавая и его и себя, личность создается и определяется, лишь включаясь в ее объемлющее целое» [11, с. 106]. Зафиксировав акт порождения собственного мира самим человеком, С. Л. Рубинштейн признал тем самым, что человека нельзя отделить от его мира. Более того, нужна педагогика, *«педагогика в большом стиле»*, которая сможет так организовать обучение человека, чтобы он смог сам построить этот мир, придать ему завершенность и значительность, поскольку человек таков, каков его мир. Заметим, что до сих пор не созданы образовательные технологии, которые кроме передачи знаний о мире сознательно и целенаправленно были бы ориентированы на помощь человеку в формировании его многомерного мира, его индивидуального пространства жизни.

Это связано с тем, что до сих пор не преодолен барьер между объективной и субъективной реальностями: очень сложно совместить субъективное и объективное и представить их единство в форме многомерного пространства, постулирующего их со-бытие. С. Л. Рубинштейн утверждает в своей работе: «Объективность какой-либо совокупности со-

держаний зависит не от того, входит ли в состав его что-либо от меня исходящее и мной вносимое или нет, значит, не от того, дано ли оно или создано, воспринято или конструировано, а от того, замыкается ли оно в завершенное самостоятельное целое. Тем самым преодолевается конфликт между объективностью и творческой самодеятельностью» [11, с. 104].

Преодолеть противостояние внутреннего и внешнего в психологии и педагогике попытался Д. Н. Узнадзе, введя в науку «принцип коинциденции». Д. Н. Узнадзе, последовательно анализируя сменяющие друг друга теории эмпиризма, нативизма, конвергенции, своеобразно устанавливающие взаимосвязи между внешним и внутренним в поведении и развитии человека, пришел к выводу о том, что идея «размежеванности» и самостоятельности внутреннего и внешнего по отношению друг к другу, которая является аксиоматической основой всех этих теорий, «совершенно не соответствует действительному положению дела: это – ошибочная идея и не может быть пригодной в качестве предпосылки для теоретического рассуждения» [12, с. 111]. Принцип коинциденции (соответствия) предполагает, что «понятие внутреннего уже содержит в своем содержании то, что считают внешним, и наоборот, понятие внешнего – то, что считают внутренним» [12, с. 110]. Д. Н. Узнадзе понимал, что он вышел к решению проблемы «актуализации и развития сил человека». Причем вышел не традиционным путем разделения внутренних или внешних воздействий на человека, но путем такой организации внешнего (воспитание), которое отвечает ожиданиям и потенциям внутреннего. «Согласно изложенной теории, перед воспитанием раскрываются широчайшие перспективы» [12, с. 115].

В свое время Д. Н. Узнадзе ввел в обращение понятие «функциональная тенденция» [13]. С точки зрения А. Г. Асмолова, это была

«первая продуктивная попытка» найти источник развития деятельности в ней самой [14]. Д. Н. Узнадзе, используя это понятие, подчеркнул, что деятельность может активизироваться не под влиянием потребности, а сама по себе содержит тенденцию к активации. Сегодня можно утверждать, что Д. Н. Узнадзе одним из первых попытался реализовать принцип саморазвития, который сегодня признается отличительным признаком постнеклассической науки, предметом которой как раз и являются открытые саморазвивающиеся системы. Д. Н. Узнадзе, пытаясь преодолеть дихотомию Материи и Духа, вышел к «транс-субъективному пространству» человека, этому прообразу многомерного жизненного пространства, к которому так долго выходила психология после него. В этом пространстве, представляющем собой органическое единство внутреннего и внешнего, объективного и субъективного, рождаются импульсы самодвижения человека и его деятельности. Они имеют в качестве своего мотивирующего источника сам факт взаимодействия человека с миром.

В. П. Зинченко вышел к проблеме «свободного действия» в рамках культурно-исторического подхода в психологии. Говоря о свободном действии, автор полагает, что вместе с этой проблемой психология вступает в область совершенно особых реалий, а именно собственно психологических явлений, «которые есть акты, а не факты». По мнению В. П. Зинченко, источник происхождения свободных действий следует искать в характеристике живого движения, которое должно рассматриваться не как перемещение тела в пространстве, а как преодоление пространства [15, с. 139]. Однако реализовать в то время эти идеи было чрезвычайно трудно: человек и его личное пространство не рассматривались в единстве, хронотопически. «Анализ свободного челове-

ского действия – серьезный вызов психологической науке», – заключает В. П. Зинченко [15, с. 132].

Итак, тенденция поиска связи свободного поведения с организацией витальной онтологии, сложившаяся в отечественной психологии, на самом деле может быть понята и объяснена как проявление парадигмального сдвига, выводящего науку к методологическим установкам постнеклассического уровня. Отечественная наука уже сравнительно давно приступила к освоению нового и гораздо более широкого «масштаба» видения человека как предмета психологического исследования, фактически включив в понятие человека пространственно-временные параметры его жизненного мира. Вместе с тем, возникла проблема поиска психологических механизмов человекообразования, без учета которого невозможно создать онтопедагогику как человекоцентрированную педагогическую доктрину. Такую доктрину, которая основывалась бы не только на переносе в педагогику интуиций, возникающих в процессе человекоцентрированных психотерапевтических практик, но опиралась бы на научно обоснованное психолого-педагогическое знание. Заметим, что современный социальный заказ, обращенный к педагогике, имеет в виду не просто поиск и отработку новых методов или педагогических приемов, а «иной тип антропопрактик» [16].

Системная онтопедагогика: психофизиологическое обоснование. Говоря о «системной онтопедагогике», мы имеем в виду некий идеальный конструкт, возникающий при переносе в сферу педагогики идей системной антропологической психологии, разработкой которой уже сравнительно давно занимаются томские психологи [17]. Под системно-

антропологическим подходом понимается совокупность идей, возникающих при последовательном развитии принципов культурно-исторической теории Л.С. Выготского, интегрируемых в целостную систему на основе понимания человека как открытой саморазвивающейся системы, по отношению к которой психика выступает в качестве специфического «органа отбора» (Л. С. Выготский), обеспечивающего устойчивость человека в меняющемся мире.

В соответствии с этим, методологической базой теории является представление о человеке как открытой саморазвивающейся (и самоорганизующейся) системе, которое выступает в роли своеобразной модели, задающей некий образ, стиль многомерного мышления, в определенном смысле «гештальт», сквозь призму которого рассматриваются новые познавательные ситуации [17]. Таким образом, системная антропологическая психология понимается нами как один из вариантов антропологии, отвечающей идеалам постнеклассической рациональности.

Мы исходим из того, что образовательная практика имеет дело с «целым человеком», а не только с его психикой. Она имеет дело с открытой системой, для которой перманентно идущий в ней процесс становления является способом существования. Понимание этого приводит к утверждению мысли о том, что образовательная среда должна быть специально настроена на поддержку человекообразования, процесса «вочеловечивания», т. е. учитывать закономерности этого процесса, сообразовываться с его этапами, динамично перестраиваться для того, чтобы продолжать соответствовать человеку, становящемуся все более сложным в плане своей системной организации.

Идея порождения многомерного мира человека противоречит до сих пор широко

распространенному в психологии и педагогике представлению о психике как «отражении реальности». Становясь педагогической парадигмой, т. е. тем, что определяет мышление работников образования, это представление приводит к тому, что образовательные модели или педагогические технологии, основывающиеся на этой парадигме, гуманными быть не могут, потому что не отвечает природе человека. Понять закономерности человекообразования, выделить этапы становления человеческого в человеке и сообразовать с ними всю систему педагогических воздействий – в этом, на наш взгляд, заключается высший смысл онтопедагогики.

Новый взгляд на онтогенез позволяет рассмотреть в нем этапы становления человеческого в человеке [18]. Мы уже достаточно много знаем о том, как формируется многомерное пространство жизни, как последовательно это пространство обретает новые измерения, и вслед за этим поднимается на новые уровни сознание человека [19]. При этом сам человек, выходя на новые ступени суверенности, требует для себя другую образовательную среду, которая сделала бы этот процесс суверенизации непрерывным и сообразованным с ним.

Первый этап вочеловечивания является этапом формирования предметного мира и, соответственно, предметного сознания ребенка (первые три года жизни). Ранее мы писали о том, что все возможные педагогические технологии онтопедагогики – это техники человекообразования. Центральный момент в этих техниках – умение соединить слово («живущее» в культуре) с чувственным опытом ребенка, участвуя тем самым в становлении предметного пространства его жизни как ближайшего основания его предметного сознания [20–22]. Теперь обратимся к результатам нейрофизиологических исследований, под-

тверждающих справедливость этого утверждения. Прежде всего, примем во внимание тот факт, что сегодня уже достаточно точно определена область мозга, которая связана со способностью человека «облекать предметы в форму слов» [23, с. 233]. Что это значит? Некий объект из пространства в себе и для себя существующего мира становится «предметом для человека», существующем в его личном пространстве и времени. И происходит это через опосредующую роль взрослого, который указывает на предмет и произносит слово, его обозначающее. Обнаруживается место, в котором слово (элемент культуры) соотносится с материальным субстратом, каковой и становится его носителем.

Совершенно недавно (2014 г.) сделанное открытие в области нейрофизиологии восприятия речи существенно дополнило механизм «облечения предметов в форму слова». Оно стало доступным под звучным заголовком «Традиционные представления о восприятии языка неверны» [24], но за этим сенсационным выводом скрывается вполне серьезное исследование [25]. С помощью магнитоэнцефалографии (МЭГ) было доказано, что когда ребенок узнает новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. Когда, например, мама показывает на солнце и говорит: «Солнышко», то при этом происходит активация его мозга в тех зонах, которые отвечают и за слуховое восприятие, и за артикуляцию, и за восприятие зрительных образов и/или контроль движений. Таким образом, формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, включая и те, которые традиционно связывают не с речью, а с простыми функциями, такими как движение мышц. Эта сеть и становится мозговым представительством того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и

произношение с теми действиями и ощущениями, которые обозначают предмет, который этим словом обозначается.

Какова польза этого открытия для онтопедагогики? Она становится понятной, если учесть, что указывая на предмет и обозначая его словом, мама не только формирует у ребенка представление о чем-то, что находится вне его, но одновременно участвует в становлении у ребенка собственного «Я». Получается, что эффект присутствия человека в мире, как главный показатель наличия сознания (самосознания), формируется в едином процессе диалога ребенка с культурой, опосредованном взрослым. Предметное сознание является функцией от организации предметного мира ребенка, формирующегося в транскоммуникации – коммуникации ребенка с взрослым, порождающей транссубъективное пространство – многомерный мир человека [26]. Обучить взрослых искусству транскоммуникации является непосредственной задачей онтопедагогики, распространенной на сферу педагогической подготовки родителей и учителей.

Следующая стадия становления человеческого в человеке охватывает период от трех лет до предпоздкового возраста (примерно 11,5 лет). Суть ее в том, что предметный мир ребенка начинает обретать смысловые измерения, а при этом сознание становится осмысленным. Задача посредника (мать, учитель) заключается в умение соединить смыслы (пребывающие в культуре в своей идеальной, надличностной форме) с предметным пространством человека, превращая тем самым предметный мир в реальность, в которой можно действовать, понимая смысл своих действий и отвечая за них.

По нашим данным, осмысленное (или осмысляющее) сознание также является функцией от организации жизненного мира, который в процессе онтогенеза становится сложнее, обретая еще одно измерение – смысловое. В качестве нейрофизиологического обоснования здесь может служить открытие, состоявшееся в 1990 г., которое фактически не привлекло внимание психологов, хотя Л. С. Выготский отметил в свое время, что задача объяснения происхождения и возникновения осмысленности является «труднейшей из всех, перед которыми когда-либо стояли психологи-исследователи» [27, с. 267]. Формула открытия выглядит следующим образом: «Установлено неизвестное ранее свойство нейронов подкорковых образований мозга человека реагировать на смысловое содержание воспринимаемой органами чувств информации, обуславливающее их функционирование в качестве звеньев системы, реализующей мысленную деятельность»¹. Можно полагать, что смыслы возникают в результате взаимодействия человека с его средой, выступая в качестве динамических внечувственных системных качеств явлений и предметов, фиксирующих соответствие их (явлений и предметов) текущим состояниям человека, его запросам и ожиданиям, обращенным в мир.

Смыслы можно рассматривать как своеобразный отклик мира на эти запросы. Меняется функциональная роль эмоций: они теперь «считывают» сверхчувственные качества предметов, каковыми выступают смыслы и ценности. Благодаря этому сознание человека оказывается сконцентрированным не на любом фрагменте «объективной реальности», но на выделенном смысловой разметкой актуальном («напряженном») секторе пространства

¹ Государственный реестр открытий [электронный ресурс]. – URL: [http://ross-](http://ross-nauka.narod.ru/03/03-347.html)

nauka.narod.ru/03/03-347.html (дата обращения: 11.09.2014)

жизни. Смысл предмета транспонирует в сознание предметы, отвечающие потребностям и возможностям человека [19]. Вклад этого открытия в онтопедагогику трудно переоценить, поскольку теперь становятся понятным, почему многочисленные проекты «осмысленного обучения» К. Роджерса испытывали такую трудность при их реализации. Механизм становления осмысленного сознания не был известен К. Роджерсу, но талантливый ученый интуитивно смог реализовать в своих проектах некоторые его основные детали.

Следующая стадия «вочеловечивания» – это стадия становления ценностного сознания, возникающего благодаря ценностным координатам, которые обретает многомерный мир человека. Здесь мир человека становится пространством для реализации возможностей, выражения своей сущности, самоопределения и саморазвития. Посредническая функция взрослых заключается в умении соединить предметную реальность с ценностями («живущими» в культуре в качестве надличных общечеловеческих ценностей), в силу чего реальность превращается в действительность – устойчивый, несмотря на ситуативность смыслов, мир суверенного человека, подлинно пространство жизни [28].

В качестве заключения можно привести следующие обобщения:

1. Системная онтопедагогика имеет целью создание условий, в которых опти-

мально осуществляется становление человеческого в человеке с учетом этапов и закономерностей вочеловечивания.

2. В традиционной педагогике учитель выполняет функцию транслятора культуры, в неклассической педагогике учитель выполняет функцию фасилитатора, в постнеклассической педагогике (системной онтопедагогике) учитель выступает в качестве посредника (медиатора) между человеком и культурой, понимающего свою посредническую миссию.

3. Предметом онтопедагогики выступает многомерный мир человека с его подвижной, открытой для окружающей среды границей, где степень открытости означает степень психологического здоровья всей системы. Учитель отвечает за то, чтобы во взаимодействии с культурой мир ребенка обретал новые мерности, расширялся и упорядочивался.

4. В онтологическом плане сознание прямо зависит от того, как организован этот мир, каковы его предметные, смысловые и ценностные координаты (измерения). По мере их становления растет суверенность человека, его способность понимать смысл и ценность своих действий.

5. В онтопедагогике воспитательные, учебные и развивающие цели образования не расходятся между собой, но реализуются в одном процессе взаимодействия ребенка с культурой, опосредованного «значимыми другими».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Менегетти А. Онтопсихологическая педагогика. – Пермь : Хортон Лимитед, 1993. – 76 с.
2. Менегетти А. Система и личность. – М.: «Серебряные нити», 1996. – 128 с.
3. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М. : Прогресс, 1994.
4. Rogers C. Freedom to learn for the 80's. Columbus – Toronto – London – Sydney: Ch. E. Merrill Publ. Company, A Bell & Howell Company, 1983. – 312 p.
5. Менегетти А. Клиническая онтопсихология. – Пермь : Хортон лимитед, 1995. – 470 с.
6. Роджерс К. Р. Человекоцентрированный/клиентоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 48–58.

7. Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики: учеб. пособие для студ. психол. фак. вузов. – М.: Академия, 2002. – 272 с.
8. Ромашина С. Я., Майер А. А. Фасилитативная педагогика в высшем образовании // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2012. – № 6. – С. 45–49.
9. Ключко В. Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – № 1. – С. 5–19.
10. Ключко В. Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. – 2011. – № 40. – С. 136–151.
11. Рубинштейн С. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 101–107.
12. Узнадзе Д. Н. Антология гуманной педагогики. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. – 224 с.
13. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. – М., 1966. – 452 с.
14. Асмолов А. Г. О предмете психологии личности // Вопросы психологии. – 1983. – № 3. – С. 118–125.
15. Зинченко В. П. Идеи Л. С. Выготского о единицах анализа психики // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. – № 2. – С. 118–133.
16. Попов А. А. «Конструирование будущего». Социальное позиционирование онтопедагогики в России [электронный ресурс]. – URL: <http://www.circleplus.ru/content/summa/31> (дата обращения: 11.09.2014)
17. Galazhinsky E. V., Klochko V. Y. System anthropological psychology: methodological foundations // Psychology in Russia: State of the Art. – 2012. – Vol. 5. – P. 81–98.
18. Ключко В. Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. – 1998. – № 8–9. – С. 7.
19. Ключко В. Е. Проблема сознания в психологии: постнеклассический ракурс // Вестник МГУ. (Серия 14. Психология). – 2013. – № 4. – С. 20–35.
20. Ключко В. Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. – 1996. – № 2. – С. 10–13.
21. Ключко В. Е. Онтопедагогика: Психологические основы и гуманитарный потенциал // Проблемы целеполагания в психологических и педагогических исследованиях: материалы II Забайкальской межрегиональной Школы молодых ученых. – Чита: Изд-во ЗаБГПУ, 2003. – С. 3–14.
22. Ключко В. Е. Внутренние тенденции развития образования и онтопедагогика // Управление профессиональным развитием в системе повышения квалификации. – Томск, 2002. – С. 53.
23. Paulesu E., Mehler J. Right on in sign language // Nature. – 1998. – 392. – P. 233–234.
24. Традиционные представления о восприятии языка неверны [электронный ресурс]. – URL: <http://www.gazeta.ru/science/biologiya/> (дата обращения: 11.09.2014)
25. Shtyrov Y., Butorina A., Nikolaeva A., Stroganova T. Automatic ultrarapid activation and inhibition of cortical motor systems in spoken word comprehension [электронный ресурс]. – URL: <http://www.pnas.org/content/111/18/E1918> (дата обращения: 11.09.2014)
26. Ключко В. Е. От слова к мысли: становление сознания в онтогенезе и этапы когнитивного развития // Мир психологии. – 2014. – № 2. – С. 134–148.
27. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 487 с.
28. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2005. – 174 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.05)

Klochko Vitalii Evgen'evich, Doctor of Psychology, Professor of the
Department of General and Educational Psychology, Tomsk State
University, Tomsk, Russian Federation.
E-mail: klo@nextmail.ru

SYSTEMIC ONTOPEDAGOGICS: PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL RATIONAL

Abstract

The article reveals the problem of transformation of the ideas of ontopsycho-logical pedagogical doctrine that happen as a result of psychology transition to applying postnonclassical methodological settings. It is shown that ontopedagogics of A. Meneghetti and facilitative pedagogics of K. Rogers occurred as a result of transfer of the ideas of «person-centered» psychotherapeutic practice to psychology. Ontopedagogics of nonclassical period were based on the knowledge gained through intuitive. We were able to identify a new tendency of national psychology development as searching for the connection between person's free behavior and organization of person's multidimensional living space. Systemic ontopedagogics is a result of the transfer to pedagogics the ideas of systemic anthropological psychology that is understood by the author as modern scientific trend of postnonclassical level. In the foundation of systemic ontopedagogics lies the presentation of the levels, stages and regularities of the formation of the “human in the person” that are supported with modern psychophysiological studies.

Keywords

ontopedagogics, facilitative pedagogics, vital ontology, human formation, systemic ontopedagogics, postnonclassical paradigm.

REFERENCES

1. Meneghetti A. *Ontopsychology pedagogy*. Perm, 1993, 76 p. (In Russian)
2. Meneghetti A. *System and personality*. Moscow, Silver Threads Publ., 1996, 128 p. (In Russian)
3. Rogers C. R. *A look at psychotherapy*. Becoming a man. Moscow, 1994. (In Russian)
4. Rogers C. *Freedom to learn for the 80's*. Columbus Toronto – London – Sydney, Ch. E. Merrill Publ., A Bell & Howell Company Publ., 1983, 312 p.
5. Meneghetti A. *Clinical Ontopsychology*. Perm, 1995, 470 p. (In Russian)
6. Rogers K. R. Person / client-centered approach to psychotherapy. *Questions of psychology*. 2001, no. 2, pp. 48–58. (In Russian)
7. Orlov A. B. *Psychology of personality and essence of man: Paradigms, Projections, Practice*. Proc. allowance for the studio. psychol. factor. universities. Moscow, Academy Publ., 2002, 272 p. (In Russian)
8. Romashin S. Y., Meyer A. A. Facilitative Pedagogy in Higher Education. *Vocational Education in Russia and abroad*. 2012, no. 6, pp. 45–49. (In Russian)
9. Klochko V. E. Laws of motion of psychological knowledge and the problem of the method of science. *Methodology and History of Psychology*. 2007, vol. 2, no. 1, pp. 5–19. (In Russian)
10. Klochko V. E. The evolution of psychological thinking: development stages and patterns of psychological complications. *Siberian Journal of Psychology*. 2011, no. 40, pp. 136–151. (In Russian)

11. Rubinstein principle of creative initiative (to the philosophical foundations of modern pedagogy). *Questions of psychology*. 1986, no. 4, pp. 101–107. (In Russian)
12. Uznadze D. N. *Anthology of humane pedagogics*. Moscow, Shalva Amonashvili Publ., 2000, 224 p. (In Russian)
13. Uznadze D. N. *Psychological studies*. Moscow, 1966, 452 p. (In Russian)
14. Asmolov A. G. On the subject of personality psychology. *Voprosy psihologii*. 1983, no. 3, pp. 118–125. (In Russian)
15. Zinchenko V. P. Ideas L. S. Vygotsky's unit of analysis of the psyche. *Psychological Journal*. 1981, vol. 2, no. 2, pp. 118–133. (In Russian)
16. Popov A. A. Designing the Future. *Social positioning ontopedagogical in Russia*. Available at: <http://www.circleplus.ru/content/summa/31> (accessed: 11.09.2014) (In Russian)
17. Galazhinsky E. V., Klochko V. Y. System anthropological psychology: methodological foundations. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2012, vol. 5, pp. 81–98.
18. Klochko V. E. Becoming a multidimensional world of human nature as a psychological ontogenesis. *Siberian Journal of Psychology*. 1998, no. 8–9, p. 7. (In Russian)
19. Klochko V. E. Problem of consciousness in psychology: postnonclassical angle. *Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2013, no. 4, pp. 20–35. (In Russian)
20. Klochko V. E. Man as a psychological system. *Siberian Journal of Psychology*. 1996, no. 2, pp. 10–13. (In Russian)
21. Klochko V. E. Ontopedagogy: Psychological principles and humanitarian potential. *Problems of goal setting in psychological and educational research*. Materials II Zabaikalskaya interregional School for Young Scientists. Chita: Transbaikalsk State University Publ., 2003, pp. 3–14. (In Russian)
22. Klochko V. E. *Domestic Trends in Education and ontopedagogy*. Management of professional development in the training. Tomsk, 2002, pp. 53. (In Russian)
23. Paulesu E., Mehler J. Right on in sign language. *Nature*, 1998, 392, pp. 233–234.
24. *Traditional notions of perception wrong language*. Available at: <http://www.gazeta.ru/science/biologiya/> (accessed: 11.09.2014) (In Russian)
25. Shtyrov Y., Butorina A., Nikolaeva A., Stroganova T. *Automatic ultra rapid activation and inhibition of cortical motor systems in spoken word comprehension*. Available at: <http://www.pnas.org/content/111/18/E1918/> (accessed: 11.09.2014)
26. Klochko V. E. From words to thoughts: formation of consciousness in ontogeny and stages of cognitive development. *World of Psychology*. 2014, no. 2, pp. 134–148. (In Russian)
27. Vygotsky L. S. *Collected Works*. Vol. 1. Moscow: Pedagogy Publ., 1981, 487 p. (In Russian)
28. Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of formation of the mental space of the person (introduction to transspektivny analysis)*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2005, 174 p. (In Russian)

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОСОФСКИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHY AND HISTORICAL SCIENCES

© А. В. Мурашова, Б. О. Майер

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.06)

УДК 130.2 + 372.879.6 + 612

ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ КИТАЙСКАЯ ГИМНАСТИКА ТАЙЦЗИЦЮАНЬ.**1. ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ БАЗАХ WEB OF SCIENCE И SCOPUS***А. В. Мурашова, Б. О. Майер (Новосибирск, Россия)*

В статье представлен обзор работ по данным наукометрических баз Web of Science и Scopus за последние примерно 10 лет по воздействию китайской гимнастики тайцзицюань на физическое и психологическое состояние человека. Выделяются следующие направления исследования гимнастики тайцзицюань: воздействие на повседневную производительность труда и общее психологическое состояние, в том числе, при проблемах внимания, гиперактивности, стрессе, депрессии; влияние на деятельность сердечнососудистой системы (частоту сердечных сокращений, артериальное давление), а также реабилитационное действие при ишемической болезни сердца, хронической сердечной недостаточности, восстановлении после инсульта. Кроме того, изучается и отмечается положительное воздействие гимнастики тайцзицюань при болевых синдромах костно-мышечного аппарата: фибромиалгии, остеоартрите и ревматоидном артрите; отмечаются положительные изменения аутоиммунного состояния при заболеваниях остеопорозом и диабетом, а также иммунного состояния, в частности, иммунная регуляция при заболеваниях ВИЧ.

В целом более 70 % работ, проанализированных по наукометрическим базам Web of Science и Scopus, посвящены трем направлениям исследования гимнастики тайцзицюань: положительное воздействие на иммунную систему, тренировка сердечнососудистой системы и улучшение физических качеств.

Ключевые слова: тайцзицюань, психологическое состояние, реабилитация, иммунная регуляция, аутоиммунные состояния, физические качества.

Возрастающие антропогенные и социально-психологические нагрузки на все сферы жизни человека требуют повышенного внимания к сохранению здоровья и формированию навыков здорового

образа жизни в повседневном поведении. Среди существующих методов и подходов сравнительно малоизвестным в России остается такое направление, как китайская гимнастика тайцзицюань.

Мурашова Арина Викторовна – аспирант кафедры легкой атлетики и лыжного спорта, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: arvimu@mail.ru

Майер Борис Олегович – доктор философских наук, профессор кафедры физического воспитания, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: maierbo@gmail.com

Тайцзицюань – одна из наиболее загадочных и интригующих областей китайской культуры, объединенной понятием «внутренние школы» ушу. Тайцзицюань – это и оздоровительная гимнастика, и часть китайских боевых искусств, и средство культурной самоидентификации, а также один из вспомогательных методов в подготовке спортсменов высшей квалификации в различных «некитайских» видах спорта [1]¹.

Данная гимнастика широко распространена не только в Китае, где она входит в программу обучения в высших учебных заведениях, но и во всем мире. По инициативе ряда организаций США, начиная с 1999 г., в ближайшие к Всемирному дню здоровья выходные более чем в 60 странах мира проводится Всемирный день тайцзицюань. Материалы по данной тематике располагаются на официальных сайтах ООН и Всемирной организации здравоохранения, большой массив изданных материалов – в библиотеке конгресса США, реферативных базах Web of Science и SCOPUS и т. д.

В России китайская гимнастика тайцзицюань остается сравнительно мало исследованной. Так, Б. О. Майер предложил модель описания тайцзицюань как процесса индивидуализации человека, как боевого искусства и как телесной каллиграфии. Модель выявлена в результате эпистемологического анализа семантики паттернов движений тайцзицюань и состоит из трех компонентов: психофизиологического, алгоритмического и лингвистического [2].

Профессор С. Г. Гагонин в своей монографии дает описание тайцзицюань как одного из внутренних стилей китайского ушу. Автор

представил исторический очерк развития пяти основных направлений тайцзицюань, дал краткую их характеристику [3]. С. Г. Гагонин пишет, что с развитием и становлением новых школ тайцзицюань все больший акцент делался на улучшение состояния здоровья, обретение чистоты духа, чем на боевую направленность тайцзицюань [1].

Под руководством С. Г. Гаголина была защищена диссертация Лю Шухуэй «Пути адаптации тайцзицюань к системе физического воспитания России». Лю Шухуэй пишет, что одной из причин для занятий тайцзицюань может служить укрепление здоровья. Современные исследования показывают, что посредством занятий внутренними стилями можно излечить такие расстройства и болезни, как туберкулез, диабет, гипертония, заболевания опорно-двигательной, костно-мышечной, кровеносной систем. Однако следует признать, что во всех подобных случаях тайцзицюань служит хотя и эффективным, но всё же вспомогательным средством по отношению к медицинскому арсеналу [4].

Еще одно диссертационное исследование «Физиологические механизмы действия методов мануальной терапии и восточной гимнастики тайцзицюань на факторы риска заболеваний сердечно-сосудистой системы у студентов» А. Р. Сабирьянова показало, что практика тайцзицюань оказывает положительное влияние на центральную и периферическую гемодинамику и их реакцию на физические нагрузки [5].

Таким образом, в России исследовательская программа изучения тайцзицюань как оздоровительного направления физической

¹ Компания «Ли Вест» подписала договор с Федерацией спортивной гимнастики до 2016 года [электронный ресурс]. – URL: http://liwest.ru/TCM_sport/index

(дата обращения: 1.10.2014 г.)

культуры не получила еще должного развития. В то время как за рубежом исследования в данной области имеют широкое распространение. Так, в международной научной литературе, начиная с 2009 г., в журналах, входящих в индекс научного цитирования *Scopus*, таких как: *Journal of Sport and Health Science*, *Explore: The Journal of Science and Healing*, *American Family Physician*, *Australian Journal of Primary Health* и др. опубликовано более 300 научных статей по различным аспектам исследования и применения китайской гимнастики тайцзицюань в оздоровительной физической культуре. Исследования различных аспектов тайцзицюань представлены, в основном, работами американских, европейских и китайских авторов.

Отечественному исследователю данный массив научной литературы остается практически не известным и малодоступным. В связи с этим целью настоящей работы является краткий обзор научных публикаций из наукометрической базы *Scopus* по ряду направлений исследования гимнастики тайцзицюань: (1) улучшение физических качеств, (2) влияние на костно-мышечный аппарат, (3) влияние на сердечно-сосудистую систему, (4) влияние на дыхательную систему, (5) психологические преимущества, (6) укрепление иммунитета, (7) воздействие на аутоиммунные заболевания.

Улучшение физических качеств

В работах М. Lin, Н. Hwang, Y. Wang, S. Chang, S. Wolf [6] исследовалось развитие и улучшение физических качеств, таких как: частота падений, баланс, походка. Было обследовано не менее 80 человек в возрасте от 65 лет и старше на Тайване в течение трех лет. В результате занятий тайцзицюань частота падений сократилась на 44 %, что свидетельствует об улучшении баланса. Также было выявлено

улучшение походки. Однако чувство страха к падению у практикующих почти не изменилось.

В работах D. Taylor, L. Hale, P. Schluter оценивалась эффективность тайцзицюань для профилактики падений [7]. Участники – пожилые люди (средний возраст – 74,5) занимались тайцзицюань в течение 20 недель. Количество падений фиксировалось в календаре, итоговый подсчет проводился в конце каждого месяца. Также оценивалась мобильность (Тест *Timed-Up-and-Go*), баланс (*Step test*) и сила нижних конечностей (*Chair stand test*). После прохождения курса у практикующих улучшился баланс и сила нижних конечностей.

Те же эффекты наблюдались в исследованиях F. Li, P. Harmer, R. Glasgow, K. A. Mack, D. Sleet, оценивших эффективность тайцзицюань на 195 пациентах, страдающих болезнью Паркинсона [8; 9].

Авторы М. Мак и Р. Нг утверждают, что равновесие на одной ноге лучше всего определяет баланс выполнения тайцзицюань [10]. 19 человек среднего возраста занимались тайцзицюань более одного года три раза в неделю по 30–45 минут. Практикующие по сравнению с контрольной группой показали лучшие результаты по функциональной досягаемости, скорости походки, длине шага и равновесию на одной ноге. В результате авторы заключили, что занятия тайцзицюань способствует еще большему улучшению баланса.

Улучшению балансирования способствует увеличение мышечной силы [11]. К такому выводу пришли D. Xu, J. Li и Y. Hong. Они провели исследование среди пожилых людей (21 человек), занимающихся тайцзицюань регулярно в течение длительного времени (более четырех лет), и оценили мышечную силу и выносливость нижних конечностей. Была протестирована максималь-

ная концентрационная сила сгибающей и разгибающей мышц голени. Выносливость мышц разгибателей голени была намного выше у практикующих тайцзицюань, чем у контрольной группы. Тем не менее, авторы утверждают, что величина эффектов физических упражнений на мышцы может зависеть от характеристик различных типов упражнений.

Костно-мышечный аппарат

Фибромиалгия. Занятия тайцзицюань эффективны при фибромиалгии [12–14]. K. Jones, C. Sherman, S. Mist, J. Carson, R. Bennett, F. Li изучили состояние пациентов, занимающихся тайцзицюань два раза в неделю по 1,5 часа в течение трех месяцев. Оценке подверглось более 100 пациентов (средний возраст 54 года, 93 % женщин). Симптоматика фибромиалгии была измерена по *Fibromyalgia Impact Questionnaire (FIQ)*. Также оценивались уровень болевых ощущений (*Brief Pain Inventory (BPI)*), сон (*Pittsburg sleep Inventory*) и функциональная мобильность (скорость подъема и ходьбы, статистическое равновесие, динамическое равновесие). Исследования подтверждают позитивное воздействие занятий на симптоматику, функциональное и психологическое состояние, а также уровень жизни практикующих тайцзицюань с заболеванием [12].

Остеоартроз. Положительные эффекты тайцзицюань при остеоартрозе включает уменьшение боли, жесткости, а также улучшение функционального состояния [15–16]. К таким выводам пришли R. Song, E. O. Lee, P. Lam, S. C. Вае после проведенного ими 12-недельного исследования среди женщин пожилого возраста (72 человека, средний возраст 63 года). Также было отмечено улучшение психологического состояния, наблюдалось повышение уровня стрессоустойчивости [15].

Значимая доля исследований по тайцзицюань при остеоартрозе сфокусирована на коленном остеоартрозе [17–19]. С.-L. Shen, C. R. James, M.-C. Chyu, W. R. Bixby, J.-M. Brismée, M. A. Zumwalt, G. Poklikuha изучили кинематику походки, физическую функцию, болевые ощущения при занятиях тайцзицюань и после завершения периода (шесть недель) [17]. Фокус-группа включала 40 мужчин и женщин пожилого возраста с коленным остеоартрозом. Кинематика походки включала длину шага, частоту шагов, а также скорость походки, которые были получены с помощью видеоанализа. Данные были проанализированы с помощью *Multivariate analysis of covariance*, *Multivariate analysis of variance*, *Analysis of variance*, а также теста Уилсона. Было выявлено уменьшение болевых ощущений, увеличение длины шага, частоты шага, а также скорость походки, наблюдалось улучшение физической функции участников.

P.-F. Tsai, C. Beck, J. Y. Chang, J. Hagen, Y.-F. Куо провели ряд исследований воздействия тайцзицюань на состояние больных коленным остеоартрозом на примере пожилых людей с когнитивными нарушениями. Эффективность курсов тайцзицюань, выраженная в первую очередь в уменьшении болевых ощущений, наблюдалась только у тех пациентов, которые посещали занятия регулярно, без пропусков [18; 19].

Ревматоидный артрит. Регулярные занятия тайцзицюань в течение 12 недель имели положительное воздействие на пациентов с ревматоидным артритом. 13 женщин в возрасте от 33 до 70 лет принимали участие в исследовании [20]. Качественный анализ показал, что пациенты испытывали повышенную физическую форму, уверенность в движении, улучшенный баланс и уменьшение боли во время тренировки и в повседневной жизни.

Также отмечалось снижение стресса, повышение уровня информированности тела, уверенность в перемещении.

Сердечно-сосудистая система

Давление. Регулярная практика тайцзицюань способствует снижению кровяного давления [21; 22]. Было обследовано 76 здоровых людей с повышенной нормой давления или первой стадией гипертонии. После 12-недельного обучения тайцзицюань (занятия три раза в неделю по одному часу) у участников наблюдалось значительное снижение систолического артериального давления (на 15,6 мм рт. ст.) и диастолического артериального давления (на 8,8 мм рт. ст.) [21].

Ишемическая болезнь сердца. S. Sato, S. Makita, R. Uchida, S. Ishihara, M. Masuda изучили барорефлекторную чувствительность и вариабельность сердечного ритма на примере 20 пациентов, проходящих реабилитацию при ишемической болезни сердца [23]. Средний возраст участников – 67,8 лет. Средняя длительность интервала после коронарного события – 19,8 месяцев. Занятия тайцзицюань проходили три раза в неделю в течение одного года реабилитации. По сравнению с контрольной группой, пациенты из группы тайцзицюань показали статистически значимое улучшение барорефлекторной чувствительности. Однако значимых улучшений вариабельности сердечного ритма не наблюдалось. В целом же наблюдается положительный эффект от занятий гимнастикой при ишемической болезни сердца.

К такому же выводу пришли R. Chang, M. Koo, C. Kan, Z. Yu, I. Chu, C. Hsu, C. Chen, исследовавшие внедрение тайцзицюань в процесс восстановления пациентов с ишемической болезнью сердца [49].

Хроническая сердечная недостаточность. Авторами G. Y. Yeh, E. P. McCarthy,

P. M. Wayne, L. W. Stevenson, M. J. Wood, D. Forman, R. B. Davis, R. S. Phillips был поставлен вопрос, может ли тайцзицюань улучшить функциональное состояние и качество жизни больных хронической сердечной недостаточностью [24–26]. В одном из исследований приняли участие 100 пациентов, средний возраст которых составил 67 лет. Эффективность оценивали тестированием «шестиминутная ходьба», а также фиксировался пик потребления кислорода. По прошествии 12 недель у практикующих не наблюдалось значимых изменений в сравнении с контрольной группой, однако качество жизни у практикующих тайцзицюань значительно улучшилось. Этот факт подтвержден результатами опросника *Innesota Living With Heart Failure Questionnaire* [24].

Инсульт. R. E. Taylor-Piliae, T. M. Hoke, J. T. Herpworth, L. D. Latt, B. Najafi, B. M. Coull изучили эффективность практики тайцзицюань для людей, перенесших инсульт [27]. Участниками стали 145 мужчин и женщин старше 50 лет, перенесших инсульт более чем за три месяца до начала исследования. Занятия по тайцзицюань проходили в течение трех месяцев, три раза в неделю по одному часу. К основным показателям, взятым для проведения исследования, относятся: физическая функция – *Short Physical Performance Battery*, частота падений, двухминутный шаговый тест; качество жизни – *Medical Outcomes Study 36-Item Short-Form Health Survey*, *Center for Epidemiologic Studies Depression Scale*, *Pittsburgh Sleep Quality Index*.

В результате у практикующих тайцзицюань сократилось количество падений, улучшилась аэробная выносливость. Также авторы заключили, что программа тайцзицюань является подходящей для восстановления и реинтеграции в общество.

Дыхательная система

Хроническая обструктивная болезнь легких. Исследования тайцзицюань выявили положительное воздействие на состояние дыхательной системы. Большую пользу данный тип физической активности имеет при хронической обструктивной болезни легких (ХОБЛ) [28–30]. Авторами G. Y. Yeh, D. H. Roberts, P. M. Wayne, R. B. Davis, M. T. Quilty, R. S. Phillips была изучена возможность улучшения функциональной способности к физической нагрузке, физической работоспособности и качества жизни у людей с данным заболеванием [28]. В исследовании приняло участие 10 пациентов со средней и тяжелой формами ХОБЛ. Занятия проводились два раза в неделю по одному одному в течение трех месяцев.

После завершения курса практикующие тайцзицюань показали лучшие результаты по шкале *Chronic Respiratory Questionnaire score*, чем контрольная группа. Однако при оценке пика потребления кислорода особых различий не наблюдалось. Также не замечено серьезных улучшений по тесту «шестиминутная ходьба». Авторы рекомендовали занятия тайцзицюань в качестве дополнения к стандартной терапии для больных ХОБЛ.

Психологические преимущества

Стресс. Тайцзицюань положительно влияет на восприятие стресса и общую стрессоустойчивость [31–33]. M. Nedeljkovic, V. Wepfer, B. Ausfeld-Hafter, P. H. Wirtz, K. M. Streitberger изучили связь занятий тайцзицюань и стрессоустойчивости, а также самооэффективности. 70 здоровых участников разного возраста практиковали тайцзицюань дважды в неделю в течение трех месяцев. До начала исследования и через две недели после его окончания авторами была произведена оценка восприятия стресса по шкале восприятия стресса (*Perceived Stress Scale (PSS)*) и

шкале общей самооэффективности (*The general self-efficacy scale*) [31].

По истечении исследования у практикующих тайцзицюань значительно снизилось восприятие стресса по сравнению с контрольной группой. Также произошло повышение общей самооэффективности.

Внимательность. A. Converse, E. Ahlers, B. Travers, R. Davidson обнаружили положительное влияние занятий тайцзицюань на внимательность [35]. Подобный эффект обнаружили и D. W. K. Man, W. W. N. Tsang, C. W. Y. Hui-Chan [35]. Авторы объясняют это тем, что тайцзицюань предполагает концентрацию внимания на движениях тела. 28 участников практиковали тайцзицюань в течение 15 недель. Они протестированы на индикаторы синдрома дефицита внимания/гиперактивности и когнитивных функций. В результате у практикующих тайцзицюань значительно улучшилось внимание по сравнению с контрольной группой.

Депрессия. Исследование A. Yeung, V. Lepoutre, P. Wayne, G. Yeh, L. E. Slipp, M. Fava, J. W. Denninger, H. Benson, G. L. Fricchione посвящено изучению возможности безопасного и эффективного применения тайцзицюань для лечения депрессивного расстройства [36]. 39 участников (средний возраст 55 лет) с данным недугом практиковали тайцзицюань в течение трех месяцев. Их состояние оценивалось по шкале оценки депрессии Гамильтона (*Hamilton Rating Scale for Depression*). По окончании курса оценка показала улучшение состояния на 25 % у практикующих, в то время как у контрольной группы состояние не изменилось.

Исследования K.-L. Cho, T. Field, M. Diego, J. Delgado, L. Medina, P. Payne, M. Crane-Godreau также показали положительный эффект занятий тайцзицюань для людей в состоянии депрессии [37–39].

Иммунитет

ВИЧ. Положительное воздействие на иммунитет при заболеваниях ВИЧ отмечено исследователями S. Yeh, H. Chuang, L. Lin, C. Y. Hsiao, H. Eng, которые констатировали эффект от 12-недельной программы занятий тайцзицюань у 37 пациентов. Программа привела к повышению положительной иммунной функции. Помимо этого, отмечается значительное увеличение числа лимфоцитов CD4 [40].

Аутоиммунные заболевания

Остеопороз. A. Alp, Ş. Cansever, N. Görgeç, M. Yurtkuran, T. Topsaç, L. Murphy, B. B. Singh изучили и описали эффект влияния тайцзицюань на функциональные способности и оценили качество жизни у пациентов со старческим остеопорозом [41; 42]. 44 женщины приняли участие в исследовании, которое проходило в течение шести месяцев. Средний возраст участниц составил 70,2 года. Практикующие были оценены по профилю здоровья Ноттингхама (*Nottingham Health Profile (NHP)*), опроснику SF-36 на определение качества жизни (*Short Form Health Survey (SF-36)*), сенсibilизированному тесту Ромберга (*sensitized Romberg test (SRT)*), а также времени подъема и опускания (*time sit to stand (TSS)*).

Значительно лучшие результаты оценки по сравнению с контрольной группой показали занимающиеся тайцзицюань. У них заметны улучшения по шкале болезненности, шкале физической активности, суммарному баллу по профилю Ноттингхама, физической функции, болевым ощущениям по опроснику SF-36, а также по времени подъема и опускания [41].

Диабет. Тайцзицюань эффективно воздействует на пациентов, страдающих диабетом [43–48]. J. W. Hung, C. W. Liou, P. W. Wang, S. H. Yeh, L. W. Lin, S. K. Lo попытались доказать это в своем исследовании, в котором приняли участие 28 больных диабетом. Были использованы следующие методы: оценка уровня глюкозы в крови натощак, индекс резистентности инсулина, анализ исследований по нервной проводимости [43].

Занятия тайцзицюань, которые проводились три раза в неделю в течение 12 недель, привели к повышению уровня глюкозы в крови натощак у больных сахарным диабетом. Скорость проводимости нервных клеток была также увеличена, что, предположительно, снизило нейропатию.

Резюмируя обзор вышеперечисленных работ, можно указать, что в результате занятий гимнастикой тайцзицюань происходит:

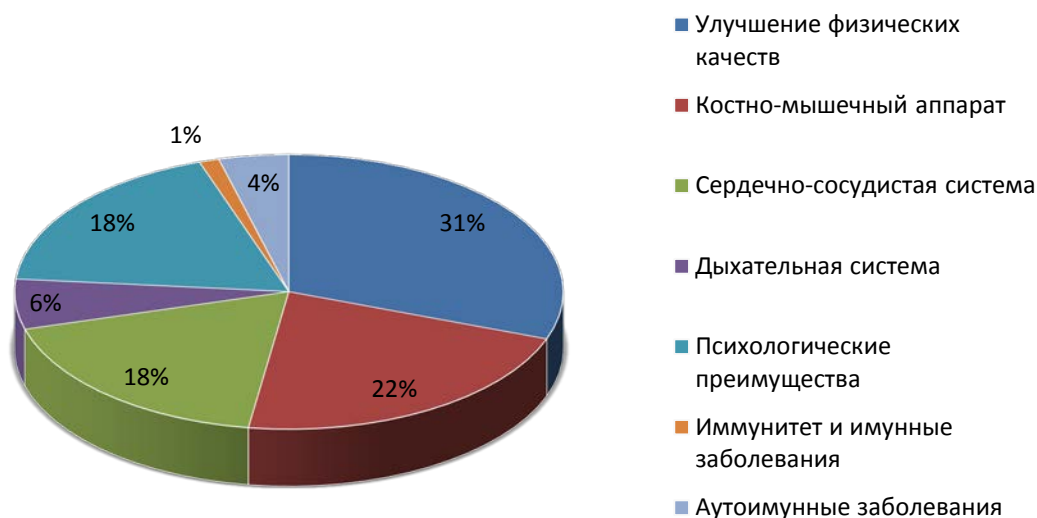
- развитие физических качеств, включающее в себя улучшение баланса, походки, увеличение мышечной силы, снижение частоты падений;
- укрепление сердечно-сосудистой системы, связанное с нормализацией кровяного давления и снижением частоты сердечных сокращений;
- изменение состояния костно-мышечного аппарата, включающее позитивный эффект при фибромиалгии, остеоартрозе, ревматоидном артрите, остеопении;
- коррекция аутоиммунных и иммунных заболеваний, включая остеопороз, диабет и ВИЧ;
- коррекция заболеваний дыхательной системы;
- психологическая эффективность тайцзицюань (увеличение стрессоустойчивости, снижение тревожности, улучшение качества сна, внимательности).

Для более точного представления состояния исследовательской базы по тайцзицюань

и его эффективности проиллюстрируем данные (диаграмма).

Диаграмма.

Соотношение работ по тайцзицюань в зависимости от направленности исследования по данным наукометрических баз Web of Science и Scopus

Из данных диаграммы можно сделать вывод, что основная доля работ направлена на исследование воздействия занятий тайцзицюань на физические качества (31 %), а также анализ эффективности гимнастики тайцзицюань для коррекции и профилактики нарушений костно-мышечного аппарата (22 %). В меньшей степени исследователи занимались вопросами эффективности тайцзицюань для укрепления сердечно-сосудистой системы и психологического состояния. Наименьшую долю занимают работы по изучению состояния иммунитета, дыхательной системы, а также практики тайцзицюань при аутоиммунных заболеваниях.

Таким образом, в зарубежной литературе за последние 10 лет накоплен значительный объем научных исследований по тайцзицюань и его оздоровительной функциональности. Было выявлено, что занятия тайцзицюань не только улучшают общее физическое состояние, но и способствуют профилактике различного рода заболеваний. А применение китайской гимнастики тайцзицюань в качестве сопутствующей или альтернативной терапии в лечении ряда болезней делает оздоровительные аспекты тайцзицюань еще более интересными для изучения в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов А. А. Тайный код китайского кунфу. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 400 с.

2. **Майер Б. О.** Внутренняя энергия тайцзицюань: мифы и реальность // Сборник материалов III Международной конференции «Вопросы интеграции традиционной китайской и европейской медицины в России». – Новосибирск, 2010. – С. 89–95.
3. **Гагонин С. Г.** Спортивно-боевые единоборства: от древних ушу и бу-дзюцу до профессионального кикбоксинга: монография. – СПб: СПбГАФК им. П. Ф. Лесгафта, 1997. – 352 с.
4. **Лю Шухуэй.** Пути адаптации тайцзицюань к системе физического воспитания России. – СПб: СПбГАФК им. П. Ф. Лесгафта, 1999. – 57 с.
5. **Сабирьянов А. Р.** Физиологические механизмы действия методов мануальной терапии и восточной гимнастики Тай Цзи Цюань на факторы риска заболеваний сердечно-сосудистой системы студентов: автореферат дис. ... канд. мед. наук: 03.00.13; Рос. науч. центр «Восстановительной травматологии и ортопедии» им. Г. А. Илизарова. – Курган, 2001. – 22 с.
6. **Lin M.-R., Hwang H.-F., Wang Y.-W., Chang S.-H., Wolf S.-L.** Community-based Tai Chi and its effect on injurious falls, balance, gait, and fear of falling in older people // 2006. vol. 86. Issue 9. pp. 1189–1201. DOI: <http://dx.doi.org/10.2522/ptj.20040408>
7. **Taylor D., Hale L., Schluter P., Waters, D. L., Binns, E. E., McCracken H., McPherson K., Wolf S. L.** Effectiveness of tai chi as a community-based falls prevention intervention: a randomized controlled trial // *Journal of the American Geriatrics Society*. 2012. Vol. 60. Issue 5. pp. 841–848. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1532-5415.2012.03928.x>
8. **Li F., Harmer P., Glasgow R., Mack K. A., Sleet D., Fisher K. J., Kohn M. A., Millet L. M., Mead J., Xu J., Lin M.-L., Yang T., Sutton B., Tompkins Y.** Translation of an effective tai chi intervention into a community-based falls-prevention program // *American Journal of Public Health*. 2008. Vol. 98. Issue 7. pp. 1195–1198. DOI: <http://dx.doi.org/10.2105/AJPH.2007.120402>
9. **Li F., Harmer P., Fitzgerald K., Eckstrom E., Stock R., Galver J., Maddalozzo G., Batya S. S.** Tai chi and postural stability in patients with Parkinson's disease // *New England Journal of Medicine*. 2012. Volume: 366. Issue 6. pp. 511–519. DOI: <http://dx.doi.org/10.1056/NEJMoa110791>
10. **Mak M., Ng P.** Mediolateral sway in single-leg stance is the best discriminator of balance performance for Tai Chi practitioners // *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 2003. Vol. 84. Issue 5. pp. 683–686. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0003-9993\(02\)04810-4](http://dx.doi.org/10.1016/S0003-9993(02)04810-4)
11. **Xu D., Li J., Hong Y.** Effects of long term Tai Chi practice and jogging exercise on muscle strength and endurance in older people // *British Journal of Sports Medicine*. 2006. Vol. 40. Issue 1. pp. 50–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/bjsm.2005.019273>
12. **Jones K., Sherman C., Mist S., Carson J., Bennett R., Li F.** A randomized controlled trial of 8-form Tai chi improves symptoms and functional mobility in fibromyalgia patients // *Clinical rheumatology*. 2012. Vol. 31. Issue 8. pp. 1205–1214. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/1472-6882-12-S1-O21>
13. **Wang C., Schmid C. H., Roncs R., Kalish R., Yinh J., Goldenberg D. L., Lee Y., McAlindon T.** A randomized trial of tai chi for fibromyalgia // *New England Journal of Medicine*. 2010. Vol. 363. Issue 8. pp. 743–754. DOI: <http://dx.doi.org/10.1056/NEJMoa0912611>
14. **Taggart H. M., Arslanian C.L., Bae S., Singh K.** Effects of T'ai Chi exercise on fibromyalgia symptoms and health-related quality of life // *Orthopaedic Nursing*. 2003. Vol. 22. Issue 5. pp. 353–360. DOI: <http://dx.doi.org/10.1097/00006416-200309000-00013>
15. **Song R., Lee E. O., Lam P., Bae S. C.** Effects of a Sun-style Tai Chi exercise on arthritic symptoms, motivation and the performance of health behaviors in women with osteoarthritis // *Taehan Kanho Hakhoe chi*. 2007. Vol. 37. Issue 2. pp. 249–256.

16. **Song R., Lee E. O., Lam P., Bae S. C.** Effects of tai chi exercise on pain, balance, muscle strength, and perceived difficulties in physical functioning in older women with osteoarthritis: A randomized clinical trial // *Journal of Rheumatology*. 2003. Vol. 30. Issue 9. pp. 2039–2044.
17. **Shen C.-L., James C. R., Chyu M.-C., Bixby W. R., Brismue J.-M., Zumwalt M. A., Poklikuha G.** Effects of Tai Chi on gait kinematics, physical function, and pain in elderly with knee osteoarthritis—a pilot study // *American Journal of Chinese Medicine*. 2008. Vol. 36. Issue 2. pp. 219–232. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1142/S0192415X08005734](http://dx.doi.org/10.1142/S0192415X08005734)
18. **Tsai P.-F., Beck C., Chang J. Y., Hagen J., Kuo Y.-F., Roberson P. K., Rosengren K., Beuscher L., Doan C. L., Anand K. J. S.** The effect of tai chi on knee osteoarthritis pain in cognitively impaired elders: pilot study // *Geriatric Nursing*. 2009. Vol. 30. Issue 2. pp. 132–139. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1016/j.gerinurse.2007.11.002](http://dx.doi.org/10.1016/j.gerinurse.2007.11.002)
19. **Tsai P.-F., Chang J. Y., Beck C., Kuo Y.-F., Keefe F. J.** A pilot cluster-randomized trial of a 20-week Tai Chi program in elders with cognitive impairment and osteoarthritic knee: effects on pain and other health outcomes // *Journal of Pain and Symptom Management*. 2013. Vol. 45. Issue 4. pp. 660–669. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2012.04.009](http://dx.doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2012.04.009)
20. **Uhlig T., Fongen C., Steen E., Christie A., Odegard S.** Exploring Tai Chi in rheumatoid arthritis: a quantitative and qualitative study // *BMC Musculoskeletal Disorders*. 2010. Vol. 11. Article Number 43. pp. 11–43. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1186/1471-2474-11-43](http://dx.doi.org/10.1186/1471-2474-11-43)
21. **Tsai J. C., Wang W. H., Chan P., Lin L. J., Wang C. H., Tomlinson B., Hsieh M. H., Yang H. Y., Liu J. C.** The Beneficial Effects of Tai Chi Chuan on Blood Pressure and Lipid Profile and Anxiety Status in a Randomized Controlled Trial // *Journal of Alternative and Complementary Medicine*. 2003. Vol. 9. Issue 5. pp. 747–754. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1089/107555303322524599](http://dx.doi.org/10.1089/107555303322524599)
22. **Lo H., Yeh C., Chang S., Sung H., Smith G.** A Tai Chi exercise program improved exercise behavior and reduced blood pressure in outpatients with hypertension // *International Journal of Nursing Practice*. 2012. Vol. 18. Issue 6. pp. 545–551. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1111/ijn.12006](http://dx.doi.org/10.1111/ijn.12006)
23. **Sato S., Makita S., Uchida R., Ishihara S., Masuda M.** Effect of Tai Chi Training on Baroreflex Sensitivity and Heart Rate Variability in Patients With Coronary Heart Disease // *International Heart Journal*. 2010. Vol. 51. Issue 4. pp. 238–241. DOI: <http://dx.doi.org/10.1536/ihj.51.238>
24. **Yeh G. Y., McCarthy E. P., Wayne P. M., Stevenson L. W., Wood M. J., Forman D., Davis R. B., Phillips R. S.** Tai chi exercise in patients with chronic heart failure: a randomized clinical trial // *Archives of Internal Medicine*. 2011. Vol. 171. Issue 8. pp. 750–757. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1001/archinternmed.2011.150](http://dx.doi.org/10.1001/archinternmed.2011.150)
25. **Yeh G. Y., Wayne P. M., Phillips R. S.** T'ai Chi exercise in patients with chronic heart failure // *Medicine and Sport Science*. 2008. vol. 52. pp. 195–208. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1159/000134300](http://dx.doi.org/10.1159/000134300)
26. **Yeh G. Y., Wood M. J., Lorell B. H., Stevenson L. W., Eisenberg D. M., Wayne P. M., Goldberger A. L., Davis R. B., Phillips R. S.** Effects of tai chi mind-body movement therapy on functional status and exercise capacity in patients with chronic heart failure: a randomized controlled trial // *American Journal of Medicine*. 2004. Vol. 117. Issue 8. pp. 541–548. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.amjmed.2004.04.016>
27. **Taylor-Piliae R. E., Hoke T. M., Hepworth J. T., Latt L. D., Najafi B., Coull B. M.** Effect of Tai Chi on physical function, fall rates and quality of life among older stroke survivors // *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 2014. Vol. 95. Issue 5. pp. 816–824. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1016/j.apmr.2014.01.001](http://dx.doi.org/10.1016/j.apmr.2014.01.001)

28. **Yeh G. Y., Roberts D. H., Wayne P. M., Davis R. B., Quilty M. T., Phillips R. S.** Tai chi exercise for patients with chronic obstructive pulmonary disease: A pilot study // *Respiratory Care*. 2010. Vol. 55. Issue 11. pp. 1475–1482.
29. **Yan J.-H., Guo Y.-Z., Yao H.-M., Pan L.** Effects of Tai Chi in patients with chronic obstructive pulmonary disease: preliminary evidence // *Plos One*. 2013. Vol. 8. Issue 4. Article Number: e61806. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0061806](http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0061806)
30. **Leung R., McKeough Z., Alison J.** Tai Chi as a form of exercise training in people with chronic obstructive pulmonary disease // *Expert Review of Respiratory Medicine*. 2013. Vol. 7. No. 6. pp. 587–592. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1586/17476348.2013.839244](http://dx.doi.org/10.1586/17476348.2013.839244)
31. **Nedeljkovic M., Wepfer V., Ausfeld-Hafter B., Wirtz P. H., Streitberger K. M.** Influence of general self-efficacy as a mediator in Taiji-induced stress reduction – Results from a randomized controlled trial // *European Journal of Integrative Medicine*. 2013. Vol. 5. Issue 3. pp. 284–290. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1016/j.eujim.2012.12.001](http://dx.doi.org/10.1016/j.eujim.2012.12.001)
32. **Esch T., Duckstein J., Welke J., Stefano G., Braun V.** Mind/body techniques for physiological and psychological stress reduction: Stress management via Tai Chi training – A pilot study // *Medical Science Monitor*. 2007. Vol. 13. Issue 11. pp. CR488–CR497.
33. **Lee L., Chong Y. L., Li N. Y., Li M. C., Lin L. N., Wong L. Y., Wong B. K., Yip W. P., Hon C. H., Chung P. K., Man S. Y.** Feasibility and effectiveness of a Chen-style Tai Chi program for stress reduction in junior secondary school students // *Stress and Health*. 2013. Vol. 29. Issue 2. pp. 117–124. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1002/smi.2435](http://dx.doi.org/10.1002/smi.2435)
34. **Converse A., Ahlers E., Travers B., Davidson R.** Tai chi training reduces self-report of inattention in healthy young adults // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Vol. 8. Article Number 13. DOI: [http:// dx.doi.org/10.3389/fnhum.2014.00013](http://dx.doi.org/10.3389/fnhum.2014.00013)
35. **Man D. W. K., Tsang W. W. N., Hui-Chan C. W. Y.** Do older t'ai chi practitioners have better attention and memory function? // *Journal of Alternative and Complementary Medicine*. 2010. 16 (12). pp. 1259–1264. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1089/acm.2009.0462](http://dx.doi.org/10.1089/acm.2009.0462)
36. **Yeung A., Lepoutre V., Wayne P., Yeh G., Slipp L. E., Fava M., Denninger J. W., Benson H., Fricchione G. L.** Tai chi treatment for depression in Chinese Americans: a pilot study // *American Journal of Physical Medicine & Rehabilitation*. 2012. Vol. 91. Issue 10. pp. 863–870. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1097/PHM.0b013e31825f1a67](http://dx.doi.org/10.1097/PHM.0b013e31825f1a67)
37. **Cho K.-L.** Effect of Tai Chi on depressive symptoms amongst Chinese older patients with major depression: the role of social support // *Medicine and Sport Science*. 2008. Vol. 52. pp. 146–154. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1159/000134295](http://dx.doi.org/10.1159/000134295)
38. **Field T., Diego M., Delgado J., Medina L.** Tai chi/yoga reduces prenatal depression, anxiety and sleep disturbances // *Complementary Therapies in Clinical Practice*. 2013. Vol. 19. Issue 1. pp. 6–10. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1016/j.ctcp.2012.10.001](http://dx.doi.org/10.1016/j.ctcp.2012.10.001)
39. **Payne P., Crane-Godreau M.** Meditative movement for depression and anxiety // *Frontiers in psychiatry*. 2013. № 4. P. 71. DOI: [http:// dx.doi.org/10.3389/fpsy.2013.00071](http://dx.doi.org/10.3389/fpsy.2013.00071)
40. **Yeh S., Chuang H., Lin L., Hsiao C. Y., Eng H.** Regular Tai Chi exercise enhances functional mobility and CD4CD25 regulatory T cells // *British Journal of Sports Medicine*. 2006. Vol. 40. Issue 3. pp. 239–243. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1136/bjism.2005.022095](http://dx.doi.org/10.1136/bjism.2005.022095)
41. **Alp A., Cansever C., Gurgez N., Yurtkuran M., Topsaz T.** Effects of Tai Chi exercise on functional and life quality assessments in senile osteoporosis // *Turkiye Klinikleri Journal of Medical Sciences*. 2009. Vol. 29. Issue 3. pp. 687–695.

42. **Murphy L., Singh B. B.** Effects of 5-Form, Yang Style Tai Chi on older females who have or are at risk for developing osteoporosis // *Physiotherapy Theory and Practice*. 2008. Vol. 24. No. 5. pp. 311–320. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1080/09593980701884790](http://dx.doi.org/10.1080/09593980701884790)
43. **Hung J. W., Liou C. W., Wang P. W., Yeh S. H., Lin L. W., Lo S. K.** Effect of 12-week Tai Chi Chuan exercise on peripheral nerve modulation in patients with type 2 diabetes mellitus // *Journal of Rehabilitation Medicine*. 2009. Vol. 41. Issue 11. pp. 924–929. DOI: [http:// dx.doi.org/10.2340/16501977-0445](http://dx.doi.org/10.2340/16501977-0445)
44. **Tsang T., Orr R., Lam P., Comino E. J., Singh M. F.** Health benefits of Tai Chi for older patients with type 2 diabetes: the “Move It For Diabetes study” a randomized controlled trial // *Clinical Interventions in Aging*. 2007. Vol. 2. Issue 3. pp. 429–439.
45. **Wang J. H.** Effects of Tai Chi exercise on patients with type 2 diabetes // *Medicine and Sport Science*. 2008. Vol. 52. pp. 230–238. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1159/000134303](http://dx.doi.org/10.1159/000134303)
46. **Yeh S.-H., Chuang H., Lin L.-W., Hsiao C.-Y., Wang P.-W., Liu R.-T., Yang K. D.** Regular Tai Chi Chuan exercise improves T cell helper function of patients with type 2 diabetes mellitus with an increase in T-bet transcription factor and IL-12 production // *British Journal of Sports Medicine*. 2009. Vol. 43. Issue 11. pp. 845–850. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1136/bjsm.2007.043562](http://dx.doi.org/10.1136/bjsm.2007.043562)
47. **Liu X., Miller Y. D., Burton N. W., Chang J.-H., Brown W. J.** The effect of Tai Chi on health-related quality of life in people with elevated blood glucose or diabetes: a randomized controlled trial // *Quality of Life Research*. 2013. Vol. 22. Issue 7, pp. 1783–1786. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1007/s11136-012-0311-7](http://dx.doi.org/10.1007/s11136-012-0311-7)
48. **Chang R., Koo M., Kan C., Yu Z., Chu I., Hsu, C., Chen C.** Effects of Tai Chi rehabilitation on heart rate responses in patients with coronary artery disease // *American Journal of Chinese Medicine*. 2010. Vol. 38. Issue 3. pp. 461–472. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1142/S0192415X10007981](http://dx.doi.org/10.1142/S0192415X10007981)
49. **Youngwanichsetha S., Phumdoung S., Ingkathawornwong T.** The effects of tai chi qigong exercise on plasma glucose levels and health status of postpartum Thai women with type 2 diabetes // *Focus on Alternative and Complementary Therapies*. 2013. vol. 18. Issue 4. pp. 182–187. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1111/fct.12064](http://dx.doi.org/10.1111/fct.12064)

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.06)

Murashova Arina Viktorovna, postgraduate Student of the Department of Athletics and Skiing, Novosibirsk state pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: arvimu@mail.ru

Mayer Boris Olegovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Physical Education Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: maierbo@gmail.com

HEALTH IMPROVING CHINESE GYMNASTICS TAIJIQUAN. 1. PRESENTATION OF A SCIENCE METRIC DATABASES WEB OF SCIENCE AND SCOPUS

Abstract

The article presents an overview of work on science metric databases Web of Science and Scopus over approximately the past 10 years on the effects of the Chinese gymnastics Taijiquan on the physical and psychological state of the person.

Stand out the following areas of research gymnastics Taijiquan: impact on the daily productivity and overall psychological state, including problems with attention, hyperactivity, stress, depression; impact on the cardiovascular system (heart rate, blood pressure), and remedial actions in ischemic heart disease, congestive heart failure, recovering from a stroke. In addition, the study and the positive impact of Taijiquan exercises for pain syndromes of the musculoskeletal system: fibromyalgia, osteoarthritis and rheumatoid arthritis; experience positive changes autoimmune condition with osteoporosis and diabetes, and immune status, in particular the regulation of immune diseases HIV.

Overall, more than 70 % of the works analyzed by science metric databases Web of Science and Scopus, focused on three areas of research gymnastics Taijiquan: positive effects on the immune system, cardiovascular training and improving physical qualities.

Keywords

Taijiquan, a psychological condition, rehabilitation, immune regulation, autoimmune conditions, physical qualities.

REFERENCES

1. Maslov A. A. *A secret code of Chinese Kung Fu*. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2006, 400 p. (In Russian)
2. Mayer B. O. Internal energy Taijiquan: Myths and Reality. *Collected materials of the International Conference "Problems of integration of traditional Chinese and Western medicine in Russia"*. Novosibirsk, 2010, pp. 89–95. (In Russian)
3. Gagonin S. G. *Sports and martial arts from ancient martial arts and bu-jutsu to professional kick-boxing*. Monograph. Sent Petersburg, National State University of Physical Culture, Sport and Health behalf P. F. Lesgafta Publ., 1997, 352 p. (In Russian)
4. Liu Shuhuey. *Ways to adapt to the Taijiquan system of physical education in Russia*. Sent Petersburg, National State University of Physical Culture, Sport and Health behalf P. F. Lesgafta Publ., 1999, 57 p. (In Russian)

5. Sabiryanov A. R. *Physiological mechanisms of action methods of manual therapy and oriental gymnastics Tai Ji Quan on the risk factors of diseases of the cardiovascular system of students*. Kurgan, 2001, 22 p. (In Russian)
6. Lin M.-R., Hwang H.-F., Wang Y.-W., Chang S.-H., Wolf S.-L. Community-based Tai Chi and its effect on injurious falls, balance, gait, and fear of falling in older people. 2006, vol. 86, issue 9, pp. 1189–1201. DOI: <http://dx.doi.org/10.2522/ptj.20040408>
7. Taylor D., Hale L., Schluter P., Waters, D. L., Binns, E. E., McCracken H., McPherson K., Wolf S. L. Effectiveness of tai chi as a community-based falls prevention intervention: a randomized controlled trial. *Journal of the American Geriatrics Society*, 2012, Vol. 60, Issue 5, pp. 841–848. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1532-5415.2012.03928.x>.
8. Li F., Harmer P., Glasgow R., Mack, K. A., Sleet, D., Fisher, K. J., Kohn, M. A., Millet, L. M., Mead, J., Xu, J., Lin, M.-L., Yang, T., Sutton, B., Tompkins, Y. Translation of an effective tai chi intervention into a community-based falls-prevention program. *American Journal of Public Health*, 2008. Vol. 98, Issue 7, pp. 1195–1198. DOI: <http://dx.doi.org/10.2105/AJPH.2007.120402>.
9. Li F., Harmer P., Fitzgerald K., Eckstrom E., Stock R., Galver J., Maddalozzo G., Batya S. S. Tai chi and postural stability in patients with Parkinson's disease. *New England Journal of Medicine*, 2012. Volume: 366, Issue 6, pp. 511–519. DOI: <http://dx.doi.org/10.1056/NEJMoa110791>
10. Mak M, Nq P. Mediolateral sway in single-leg stance is the best discriminator of balance performance for Tai Chi practitioners. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, 2003. Vol. 84, Issue 5, pp. 683–686. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0003-9993\(02\)04810-4](http://dx.doi.org/10.1016/S0003-9993(02)04810-4)
11. Xu D., Li J., Hong Y. Effects of long term Tai Chi practice and jogging exercise on muscle strength and endurance in older people. *British Journal of Sports Medicine*, 2006. Vol. 40, Issue 1, pp. 50–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/bjsm.2005.019273>
12. Jones K., Sherman C., Mist S., Carson J., Bennett R., Li F. A randomized controlled trial of 8-form Tai chi improves symptoms and functional mobility in fibromyalgia patients. *Clinical rheumatology*, 2012. Vol. 31, Issue 8, pp. 1205–1214. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/1472-6882-12-S1-O21>
13. Wang C., Schmid C. H., Roness R., Kalish R., Yinh J., Goldenberg D. L., Lee Y., McAlindon T. A randomized trial of tai chi for fibromyalgia. *New England Journal of Medicine*, 2010, Vol. 363, Issue 8, pp. 743–754. DOI: <http://dx.doi.org/10.1056/NEJMoa0912611>
14. Taggart H. M., Arslanian C.L., Bae S., Singh K. Effects of Tai Chi exercise on fibromyalgia symptoms and health-related quality of life. *Orthopaedic Nursing*, 2003, Vol. 22, Issue 5, pp. 353–360. DOI: <http://dx.doi.org/10.1097/00006416-200309000-00013>
15. Song R., Lee E. O., Lam P., Bae S. C. Effects of a Sun-style Tai Chi exercise on arthritic symptoms, motivation and the performance of health behaviors in women with osteoarthritis. *Taehan Kanho Hakhoe chi*, 2007, Vol. 37, Issue 2, pp. 249–256.
16. Song R., Lee E. O., Lam P., Bae S. C. Effects of tai chi exercise on pain, balance, muscle strength, and perceived difficulties in physical functioning in older women with osteoarthritis: A randomized clinical trial. *Journal of Rheumatology*, 2003, Vol. 30, Issue 9, pp. 2039–2044.
17. Shen C.-L., James C. R., Chyu M.-C., Bixby W. R., Brism e J.-M., Zumwalt M. A., Pokliuha G. Effects of Tai Chi on gait kinematics, physical function, and pain in elderly with knee osteoarthritis-a pilot study. *American Journal of Chinese Medicine*, 2008, Vol. 36, Issue 2, pp. 219–232. DOI: <http://dx.doi.org/10.1142/S0192415X08005734>
18. Tsai P.-F., Beck C., Chang J. Y., Hagen J., Kuo Y.-F., Roberson P. K., Rosengren K., Beuscher L., Doan C. L., Anand K.J.S. The effect of tai chi on knee osteoarthritis pain in cognitively impaired elders: pilot study. *Geriatric Nursing*, 2009, Vol. 30, Issue, 2, pp. 132–139. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.geri-nurse.2007.11.002>
19. Tsai P.-F., Chang J.Y., Beck C., Kuo Y.-F., Keefe F. J. A pilot cluster-randomized trial of a 20-week Tai Chi program in elders with cognitive impairment and osteoarthritic knee: effects on pain and other health

- outcomes. *Journal of Pain and Symptom Management*, 2013, Vol. 45, Issue 4, pp. 660–669. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2012.04.009>
20. Uhlig T., Fongen C., Steen E., Christie A., Odegard S. Exploring Tai Chi in rheumatoid arthritis: a quantitative and qualitative study. *BMC Musculoskeletal Disorders*, 2010. Volume 11, Article Number 43, pp. 11–43. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/1471-2474-11-43>
 21. Tsai J. C., Wang W.H., Chan P., Lin L.J., Wang C.H., Tomlinson B., Hsieh M.H., Yang H.Y., Liu J.C. The Beneficial Effects of Tai Chi Chuan on Blood Pressure and Lipid Profile and Anxiety Status in a Randomized Controlled Trial. *Journal of Alternative and Complementary Medicine*, 2003, Vol. 9, Issue 5, pp. 747–754. DOI: <http://dx.doi.org/10.1089/107555303322524599>
 22. Lo H., Yeh C., Chang S., Sung H., Smith G. A Tai Chi exercise program improved exercise behavior and reduced blood pressure in outpatients with hypertension. *International Journal of Nursing Practice*, 2012, Vol. 18, Issue 6, pp. 545–551. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/ijn.12006>
 23. Sato S., Makita S., Uchida R., Ishihara S., Masuda M. Effect of Tai Chi Training on Baroreflex Sensitivity and Heart Rate Variability in Patients With Coronary Heart Disease. *International Heart Journal*, 2010, Vol. 51, Issue 4, pp. 238–241. DOI: <http://dx.doi.org/10.1536/ihj.51.238>
 24. Yeh G. Y., McCarthy E. P., Wayne P. M., Stevenson L.W., Wood M. J., Forman D., Davis R.B., Phillips R.S. Tai chi exercise in patients with chronic heart failure: a randomized clinical trial. *Archives of Internal Medicine*. 2011, Vol. 171, Issue 8, pp. 750–757. DOI: <http://dx.doi.org/10.1001/archinternmed.2011.150>
 25. Yeh G.Y., Wayne P. M., Phillips R. S. Tai Chi exercise in patients with chronic heart failure. *Medicine and Sport Science*, 2008, vol. 52, pp. 195–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.1159/000134300>
 26. Yeh G. Y., Wood M. J., Lorell B. H., Stevenson L. W., Eisenberg D. M., Wayne P. M., Goldberger A. L., Davis R. B., Phillips R. S. Effects of tai chi mind-body movement therapy on functional status and exercise capacity in patients with chronic heart failure: a randomized controlled trial. *American Journal of Medicine*. 2004, Volume 117, Issue 8, pp. 541–548. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.amjmed.2004.04.016>
 27. Taylor-Piliae R. E., Hoke T. M., Hepworth J.T., Latt L. D., Najafi B., Coull B.M. Effect of Tai Chi on physical function, fall rates and quality of life among older stroke survivors. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 2014, Volume 95, Issue 5, pp. 816–824. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.apmr.2014.01.001>
 28. Yeh G.Y., Roberts D.H., Wayne P.M., Davis R. B., Quilty M.T., Phillips R.S. Tai chi exercise for patients with chronic obstructive pulmonary disease: A pilot study. *Respiratory Care*. 2010. Volume 55, Issue 11, pp. 1475-1482.
 29. Yan J.-H., Guo Y.-Z., Yao H.-M., Pan L. Effects of Tai Chi in patients with chronic obstructive pulmonary disease: preliminary evidence. *Plos One*. 2013, Volume 8, Issue 4, Article Number: e61806. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0061806>
 30. Leung R., McKeough Z., Alison J. Tai Chi as a form of exercise training in people with chronic obstructive pulmonary disease. *Expert Review of Respiratory Medicine*. 2013. Vol. 7, No. 6, pp. 587-592. DOI: <http://dx.doi.org/10.1586/17476348.2013.839244>
 31. Nedeljkovic M., Wepfer V., Ausfeld-Hafter B., Wirtz P. H., Streitberger K. M. Influence of general self-efficacy as a mediator in Taiji-induced stress reduction – Results from a randomized controlled trial. *European Journal of Integrative Medicine*. 2013, Volume 5, Issue 3, pp. 284-290. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.eujim.2012.12.001>
 32. Esch T., Duckstein J., Welke J., Stefano G., Braun V. Mind/body techniques for physiological and psychological stress reduction: Stress management via Tai Chi training - A pilot study. *Medical Science Monitor*. 2007. Volume 13, Issue 11, pp. CR488-CR497.
 33. Lee L., Chong Y. L., Li N. Y., Li M. C., Lin L. N., Wong L. Y., Wong B. K., Yip W. P., Hon C. H., Chung P.K., Man S.Y. Feasibility and effectiveness of a Chen-style Tai Chi program for stress reduction in junior secondary school students. *Stress and Health*. 2013, Volume 29, Issue 2, pp. 117-124. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/smi.2435>

34. Converse A., Ahlers E., Travers B., Davidson R. Tai chi training reduces self-report of inattention in healthy young adults. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014, Volume 8, Article Number 13. DOI: [http:// dx.doi.org/10.3389/fnhum.2014.00013](http://dx.doi.org/10.3389/fnhum.2014.00013)
35. Man D. W. K., Tsang W. W. N., Hui-Chan C. W. Y. Do older tai chi practitioners have better attention and memory function? *Journal of Alternative and Complementary Medicine*, 2010, 16(12), pp. 1259-1264. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1089/acm.2009.0462](http://dx.doi.org/10.1089/acm.2009.0462)
36. Yeung A., Lepoutre V., Wayne P., Yeh G., Slipp L.E., Fava M., Denninger J. W., Benson H., Fricchione G.L. Tai chi treatment for depression in Chinese Americans: a pilot study. *American Journal of Physical Medicine & Rehabilitation*. 2012, Volume 91, Issue 10, pp. 863-870. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1097/PHM.0b013e31825f1a67](http://dx.doi.org/10.1097/PHM.0b013e31825f1a67)
37. Cho K.-L. Effect of Tai Chi on depressive symptoms amongst Chinese older patients with major depression: the role of social support. *Medicine and Sport Science*. 2008. Vol. 52, pp. 146-154. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1159/000134295](http://dx.doi.org/10.1159/000134295)
38. Field T., Diego M., Delgado J., Medina L. Tai chi/yoga reduces prenatal depression, anxiety and sleep disturbances. *Complementary Therapies in Clinical Practice*. 2013, Volume 19, Issue 1, pp. 6-10. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1016/j.ctcp.2012.10.001](http://dx.doi.org/10.1016/j.ctcp.2012.10.001)
39. Payne P., Crane-Godreau M. Meditative movement for depression and anxiety. *Frontiers in Psychiatry*. 24 July 2013 DOI: [http:// dx.doi.org/10.3389/fpsy.2013.00071](http://dx.doi.org/10.3389/fpsy.2013.00071)
40. Yeh S., Chuang H., Lin L., Hsiao CY, Eng H. Regular Tai Chi exercise enhances functional mobility and CD4CD25 regulatory T cells. *British Journal of Sports Medicine*. 2006, Volume 40, Issue 3, pp. 239-243. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1136/bjsm.2005.022095](http://dx.doi.org/10.1136/bjsm.2005.022095)
41. Alp A., Cansever C., Gurgez N., Yurtkuran M., Topsaz T. Effects of Tai Chi exercise on functional and life quality assessments in senile osteoporosis. *Turkiye Klinikleri Journal of Medical Sciences*. 2009, Volume 29, Issue 3, pp. 687-695.
42. Murphy L., Singh B. B. Effects of 5-Form, Yang Style Tai Chi on older females who have or are at risk for developing osteoporosis. *Physiotherapy Theory and Practice*, 2008, Vol. 24, No. 5, pp. 311-320. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1080/09593980701884790](http://dx.doi.org/10.1080/09593980701884790)
43. Hung J.W., Liou C.W., Wang P.W., Yeh S.H., Lin L.W., Lo S.K., Effect of 12-week Tai Chi Chuan exercise on peripheral nerve modulation in patients with type 2 diabetes mellitus. *Journal of Rehabilitation Medicine*. 2009, Volume 41, Issue 11, pp. 924-929. DOI: [http:// dx.doi.org/10.2340/16501977-0445](http://dx.doi.org/10.2340/16501977-0445)
44. Tsang T., Orr R., Lam P., Comino E. J., Singh M. F. Health benefits of Tai Chi for older patients with type 2 diabetes: the "Move It For Diabetes study"- a randomized controlled trial. *Clinical Interventions in Aging*. 2007, Volume 2, Issue 3, pp. 429-439.
45. Wang J. H. Effects of Tai Chi exercise on patients with type 2 diabetes. *Medicine and Sport Science*. 2008, Volume 52, pp. 230-238. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1159/000134303](http://dx.doi.org/10.1159/000134303)
46. Yeh S.-H., Chuang H., Lin L.-W., Hsiao C.-Y., Wang P.-W., Liu R.-T., Yang K. D. Regular Tai Chi Chuan exercise improves T cell helper function of patients with type 2 diabetes mellitus with an increase in T-bet transcription factor and IL-12 production. *British Journal of Sports Medicine*. 2009, Volume 43, Issue 11, pp. 845-850. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1136/bjsm.2007.043562](http://dx.doi.org/10.1136/bjsm.2007.043562)
47. Liu X., Miller Y. D., Burton N. W., Chang J.-H., Brown W. J. The effect of Tai Chi on health-related quality of life in people with elevated blood glucose or diabetes: a randomized controlled trial. *Quality of Life Research*, 2013. Vol. 22, iss. 7, pp. 1783-1786. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1007/s11136-012-0311-7](http://dx.doi.org/10.1007/s11136-012-0311-7)
48. Chang R., Koo M., Kan C., Yu Z., Chu I., Hsu, C., Chen C. Effects of Tai Chi rehabilitation on heart rate responses in patients with coronary artery disease. *American Journal of Chinese Medicine*. 2010, Volume 38, Issue 3, pp. 461-472. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1142/S0192415X10007981](http://dx.doi.org/10.1142/S0192415X10007981)
49. Youngwanichsetha S., Phumdoung S., Ingkathawornwong T. The effects of tai chi qigong exercise on plasma glucose levels and health status of postpartum Thai women with type 2 diabetes. *Focus on Alternative and Complementary Therapies*, 2013, vol. 18, iss. 4, pp. 182-187. DOI: [http:// dx.doi.org/10.1111/fct.12064](http://dx.doi.org/10.1111/fct.12064)

© Э. М. Думнова

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.07)

УДК 172 + 316.42

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И МЕНТАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ОБЪЕДИНЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Э. М. Думнова (Новосибирск, Россия)

В статье рассматривается проблема трансформации ментального пространства современной российской молодежи, в частности, одна из его основных тенденций – полиментальность, детерминирующая новые основания взаимодействия различных групп молодежи. Для современного российского общества в условиях его полиментальности проблема взаимодействия субъектов различных ментальностей является объективно существующей, и особенно затрагивает молодежь в силу специфики ее психосоциальных характеристик. В статье рассматриваются факторы, детерминирующие социально-философскую специфику взаимодействия субъектов различных ментальностей, а также взаимовлияния ментальностей и отдельных видов сознания.

Применительно к социогрупповой ментальности и, в частности, к групповому сознанию, идеология, включенность в процесс глобализации представляются как экзогенные факторы их формирования и трансформации. Молодежь выступает как эндогенный фактор формирования общественного сознания. Молодежная общность в силу своей дифференциации является носителем разнообразных групповых сознаний и ментальностей. В связи с этим в современном российском обществе существует множество молодежных субкультур и движений, в рамках которых формируется специфика ментальных особенностей их субъектов, и, вместе с тем, возникает проблема их взаимодействия, связанная с ростом уровня межгрупповой конфликтности. Степень интегрированности молодежи в общество как поколения обуславливает силу ее группового сознания как внутреннего фактора трансформации общественного сознания. Молодежная ментальность оказывает постепенное имплицитное воздействие на массовое сознание, следовательно, на внешний структурный уровень менталитета.

Автор статьи приходит к выводу о том, что специфика взаимодействия общественного сознания и ментальности социальных групп и объединений молодежи обусловлена типом социальной системы, политическими и историческими условиями ее существования. Групповое сознание и социогрупповые ментальности во всем их многообразии являются сильными внутренними факторами социокультурного развития современного российского общества.

Ключевые слова: социально-философский анализ, ментальное пространство, ментальность молодежи, общественное сознание, групповое сознание, социальная субъектность, социальное взаимодействие, социальная идентичность.

Думнова Эльнара Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

E-mail: dumnova79@yandex.ru

Мозаичность молодежной ментальности современного российского общества является следствием его демократизации в конце XX – начале XXI вв. При этом объективно существующей является проблема взаимодействия в условиях полиментальности различных социальных групп. Переход от тоталитарного к демократическому режиму не может сопровождаться столь же резкой сменой мировоззренческой системы, в силу дифференцированного восприятия социальных изменений разными поколениями и социальными слоями. При наложении специфики нового режима и прежних стереотипов, закрепленных в мышлении и поведении, проявилась угроза социальной напряженности по причине взаимной интолерантности между отдельными группами населения. Молодежь в этом случае является наиболее уязвимой социальной общностью в силу ее максимализма как возрастной особенности. Возникает проблема взаимодействия субъектов различных ментальностей, сформированных под влиянием разных культур. В таких условиях полиментальность препятствует гармоничному развитию социума. Суть проблемы состоит в низком уровне толерантности. Это обусловлено нехваткой опыта демократического развития и незавершенностью перехода от одной системы мировоззрения к другой – диаметрально противоположной. Проблема формирования ментальных структур молодежи отражена в работах ряда исследователей, в числе которых И. М. Ильинский, Е. Л. Левашова, С. И. Левикова, Вал. А. Луков, А. Н. Тесленко, Д. Г. Шкаев и др. [1–6].

Фактор времени играет решающую роль в процессе выхода общества на новый уровень понимания и оценки социокультурных явлений. Вместе с тем немаловажно отметить и обратную сторону восприятия иного культурного опыта, дисфункциональную по своей сути в силу того, что инокультурные образцы

поведения и отдельные социальные практики не всегда конструктивны. Восприятие деструктивных инокультурных социальных практик в условиях информационного открытого общества происходит беспрепятственно и приводит к ряду негативных последствий, нарушающих социальный порядок.

Не менее важным фактором дифференциации молодежи, является отсутствие единой идеологии в условиях политического плюрализма, это находит свое выражение в низком уровне ее солидарности и разобщенности. Идеология выполняет функцию связующего звена между научно-теоретическим и обыденно-практическим уровнями общественного сознания. Идеология как теоретический конструкт задает вектор формирования общественного сознания и возможность его проявления в конкретных формах, выступая интегрирующей основой для различных элементов социальной системы, в том числе социальных групп, несмотря на их ментальные отличия. Применительно к социогрупповой ментальности и, в частности, к групповому сознанию идеология представляется как экзогенный фактор их формирования и трансформации. Благодаря существованию единой государственной идеологии повышается степень социальной солидарности в обществе, поскольку задается общая цель системы, направленная на ее самосохранение и саморазвитие. Она коррелирует с групповыми и индивидуальными целями, которые аналогичны по своей сути, т. к. и группа, и индивид в свою очередь тоже являются системами только других уровней.

Анализируя проблему межгрупповой конфликтности, конкурентности, сторонники теории социальной идентичности подчеркивают, что надгрупповая цель может быть эффективной только в том случае, если она ко-

оперирует группы с сохранением их групповой идентичности [7]. Вместе с тем, представления каждой группы о других «чужих» группах уже закреплены в стереотипах, которым присуща высокая степень устойчивости. Ряд западных исследователей полагает, что в основе противостояния групп, имеющих разную ментальность, лежит принцип социоцентризма. В современных исследованиях предлагается трактовка социоцентризма как «свойства воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной социальной группы, выступающей в качестве некоего эталона, или оптимума» [8, с. 83–96]. Проявления социоцентристских интенций присутствуют как на микросоциальном, так и на макросоциальном уровнях. В первом случае принято применять термин «социоцентризм», отражающий межгрупповые отношения, субъектом которых могут быть группы, различающиеся по разным основаниям. Во втором случае можно применить термин «этноцентризм», отражающий отношения между более крупными социальными группами – этносами.

В ряде случаев эти термины употребляют как синонимичные, в связи с чем, допустимо привести характеристики этноцентризма, выделенные западными учеными М. Бруэром и Д. Кэмпбеллом, которые проецируются и на социоцентризм. М. Бруэр и Д. Кэмпбелл отмечают следующие основные черты этноцентризма: «восприятие элементов своей культуры как «естественных» и «правильных», а элементов других культур как «неестественных» и «неправильных» [9].

Исходя из этого, вполне обоснован их вывод о том, что снизить противостояние между разными группами возможно только посредством максимального устранения различий между ними [10, с. 513–516]. Предлага-

емый ими выход в виде превращения межгрупповых отношений во внутригрупповые, с помощью достижения надгрупповой идентичности подчеркивает значимость разных видов идентичностей (социальной, национальной, социопространственной). Кризис социальной идентичности (групповой) в результате нарастания уровня конфликтности между ее субъектами подлежит разрешению через усиление идентичности на более высоком уровне социальной организации – национальной. Реализация такой стратегии возможна в определенных условиях, одним из которых является наличие единой национальной идеи, поддерживающей ментальный иммунитет народа. При единой идеологии ментальные отличия отдельных социальных групп не достигают критического предела за счет регулирующей и интегрирующей функций идеологии. Полиментальность в таком случае не нарушает структурные связи и не представляет угрозы для относительно гармоничного и стабильного функционирования системы.

Роль идеологии отражена в ряде философских и социологических концепций. Представители структурного функционализма (Т. Парсонс, Г. Алмонд, Д. Истон, С. Липсет и др.) в качестве основных столпов, поддерживающих функционирование системы посредством удовлетворения ее требований, рассматривают равнозначные друг другу подсистемы: экономическую, политическую, правовых институтов, норм и обычаев, а также подсистему верований, морали и органов социализации. В зависимости от слаженности функционирования выделенных подсистем происходит определение вектора развития социальной системы. По мнению Т. Парсонса система может трансформироваться двумя путями: во-первых, посредством изменения равновесия, во-вторых, в результате изменения структуры

[11]. Степень обеспеченности системы идеологическими компонентами коррелирует с ее устойчивостью. Их ослабление или изъятие из системы приводит к снижению внутрисистемной регуляции и, как следствие, к утрате ее равновесия, либо реструктуризации. Современное российское общество испытывает недостаточность внутренней регуляции. В связи с этим по ряду причин, в числе которых мультикультурализм, полиментальность, поликонфессиональность и др. явления, представляющие мозаичность российского социокультурного пространства, наблюдается латентный рост уровня конфликтности и разного рода межгрупповых антагонизмов.

Процесс деидеологизации российского общества, начавшийся в 1990-х гг., привел к ослаблению его внутренней интеграции. Рассматривая проблему устойчивости социокультурных систем, П. А. Сорокин акцентировал внимание на степени интеграции их компонентов как важном источнике их самодетерминации и будущего развития. Не отрицая возможности флуктуации в социокультурных системах, П. А. Сорокин подчеркивает: «...когда причинная взаимозависимость компонентов и элементов системы достигает высшей степени, а их взаимоотношения носят максимально солидарный (у людей) и максимально согласующийся (между компонентами) характер...» [12, с. 745], в таком случае флуктуация позволяет сохранить систему. Эклектичность системных компонентов приводит к снижению уровня их солидарности и превращению латентных антагонизмов в явные, вследствие чего, при наложении дополнительного внешнего негативного вмешательства, происходит разрушение системы. Умеренные флуктуации в системе, даже при условии дифференциальности

ее компонентов, возможны только при наличии жестких внутренних регулятивов, функцию которых выполняют обычаи, социальные нормы, мораль, религия, идеология.

В современном российском обществе с формирующейся культурой индивидуализма все более прочно занимающей позиции, социальная идентичность выступает важной составляющей в жизни как отдельного индивида, так и группы. В основе этого витка в социальном развитии России лежат процессы, детерминированные политической ситуацией. По нашему мнению, социально-политический перелом 1990-х гг. был отягощен внутренним разрушением системы, выраженным в культурной деградации русского народа. Глубокое осмысление характеристик эпохи, предшествующей постмодерну, а также анализ черт последующей нашли отражение в работах Б. О. Майера и Д. В. Еврезова [13].

Информационно-психологическая война, объектом которой стали россияне, нанесла сильный удар по национальному самосознанию и, как следствие, привела к кризису национальной идентичности. Научное осмысление разрушения национальной идентичности привело к возникновению теории культурной травмы. Под культурной травмой понимается «насилованное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам»¹. Начало информационно-психологической войны определить сложно, она имеет относительно латентный характер и проявляет себя в качестве определенных результатов. Конечная ее цель состоит в разрушении архетипического набора, который является базой формирования культурной идентичности. Использование ряда методов и

¹ **Русские.** Азбука русского национального самосознания. – М.: Поколение, 2008. – С. 180.

приемов манипулятивных технологий позволило подорвать духовно-ценностные основы российского общества, в чем и состоит самобытность народа.

Информационно-психологические войны максимально достигают цели, если их развязывают в период внутреннего кризиса, депрессии, возникновения социального вакуума в обществе. То есть вхождение социума в зону бифуркации и наложение внешнего агрессивно-информационного воздействия, приводит к деструктивному вектору флуктуаций, которые выражаются в углублении социальной фрустрации, отчуждении, ослаблении социальной солидарности и, как следствие, социального порядка. В результате стремление системы и ее подсистем к самосохранению приводит к «атомизации» общества. Эта тенденция проявляется в виде усиления роли индивидуального и группового сознания и переходом к новой ценностной шкале. Таков механизм переноса центра тяжести с национальной идентичности на социальную.

Особый колорит имеет «атомизация» в среде молодежи. Перелом в историческом развитии России стал импульсом к возникновению ряда неформальных молодежных группировок. В этот период происходит нивелирование духовных ценностей, в том числе и ценности образования. В силу низкого порога критичности восприятия информации и открытости молодежного сознания, часть молодежи оказалась в состоянии фрустрации. Оно было вызвано проблемами построения жизненной стратегии и выбора конкретной социальной траектории. На этом неблагоприятном социальном фоне у молодежи возникает проблема самореализации. В результате, в сложившихся условиях под влиянием вестернизации в 1990-х гг. активными темпами происходит формирование неформальных молодежных организаций, групп и движений.

Молодежные субкультуры возникают в рамках доминирующей культуры, в этой связи они не являются изолированными. Конкуренция между молодежными субкультурами приводит к подавлению слабых и их исчезновению. В результате остаются субкультуры, которые, функционируя в рамках доминирующей культуры, способны привести ее к состоянию динамической неустойчивости. Взаимодействие доминирующей и субкультур предполагает также взаимовлияние менталитета их субъектов. Процесс внутрисистемного взаимодействия культур приводит к их усложнению. В первую очередь это касается господствующей культуры, имеющиеся структурные элементы которой содержательно обновляются, а также происходит воспроизводство новых. Мы разделяем точку зрения М. М. Белоусовой о том, что доминирующая культура и молодежные субкультуры соотносятся как «материнская» и «дочерние», что предполагает их изначальную взаимную открытость и взаимозависимость [15, с. 219].

Взаимовлияние общественного и группового сознания осуществляется в форме взаимодействия разноуровневых культур. Формирование общественного сознания происходит не только под влиянием макросоциальных факторов, наиболее важными из которых являются идеология и религия. Общественное сознание испытывает влияние со стороны микросоциального уровня, выраженное в функционировании группового сознания. Стихийное или целенаправленное образование молодежных объединений приводит к воплощению в жизнь новых идей, ценностей, символов. Субкультуры и контркультуры выступают формами социального конструирования действительности. Их отдельные элементы потенциально могут внедряться в сознание более широких социальных групп и

слоев, а также в массовое сознание при наличии благоприятных условий. К их числу относятся соответствующие потребности и интересы, имеющиеся в обществе. Тогда новые социальные конструкты будут позиционироваться как «ответ» на «вызов».

Единые социальные условия, несмотря на специфику индивидуальных ментальных структур, детерминирующих их восприятие, способствуют выработке сходных потребностей. В связи с этим дифференциация молодежи сопровождается ее интеграцией, обусловленной единым периодом социального времени и пространством, в рамках которых происходит ее социальное становление. Поэтому ряд современных исследователей использует термин молодежная культура, включающий все разнообразие молодежных объединений, субкультур и контркультур и объединяющий их на основе общих элементов и характеристик.

Молодежная культура и ментальность является источником нового. Переход молодежи в последующую демографическую категорию, сопровождающийся стабилизацией социального статуса и закреплением определенных прав, способствует интеграции ее системы ценностей в надгрупповую систему социальных ценностей, а также распространение ее знаково-символической системы на уровень доминирующей культуры. Меняя посредством обновления отдельные компоненты общественного сознания (ценности, стереотипы), молодежная ментальность оказывает постепенное имплицитное воздействие на массовое сознание, следовательно, на психосоциальный уровень менталитета, что находит свое выражение в трансформации социальных и поведенческих стереотипов и, в целом, социальной субъектности [16].

Социальные стереотипы являются ярким индикатором изменений, происходящих в

групповом и общественном сознании и частично объективируются в поведенческих стереотипах. Их изменение приходится на периоды глубоких социальных преобразований, кризисов, депрессий. Источником трансформации стереотипов является изменение привычных условий жизни и, как следствие, социального самочувствия людей. Изменение социальных стереотипов непосредственно связано с более глубокими процессами формирования новых ментальных конструктов в обществе. Это видимый результат трансформации системы индивидуальных групповых и социальных ценностей, лежащих в основе индивидуальных и социогрупповых ментальностей. Разрушение групповых стереотипов связано с трансформацией межгрупповых связей и ментальности групп.

Социальные стереотипы, формируемые в среде молодежи, постепенно вытесняют общепринятые и занимают их ниши со сменой поколений. Степень интегрированности молодежи как поколения обуславливает силу их группового сознания как внутреннего фактора трансформации общественного сознания. А высокая социальная активность части молодого поколения, стремление к генерации идей и внедрению инноваций обеспечивают преобразующий потенциал группового сознания, направленный на изменение ценностей, установок и стереотипов, существующих в общественном сознании.

Предлагаемый механизм взаимодействия группового и общественного сознания относителен, и степень его реализации зависит от специфики конкретного общества. В закрытых социальных системах, в которых действуют авторитарные/тоталитарные режимы, менее подвижен психосоциальный уровень менталитета, соотносящийся с общественным сознанием, чем в открытых демократических обществах. Данная закономерность следует из

того, что в закрытых обществах общественное сознание формируется «сверху», т. е. под влиянием идеологического фактора. В условиях отсутствия социальных свобод групповое сознание более имплицитно, вместе с тем, видовая структура ментальности в социуме сохраняется. Экспликация группового сознания и ментальности молодежи в закрытых обществах бывает в виде резонансных событий и явлений, выходящих за рамки сложившегося уклада. Зачастую такие проявления имеют революционный характер.

В открытых обществах процесс трансформации менталитета и ментальности носит эволюционный характер. Под влиянием внутренних изменений и включенности в процесс взаимодействия с другими обществами и

культурами в открытых социальных системах накапливаются количественные изменения, приводящие к качественным. При этом система сохраняет динамическое равновесие.

Таким образом, специфика взаимодействия общественного сознания и ментальности социальных групп и объединений молодежи обусловлена типом социальной системы, политическими и историческими условиями ее существования. В связи с глубокой социальной дифференциацией, присущей современному российскому обществу, групповое сознание и социогрупповые ментальности во всем их многообразии являются мощным внутренним фактором социокультурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ильинский И. М.** Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. – М.: Голос, 1999. – 323 с.
2. **Левашова Е. Л.** Типологизация молодежных субкультур в современном российском обществе // Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – Вып. 150. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-molodezhnyh-subkultur-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve#ixzz2mCxRT9hy> (дата обращения: 19.07.14)
3. **Левикова С. И.** Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 608 с.
4. **Луков Вал. А.** Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
5. **Тесленко А. Н.** Культурные модели социализации и жизненные стратегии казахстанской молодежи // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 119.
6. **Шкаев Д. Г.** Менталитет молодежи в постсоветский период: Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. отд. философии. – М., 2009. – 56 с. – (Сер.: Проблемы философии).
7. **Янгирова С. М.** Социальные стереотипы как механизмы процесса идентификации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. – № 2. – Ч. 2. – С. 211. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/51.html> (дата обращения: 19.07.14)
8. **Московичи С.** От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 83–96.
9. **Brewer M., Campbell D. T.** Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. N.Y.: Sage, 1976.

10. **Хашенко В. А.** Социально-психологические детерминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – Т. 2 / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. – С. 513–556.
11. **Парсонс Т.** Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 266 с.
12. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. – СПб: Изд-во Рус. Христианск. Гуманит. Института, 2000. 1054 с. – С. 745.
13. **Майер Б. О., Еврезов Д. В.** Изменения в системе современного общества и реформы высшего образования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – 2012. – № 6. – С. 37–43.
14. **Белоусова М. М.** Молодежная культура в современном обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – Т. 9. – № 2 (40). – С. 219. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-kultura-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 19.07.14)
15. **Думнова Э. М.** Менталитет и ментальность в социокультурном пространстве бытия российской молодежи: монография / Новосиб. гос. архит.-худ. акад. – Новосибирск, 2013. – 292 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.14)

Dumnova Elnara Mikhailovna, Candidate of Philosophy Sciences (equiv. PhD), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: dumnova79@yandex.ru

INTERCONDITIONALITY OF SOCIAL CONSCIOUSNESS AND MENTALITY OF YOUTH SOCIAL GROUPS AND UNIONS

Abstract

The article considers the problem of the Russian youth mental space transformation, including one of its main tendencies – polymentality, determining the new bases for interaction between different youth groups. For the contemporary Russian society characterized by its polimentality the problem of interaction of bearers of different mentalities exists objectively and affects the youth especially, due to specificity of their psycho-social characteristics. The article considers factors, determining specificity of interaction between bearers of different mentalities and mutual impact of mentalities and individual mentality types.

With respect to socio-group mentality and, in particular, to group consciousness, ideology and inclusion in the process of globalization are exogenous factors of their forming and transformation. The youth is an endogenous factor of forming social consciousness. Due to its differentiation, the youth as a whole is a bearer of various group consciousness's and mentalities. In this connection, in contemporary Russian society there are many youth subcultures and movements. Within their framework specificity of mental peculiarities of their bearers gets exposed and, at the same time, the problem of their interaction, related to increase in inter-group potential conflicts rate, arises. The degree of youth (as a generation) integration into society determines the strength of their group consciousness as an internal factor of social consciousness transformation. Youth mentality gradually and implicitly affects mass consciousness and, consequently, the external structural level of mentality.

Thus, the type of social system and its political and historical circumstances determines specificity of interaction between social consciousness and mentality of youth social groups and unions. Group consciousness and socio-group mentalities in all their diversity constitute a strong internal development factor of the contemporary Russian society.

Keywords

socio-philosophical analysis, mental spice, youth mentality, social consciousness, group consciousness, social agency, social interactions, social identity

REFERENCES

1. Ilyinskii I. M. The youth in the context of global processes of the world community development. *The Youth and Society at the Turn of the Century*. Moscow, Golos Publ., 1999, 323 p. (In Russian)
2. Levashova E. L. Youth subcultures typology in the contemporary Russian society. *Proceedings of A. I. Gerzen State Pedagogical University*. 2012, Issue 150. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-molodezhnyh-subkultur-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve#ixzz2mCxRT9hy> (accessed: 19.07.14). (In Russian)

3. Levikova S. I. *The Youth Subculture*. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2004, 608 p. (In Russian)
4. Lukov Val. A. *Youth Theories: Interdisciplinary Analysis*. A Scholarly Monograph. Moscow, "Canon+ Publishers", ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2012. (In Russian)
5. Teslenko A. N. Cultural models of socialization and Kazakh youth life strategies. *Sociological studies*. 2012, no. 8, p. 119. (In Russian)
6. Shkaev D. G. *Youth Mentality in the Soviet Period: Analytical Survey*. RAN INION. Center for Scholarly and Information Studies in Humanities, Philosophy Division. Moscow, 2009, 56 p. (Problems of Philosophy Series). (In Russian)
7. Yangirova S. M. Social stereotypes as identification process mechanisms. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism*. Theory and Practice. Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 2. part. 2, p. 211. Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/51.html> (accessed: 19.07.14). (In Russian)
8. Moscovici S. *From Collective to Social Representations*. Issues of sociology, 1992, vol. 1, no. 2, pp. 83–96. (In Russian)
9. Brewer M., Campbell D. T. *Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence*. N.Y., Sage, 1976.
10. Khaschenko V. A. Socio-psychological determinants of the personal economic identity. *Problems of economic sociology*. Ed. A. L. Zhuravlev, A. B. Kupreichenko. Moscow, IP RAN Publ., 2005, Vol. 2, pp. 513–556. (In Russian)
11. Parsons T. *The System of Modern Societies*. Transl. from English by L. A. Sedov and A. D. Kovalyov. Ed. M. S. Kovaleva. Moscow, Aspect Press Publ., 1998, 266 p. (In Russian)
12. Sorokin P. A. *Social and cultural dynamics: a study of change in major systems of art, truth, ethics, law and social relationships*. Transl. from English by V. V. Sapov. Saint Petersburg, Russian Christian Institute of Humanities Publ., 2000, 1054 p., p. 745. (In Russian)
13. Mayer B. O., Evrezov D. V. Changes in contemporary societal system and higher education reforms. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012, no. 6, p. 37–43. (In Russian)
14. Belousova M. M. The youth culture in contemporary society. *Scientific records of the Belgorod state university*. Philosophy, sociology, law series. 2007, vol. 9, no. 2 (40), p. 219. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-kultura-v-sovremennom-obschestve> (accessed: 19.07.14). (In Russian)
15. Dumnova E. M. *Mentality and mindset in social and cultural space of the Russian youth being*. Monograph. Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts Publ., Novosibirsk, 2013, 292 p. (In Russian)

© М. В. Беляева

DOI: [10.15293/2226-3365.1406](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406)

УДК 37.01 + 930.85 + 372.016:91

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

М. В. Беляева (Новосибирск, Россия)

В статье анализируются основные вехи в развитии идей формирования национального самосознания учащихся в трудах отечественных ученых средствами школьного географического образования конца XVIII – начала XX вв. Подчеркивается, что в условиях глобализации нарушается воспроизводство национальных культурных кодов, что актуализирует проблему научных изысканий в направлении поиска путей формирования, укрепления и развития национального самосознания учащихся средствами географического образования. Особенности формирования национального самосознания изучаемого периода: понимание вклада предмета географии в процесс духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, тесная связь процесса обучения с жизнью, семейным воспитанием, православными ценностями, ориентированными на служение Отечеству, самоотверженный труд на благо государства, поддержание национальных культурных традиций. Ведущим теоретиком развития идей воспитания национального самосознания средствами предмета географии был К. Д. Ушинский, который считал, что главное в географии – изучение родного края и своей страны, что в преподавании необходимо обязательно воплощать принцип народности. Основные подходы к решению обозначенной проблемы периода XVIII–XX вв. – это реализация идей народности, религиозно-нравственного воспитания учащихся на основе родиноведческого, страноведческого и культурологического подходов в преподавании географии.

Ключевые слова: глобализация, культурная стандартизация, национальное самосознание (идентичность), школьное географическое образование, учебник по географии, воспитательный потенциал школьной географии, факторы, оказывающие сдерживающее и стимулирующее воздействие на развитие идей воспитания национального самосознания в период конца XVIII – начала XX вв.

Общеизвестно, что мы живем в эпоху глобализации. Российский исследователь В. И. Кузнецов обращает внимание на многоликость понятия *глобализация*. «Определить новую категорию непросто, – пишет он. – Процесс глобализации носит всеобъемлющий

характер, его различные грани входят в предмет изучения почти всех общественных научных дисциплин» [цит. по: 5, с. 13]. Мы поддерживаем данную точку зрения и считаем, что глобализация затрагивает все сферы жизни общества, а также сами условия

Беляева Мария Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической географии и регионоведения Института естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: chanowa.m@yandex.ru

существования человечества. По мнению научного сотрудника Центра глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН Т. С. Кондратьевой, наиболее глубокое определение понятия глобализация содержится в работах М. А. Чешкова. «В современном общественно-научном словаре ни одно слово не может конкурировать с глобальностью в качестве ключевого, кодового термина, – отмечает автор. Этот термин обозначает широкую совокупность процессов и структур, которую можно выразить как процессы взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности самых различных компонентов мирового сообщества» [цит. по: 5, с. 16]. Однако нам это понятие не кажется исчерпывающим и полным.

По мнению Рейнике (США), глобализация – это расширение международной экономической и финансовой деятельности, ведущей к усилению экономической взаимозависимости между странами [цит. по: 5, с. 15]. Однако мы более склонны принять позицию А. В. Нагирной, которая под *глобализацией* понимает «процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации» [9, с. 12]. На наш взгляд, трактовка исследуемого понятия А. В. Нагирной отличается большей лаконичностью и конкретностью в определении сущностных характеристик и последствий процесса глобализации.

Французский ученый Б. Бади, понимает глобализацию как «жизнь по единым принципам, приверженность единым ценностям, следование единым обычаям и нормам поведения, стремление все универсализировать» [цит. по: 5, с. 15]. Мы считаем такую универсализацию крайне вредной, поскольку с отказом от своего культурного наследия, нация теряет устойчивое основание для воспроизводства своих культурных кодов, и как следствие, ослабевает ее потенциал историческо-

го развития, она становится слабой и, в конечном итоге, обречена уступить свое место другим этносам. С точки зрения иллюстрации данной позиции, приведем отличную от принятой в России и постсоветском пространстве, трактовку понятия региона, распространенную в странах Западной Европы. Так, регион трактуется как «территория, представляющая общность с географической точки зрения, или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремиться сохранять, развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса» [цит. по: 8, с. 57]. Любопытно, что эта цитата из *Regional Development Studies*, т. е. исследования регионального развития за 1966 год. Таким образом, мы считаем, что утрата нацией своей самобытности, ее унификация, нарушение социальных механизмов трансляции национальных духовных традиций и культурного опыта является препятствием ее прогрессивного развития и процветания.

В контексте оценки негативных последствий процесса глобализации приведем высказывание кандидата исторических наук, заведующего отделом стран СНГ Института востоковедения РАН А. С. Панарина: «В целом “открытое глобальное общество”, как оно интерпретируется на Западе, означает откровенный социал-дарвинизм – глобальное пространство ничем не сдерживаемого “естественного отбора”, в котором более слабые экономики, культуры, этносы обречены погибнуть, уступив планету сильным и приспособленным». На самом деле эти мысли не новы, еще в середине XIX в. они были высказаны Ф. М. Достоевским и другими славянофилами. Великий русский писатель не раз говорил о необходимости поиска Россией своего пути, о необходимости возвращения к своим

истокам, корням, о необходимости прикрепления русского человека к русской «почве». Глубоко убежденный в нашем внутреннем превосходстве перед Европой, великий русский писатель считал, что мы должны перестать быть международной «обшмыгой», как выразил мысль Ф. М. Достоевский, стать русскими прежде всего, а стать русскими – значит перестать презирать свой народ. И как только европеец увидит, что мы начали уважать наш народ и нашу национальность, как тот час же начнет нас самих уважать [2, с. 16].

Таким образом, мы видим, что в условиях современного информационного общества интеграция, приводящая к культурной унификации, является глобальным вызовом, выступающим агрессором по отношению к национальной культуре. Данная тенденция актуализирует исследования в области поиска путей формирования, укрепления и развития национального самосознания. Полагаем, образовательные системы обладают значительным потенциалом для формирования национального самосознания и определения национальной идентичности. Если попытаться лаконично определить миссию системы образования, то можно сказать, что она призвана формировать достойных граждан России. Думается, в реализации поставленной цели особая роль должна отводиться школьному географическому образованию.

География – наука мировоззренческая и комплексная, возникшая и развившаяся на стыке естественнонаучных и общественных дисциплин. География формирует образ единого мира и географическое мышление, позволяющее осваивать окружающую среду, географическую культуру человека, выраженную в системе его этических отношений с природной и социально-экономической средой, раскрывая в своем содержании законы,

закономерности, многообразные и сложно переплетающиеся причинно-следственные связи, касающиеся классической триады объектов «природа – человек – хозяйство». Физическая и экономическая география дают возможность решить проблемы, находящихся на стыке интеграционных связей географии с такими науками как экология, экономика, биология, социология, история, политология, философия, право, математика [12, с. 37–38]. Уникальное положение науки, ее значительные интеграционные возможности многократно усиливают воспитательный потенциал географического образования, особенно расширяя возможности географической науки в области формирования национального самосознания. Раскрытие, объяснение, прогнозирование всех возможных взаимовлияний и взаимозависимостей в природе и социуме развивают мышление, а изучение природы, населения, хозяйства своей Родины и других стран мира позволяют проникнуть в истоки своей национальной культуры, дают неоценимую возможность переживать и глубже понять свое, родное, исконно русское, осознать себя гражданином великой и прекрасной страны, уважающим культуру других народов. Итак, география как учебный предмет должна внести свою посильную лепту в формирование национального самосознания будущих граждан России. Согласно Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, *национальное самосознание (идентичность)* понимается как «разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к своей стране и народу. Основу национальной идентичности составляют базовые национальные ценности и общая историческая судьба» [6, с. 7].

Обращение к проблеме формирования национального самосознания, гражданствен-

ности, патриотического воспитания личности в теории и методике обучения географии было неоднократным. В разные исторические периоды развития школьной географии по-разному расставлялись методические акценты. Что касается начального (досоветского) периода развития теории и методики обучения географии как науки в России, то здесь можно выделить некое противоречие. А именно: с одной стороны, – это этап зарождения методических идей, сложный процесс формирования отечественной методической географической школы, а с другой стороны – именно этот этап исторического развития характеризуется бурным расцветом идей патриотического воспитания, устойчивостью национального самосознания граждан Российской империи. В связи с этим, считаем необходимым через обращение к опыту отечественных педагогов досоветского периода, совершить попытку выделения ключевых методических подходов к процессу формирования национального самосознания средствами географического образования, а также попытаться определить факторы, оказывающие сдерживающее и стимулирующее воздействие на результативность воспитательной системы досоветской России.

В России география стала преподаваться в школах на рубеже XVII–XVIII вв. Необходимость изучения этого предмета диктовалась практическими целями: задачами развития хозяйства в эпоху Петра I, ростом торговли, развитием промышленности и необходимостью поиска новых источников сырья. Осваивались новые территории Севера европейской части России, Урала, Сибири и Дальнего Востока, росла потребность в географических знаниях. В школах России география преподавалась в разных классах, в различном объеме, с существенными различиями в содержании. Основное внимание

уделяли изучению географических названий; изучение географии было рассчитано преимущественно на запоминание и развитие памяти [3, с. 31]. Стоит отметить важный факт, в самом начале преподавания своих, русских учебников географии не было, поэтому использовали переведенные на русский язык голландские и немецкие учебники географии. Понятно, что на начальном этапе, когда не было собственных учебников, при отсутствии учебных программ и методических пособий, специальной подготовки учителя, методическое знание, возникало на основе и в составе практической деятельности обучения. Думается, что в данный период четко поставленной задачи и, как следствие, целенаправленной деятельности по формированию национального самосознания, патриотизма и гражданственности у подрастающего поколения не было. Мы не исключаем такой возможности, в России всегда были и есть педагоги-патриоты, однако методические условия для реализации систематической деятельности в данном направлении еще не сложились.

В 1742 г. вышел первый русский учебник географии неизвестного автора, а в конце XVIII в. Х. Чеботаревым был создан учебник под названием «Географическое и методическое описание Российской империи». Стоит обратить внимание, что один из первых учебников географии был посвящен изучению географии своей Родины, а не зарубежного мира.

Что касается факторов, благоприятствовавших результативности воспитательной системы России исследуемого периода, то можно предположить, что духовно-исторические истоки национального самосознания были подкреплены в начальный период самой историей России, а именно Отечественной войной 1812 г. Дефицит методической литературы и учебников, если можно так выразиться,

был компенсирован всплеском народного патриотизма 1812 г. Самосознание эпохи формировалось в контексте сокровенного смысла православия, когда в качестве духовного императива выступали православные ценности, которые давали новому поколению твердые нравственные и философские ориентиры. Отечественная война с захватнической армией Наполеона во многом укрепила и сформировала «...сущность русского самосознания через религиозную парадигму в ее государственном виде. <...> В русле национальной историософской идеи о великом историческом призвании России, выраженной, в том числе, через образы врагов Отечества – в их поступках видели богоборческое деяние, в связи с чем борьба с ними воспринималась реализацией Божьего промысла на уровне заключительной победы Добра над Злом» [10, с. 9]. Патриотические мотивы были неразрывно соединены с верноподданническими настроениями, они пронизывали все сферы жизни общества и образование, в том числе. Это было созвучно времени. Так, министр народного просвещения граф С. С. Уваров в 1833 г. писал: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [цит. по: 4, с. 246]. Православие, Самодержавие, Народность – эта идеологическая формула, впоследствии ставшая сжатым воплощением русской монархической доктрины и русской национальной идеи XIX в. выросла из прежде сложившихся идеалов («Святая Русь», «Москва – Третий Рим», «Симфония Священства и Царства», «Великая Россия»). Все это дало мощный импульс к осмыслению национального бытия. Однако слишком большое увлечение кастовой элиты российского общества – дворянством «всем

заграничным», преклонение перед «просвещенной Европой» привело к достаточно быстрому распространению в обществе либеральных идей, идущих в разрез с базовыми национальными российскими ценностями.

В своем исследовании Т. А. Бирючинская отмечает: «По мнению государственных деятелей министров народного просвещения А. С. Шишкова и С. С. Уварова, главной причиной всех бед российского просвещения начала XIX в. стало отсутствие в нем национального духа, опоры на духовно-нравственные идеалы русского народа и увлечение либеральными идеями французской революции («Свобода, Равенство, Братство»), которые, с точки зрения православной России, несли в себе определенную опасность подмены содержания этих понятий» [1]. В сочинении «Рассуждение о любви к Отечеству» А. С. Шишков убедительно доказывает, что недостаток «русского» в воспитании неизбежно ведет к потере живого, разумного, сердечного чувства связи с отчим домом, Отчизной земной и утрате Отчизны небесной [1, с. 8–9]. Поэтому в дальнейшем, уже С. С. Уваров выдвигает следующие концептуальные положения преобразования российской системы образования: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам поведения и отказа от собственных традиций (языковых, религиозных, политических, культурных, бытовых); необходимость поиска своего пути, с опорой на свое историческое прошлое и особенности государственного устройства, которое соответствует православному и народным устоям; максимально возможное сближение светской и церковной культурных традиций, где заложены основы истинного просвещения народа; образованность общества, как залог развития и продвижения России вперед. При этом основной

упор, считает С. С. Уваров, необходимо делать на воспитание у молодого поколения чувства патриотизма, национальной гордости и преданности власти. Таким образом, краткая и внешне простая формула «Православие, Самодержавие, Народность» выдвигалась в качестве национальной идеи, сплачивающей вокруг себя все слои российского общества [1, с. 9].

Состояние преподавания географии в школах России беспокоило передовых людей страны. Н. В. Гоголь, православный христианин и патриот России (см. работы доктора филологических наук, профессора МГУ им. Ломоносова В. А. Воропаева), некоторое время преподавал географию в Нежинской гимназии. Выдающийся писатель обращал внимание на большую воспитательную роль географии, на ее значение в развитии воображения учащихся, на развитие интереса к учению [3, с. 32]. Подчеркнем, что идеи формирования национального самосознания учащихся того времени во многом опирались на использование исторического и страноведческого подхода в преподавании географии.

В 1830–40-х гг. зародилось движение славянофилов. Их учение носило религиозный характер и определялось тем, насколько христианское мировоззрение и православная церковь способны вывести человечество на путь спасения. В основе учения славянофилов, как и в православном учении, лежит идея соборности – сочетание свободы и духа («единства по благодати») в стремлении к абсолютным ценностям. Исходя из этого, С. П. Шевырев в своей работе «Об отношении семейного воспитания к государственному» полагает, что родителям, воспитателям необходим, прежде всего, направлять «юное существо к христианскому идеалу», т. е. введение ребенка в мир религиозных чувств и

переживаний воспитывает «внутреннего человека», а о «человеке внешнем» позаботится государство, воспитывая гражданина. Следовательно, возрождение патриотизма и формирование национального самосознания совместная задача семьи, школы и государства [1, с. 8–9]. Мы видим, что формирование национального самосознания неразрывно связано с приобщением ребенка к христианским ценностям, с его вхождением в мир русской православной культуры, значимым элементом которой является семья как малая Церковь Христова. Таким образом, основы воспитания национального самосознания закладываются в семье родителями, а его развитие происходит с поддержкой системы образования и государства.

А тем временем в России появляются новые учебники. Один из них рукописный учебник по географии 1857 г. «Политическая география. Западное полушарие. Австралия»¹. Несмотря на то, что в учебнике раскрываются особенности других материков и стран, интересен реализованный в нем культурологический подход. Народы описаны следующим образом: сложение, цвет кожи, структура и цвет волос, вероисповедание, способности, особенности темперамента, менталитета, занятия, происхождение языка. Очевидно, что учебник дает ответы на такие вопросы как: «Кто? Какие? Во что верят? К чему проявляют способности? Чем занимаются?» Изложение живое, язык образный, сопоставление «мы–они», происходит весьма органично, а это одно из методологических условий формирования национального самосознания. Содержание учебника пробуждает уважение к культуре, интерес к традициям и обычаям других народов, в то же время у учащихся появляется возможность глубже

¹ Иогансон. Политическая география. Западное полушарие. Австралия. 1857. 36 с. Рукопись.

осознать свои национальные отличия от других народов мира.

Новый импульс в развитии методики обучения географии приходится на 1850–60-е гг., это время коренных преобразований отечественной школы, когда обостряется проблема обновления содержания и структуры учебной географии в разных типах учебных заведений [11, с. 19]. Особо стоит сказать о родоначальнике методики преподавания географии в России, о человеке, заложившем научные основы реализации идеи формирования национального самосознания, К. Д. Ушинском. Он обосновал особую роль географии как учебного предмета в формировании гражданина своей страны. В своих педагогических трудах и в практической деятельности преподавателя К. Д. Ушинский «подчеркивал большую воспитательную роль географии, обосновывал родиноведческий принцип в обучении, отмечал необходимость тесно увязывать обучение географии с изучением окружающей школьников природы и деятельности человека в ней. Он утверждал, что главное в географии – изучение родного края и своей страны [3, с. 32]. Близкий по своим взглядам к славянофилам К. Д. Ушинский в своих работах «О народности в общественном воспитании», «О необходимости сделать русские школы русскими» обосновывает и претворяет в жизнь идею народности воспитания. По мнению великого педагога, дело народного образования должно находиться в руках самого народа, народных учителей, которым необходимо воплощать принцип народности в школе через изучение истории своей страны, родного языка, географии, русской литературы, природы России. Таким образом, по мнению К. Д. Ушинского, внедрение принципа народности в российские школы «это не просто новшество, это нечто большее, это свод моральных законов,

обычаев, сложившихся традиций, присущих народу, в передаче определенного опыта, норм поведения и требований к воспитанию человека» [1, с. 9–10]. Также К. Д. Ушинский отмечал положительное влияние православной культуры на народные принципы воспитания, на нравственный облик народа, его национальное самосознание. В предисловии к статье «О нравственном элементе в русском воспитании» он отметил, «что влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще» [12].

Первое, наиболее полное и систематизированное описание практики обучения географии в отечественной школе приводит Д. Д. Семенов, ученик К. Д. Ушинского. Он писал, что удовлетворяя «естественное требование детского ума», учебная деятельность призвана обеспечить умственное, волевое, духовно-нравственное развитие ребенка [11, с. 19]. Появляются новые учебники А. А. Брызгалова (1883 г.), Н. И. Раевского (1885 г.), И. Я. Словцова (1896 г.), Э. Ф. Лесгафта (1911 г.), С. Н. Дмитриева (1916 г.), К. М. Курдова (1917 г.), А. Г. Баранова (1918 г.) и других. Показательно, что пять из перечисленных учебников были посвящены изучению географии России, а учебник К. М. Курдова имел название «Отечественное» [7].

Просветительская переоценка социальной роли воспитания была свойственна многим представителям передовой русской общественности 1860-х гг.. Так, Н. И. Пирогов в «Вопросах жизни» основной целью воспитания считал формирование человеческой личности, которая сознательно и целеустремленно развивает свои силы и способности на благо общества и Родины. Он выступал за необходимость построения народной школы на такой основе, которая готовила бы человека с широкими знаниями, нравственными

убеждениями, твердой и свободной волей и мировоззренческой позицией [1, с. 10].

В конце XIX в., опираясь на принцип народности воспитания и образования, и размышляя в своих работах «Сельская школа», «О воспитании» над положением дел в отечественной школе, С. А. Рачинский, Н. И. Ильминский и К. В. Ельницкий приходят к определенному выводу: «чем дальше воспитание уходит от своих изначальных корней, тем больше школа ориентируется на общечеловеческие ценности (не национальные, народные)» [1, с. 10]. В этом уходе в «общечеловеческое» педагоги усматривают некую опасность для формирования русского менталитета и самосознания. Педагоги предлагают идею духовно-нравственного возрождения в рамках церковно-приходской школы. По мысли ученых было необходимо создание сети школ по всей России и национальным окраинам, которые обязательно должны находиться под руководством церкви – единственного источника воспитания нравственности. Только в русле маленькой сельской церковной школы легче сформировать у ребенка исконно русские идеалы, нормы и принципы поведения, которые во многом основываются на православной вере и неотделимы от самого жизненного уклада народа. Исходя из этого, именно церковно-приходская школа в России должна стать основой народного, национального воспитания [1, с. 10].

Стратегической целью обучения географии в общеобразовательной школе конца XIX века стало превращение «существа естественного в существо культурное» в связи с этим обосновывалась необходимость развития у ребенка «здорового и свежего мировоззрения». Достижение этой цели ориентировало процесс обучения на обретение ребенком жизненных идеалов, духовных ценностей,

выработку убеждений, усвоение принципов поведения и деятельности в географической среде. По мнению С. Н. Поздняк: «Для методистов было характерно отношение к предмету география как к источнику и фактору воспитания (духовно-нравственного, умственного, эстетического) и развития (общего, психического) учащихся. Их общая позиция состояла в понимании того, что содержательным ядром и инструментом развития у учащихся мировоззрения выступает географическое мышление» [11, с. 22].

Таким образом, подводя итоги исследования, можно выделить факторы, оказавшие сдерживающее влияние на развитие идей воспитания национального самосознания в период конца XVIII – начала XX вв.:

- низкий уровень развития педагогического знания вообще и методического в частности;
- отсутствие или недостаток программ, учебников, пособий, специализированной подготовки учителя;
- на начальном этапе копирование иностранного педагогического опыта, преувеличение значения всего иностранного вообще и европейского в частности.

К факторам, оказавшим благоприятное влияние на результативность воспитательной системы досоветской России можно отнести:

- расширение территориальных границ России, освоение новых территорий;
- богатейший потенциал русской православной традиции, русской национальной культуры;
- поддержание и сохранение на государственном, общественном, внутрисемейном уровне механизмов трансляции национальных духовных традиций и культурного опыта;
- участие русского народа в Отечественной войне 1812 г.;

- реализация родиноведческого, страноведческого и культурологического подходов в обучении географии.

В заключении отметим, что формирование национального самосознания в русской географической школе конца XVIII – начала XX вв. опиралось на идеи религиозно-нравственного воспитания учащихся, реализацию родиноведческого, страноведческого и культурологического подходов и было неразрывно связано с идеями народной педагоги-

ки, национальными культурными ценностями. Ведущим теоретиком развития идей воспитания национального самосознания средствами предмета географии был К. Д. Ушинский. Географии как учебному предмету отводилась весьма значимая роль, что было определено развитием промышленности, освоением новых территорий. Нравственным императивом описываемого периода было служение Отечеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бирючинская Т. А.** Проблема воспитания гражданственности и патриотизма в трудах отечественных ученых конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2009. – 20 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Собрание сочинений: Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова: Романы; Дядюшкин сон: Повесть / Вступ. Ст. А. Кирпичникова. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 448 с.
3. **Душина И. В., Понурова Г. А.** Как учить школьников географии: Пособие для начинающих учителей и студентов пед. ин-тов и ун-тов по геогр. спец. – М.: Московский лицей, 1996. – 192 с.
4. **Замостьянов А. А.** Граф С. С. Уваров – министр народного просвещения // Народное образование. – М., 2003. – С. 246.
5. **Кондратьева Т. С.** Что такое глобализация? // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 5. – С. 13–16.
6. **Концепция** духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Учебное издание. Серия «Стандарты второго поколения» / под ред. А. Я. Данилюк, А. М. Кондакова, В. А. Тишкова. – М.: Просвещение, 2009. – 24 с.
7. **Курдов К. М.** Отечествоведение. Курс географии России старш. кл. ср. учеб. заведен. Изд-е 5-е испр. – М.: т-во И. Д. Сытина, 1917. – 188 с.
8. **Медведев Н. П.** Политическая регионалистика: учебное пособие. – М.: Альфа-М, 2005. – 447 с.
9. **Нагирная А. В.** Особенности развития глобального информационного общества // География в школе. – 2009. – № 9. – С. 8–13.
10. **Нестерова Т. П.** Духовно-исторические истоки национального самосознания в русской поэзии первой трети XIX века: автореф. дис. ... доктора фил. наук – Москва, 2008 – 24 с.
11. **Поздняк С. Н.** Становление и тенденции развития методики обучения географии как науки в России: автореф. дис. ... доктора пед. наук. – М., 2006. – 43 с.
12. **Ушинский К. Д.** Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М, 1953. – С. 327.
13. **Чанова М. В.** Возможности курса «География России» в реализации метода проектов // География и Экология в школе XXI века. – 2010. – № 7. – С. 37–40.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406)

Belyaeva Mariya Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Geography and Regional Institute of Natural and Socio-Economic Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: chanowa.m@yandex.ru

PROBLEM OF EDUCATION STUDENTS IN NATIONAL IDENTITY WORK OF DOMESTIC SCIENTISTS IN THE END XVIII – EARLY XX CENTURIES

Abstract

This article analyzes the major milestones in the development of ideas of national identity formation of students in the works of Russian scientist's school geography education by means of the XVIII – early XX centuries. Emphasizes that in the context of globalization disrupted reproduction national cultural codes that actualizes the problem of scientific research towards finding ways of creating, strengthening and development of national consciousness of pupils by means of geographical education. Features of formation of national consciousness of the period studied: understanding the contribution of the subject of geography in the process of spiritual and moral education of the younger generation, a close connection with the life of the learning process, family upbringing, Orthodox values – oriented service to the Fatherland, selfless work for the good of the state, the maintenance of national cultural traditions. Leading theoretician of the ideas of national identity means education subject was geography K. D. Ushinsky, who believed that the most important thing in geography – the study of the native land and his country, that teaching must necessarily embody the principle of nationality. The main approaches to solving the identified problem at the period of XVIII–XX centuries. Is the realization of the ideas of ethnic, religious and moral education of students on the basis rodinovedcheskogo, regional geography and cultural studies approaches to teaching geography.

Keywords

globalization, cultural standardization, national identity (identity), geographical education school textbook on geography, the educational potential of school geography factors, dissuasive and stimulating effect on the development of education ideas of national identity during the XVIII – early XX centuries

REFERENCES

1. Biryuchinskaya T. A. *Problem citizenship and patriotism in the works of Russian scientists in the end of XVIII – early XX centuries*: Abst. Cand. Ped. Sc. Diss. Ryazan, 2009. 20 p. (In Russian)
2. Dostoevsky F. M. *Works: Poor people, White Nights; Netochka Nezvanova: Novels; Uncle's Dream*. Moscow: Wiley books Publ., Literature Publ., 2007. 448 p. (In Russian)
3. Dushina I. V., Ponurova G. A. *How to teach students geography: A guide for beginning teachers and students*. Moscow: Moscow Lyceum Publ., 1996. 192 p. (In Russian)
4. Zamostyanov A. A. Count S. S. Uvarov. Minister of Education. *National Education*. Moscow, 2003. p. 246. (In Russian)
5. Kondratieff T. S. What is globalization? *The teaching of history in schools*, 2001, no. 5, pp. 13–16. (In Russian)

6. *The concept of spiritual and moral development and education of a citizen of Russia*. Textbook. (Ed.) A. Y. Danyluk, A. M. Kondakov, V. Tishkov. Moscow: Education Publ., 2009. 24 p. (In Russian)
7. Kurds K. M. *Otechestvovedenie. Senior Russian geography course*. Textbook. Moscow: Tons of I. D. Sytin Publ., 1917. 188 p. (In Russian)
8. Medvedev N. P. *Political regionalism*: Textbook. Moscow: Alpha-M Publ., 2005. 447 p. (In Russian)
9. Nagirnaya A. V. Features of the development of the global information society. *Geography at school*, 2009, no. 9, pp. 8–13. (In Russian)
10. Nesterova T. P. *Spiritual and historical origins of national consciousness in Russian poetry of the first third of the XIX century*. Abst. Dr. Phil. Sc. Diss. Moscow, 2008. 24 p. (In Russian)
11. Pozdniak S. N. *Formation and development trend of teaching methods of geography as a science in Russia*. Abst. Dr. Ped. Sc. Diss. Moscow, 2006. 43 p. (In Russian)
12. Ushinsky K. D. Selected pedagogical works: In 2 vol. Moscow, 1953. Vol. 1, p. 327. (In Russian)
13. Chanova M. V. Opportunities course “Geography of Russia” in the implementation of project-based. *Geography and Ecology in the School of the XXI century*. 2010, no. 7, pp. 37–40. (In Russian)

© Доминик Ливен

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.09)

УДК 94

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ:**ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ****Доминик Ливен (Кембридж, Великобритания)*

В статье рассматриваются международные отношения Наполеоновской эпохи с позиции продолжительности во времени и глобальности последствий. В статье также широко интерпретируется понятие «международные отношения», которое рассматривается не только с позиции дипломатии и межгосударственных отношений, но и с позиции оценки войны и источников власти в исследуемой эпохе. Широта анализа в перспективе имеет явные преимущества. Сравнительный подход может открыть новые проблемы и интерпретации. Он также может оспаривать допущения и обогащать дебаты среди специалистов в любой исторической области. Поскольку большинство исторических источников – письменные (и исторические источники о войне, в частности), кроме того еще и национальные и иногда даже националистические, то глобальные перспективы и международные сопоставления вдвойне полезны.

*В статье автор определяет, какие ключевые проблемы и основные тенденции в подробностях необходимо рассказать и выделить для понимания истории. Как и во всех подходах, здесь в широком осмыслении, есть свои проблемы. Даже лучшие сравнения никогда не смогут заменить подробных местных знаний на основе изучения источников. Глобальный анализ неизбежно таит в себе опасность при написании истории в *longue duree* (когда читающему о прошлом в настоящем навязываются повествования, в которых узаконены современные предположения и идеологии). Важный момент для историка, по мнению автора, быть в курсе этих опасностей.*

Наполеоновские войны историки часто называют эпохой революций. Хотя точные границы отличаются, эта эпоха, как правило, включает в себя французскую и (обычно) американскую революции, с одной стороны, и «первую» промышленную революцию, – с другой стороны. Вместе эти революции важны тем, что в это время были созданы основы современности (другими словами, основы либерального капитализма, либерально-демократической идеологии) и грамотные, урбанизированные, богатые массовые общества, которые принимают их, чтобы создать наиболее благоприятную обстановку.

Эпоха революций, как правило, рассматривается в качестве разделительной линии между ранним Новым временем и Современной эпохой. Вопрос напрашивается сам: «Что произошло в эпоху Наполеоновских революций? Эффектный вираж принятых международных отношений или решающий сдвиг в сторону современности и разрыв с прошлым?»

Основной аргумент в данной работе заключается в том, что пока серьезных изменений не произошло в международных отношениях, и особенно в войне, в целом, элементов преемственности больше, чем перемен.

Дальнейший вывод этой статьи состоит в том, что хотя в долгосрочной перспективе силы, порожденные французской и промышленной революциями были значительны и привели к

уничтожению в Европе старого режима, тем не менее, не стоит недооценивать ни сил, а иногда и интеллекта, с которыми старый режим приводит к столкновению этих сил в Наполеоновской эпохе.

Ключевые слова: Наполеоновская эпоха, французская и промышленная революции, международные отношения, современная эпоха, либерально-демократическая идеология.

* Статья подготовлена по результатам работы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Сибирь и войны XIX–XX веков» (8–10 июня 2014 г.).

Ливен Доминик – доктор наук, член Британской академии наук, профессор Лондонской школы экономики и политических наук, профессор кафедры истории, университет Кембриджа, Кембридж, Великобритания.

E-mail: dl449@cam.ac.uk

Dominic Lieven, PhD, Professor, Faculty of History, University of Cambridge (Senior Research Fellow – Trinity College) and a Fellow of the British Academy, Cambridge, United Kingdom.
E-mail dl449@cam.ac.uk

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE NAPOLEONIC ERA: THE LONG VIEW

Abstract

*This paper will look at international relations in the Napoleonic era from a perspective which is both long in time and global in breadth. It will also interpret the words ‘international relations’ rather freely, investigating not just diplomacy and inter-state relations but also warfare and the sources of power in this era. Such broad perspectives have clear advantages. Comparative approaches can open up new issues and interpretations. They can also challenge the assumptions and enrich the debates among specialists in any historical field. Since most history-writing – and the history of war in particular – is still national and sometimes even nationalist, global perspectives and international comparisons are doubly useful. Attempting to determine what were the key issues and fundamental trends within a mass of detail is essential to the telling and understanding of history. Like all approaches, however, the broad sweep has its problems. Even the best comparisons can never replace detailed local knowledge based on mastery of the sources. Global perspectives can be little more than vapid bows to contemporary fashion. They can also feed into an inevitable danger when writing history in the *longue duree*, which is to read the present back into the past and to impose master narratives which legitimize contemporary assumptions and ideologies. The great point, in my opinion, is for the historian to be aware and explicit about these dangers.*

The Napoleonic wars occurred in the middle of what historians often call the era of revolutions¹ [1]. Though precise boundaries differ, this era is generally taken to include the French and (usually) American revolutions on the one hand, and the ‘First’ Industrial Revolution on the other. Together these revolutions are seen to have created the foundations of modernity: in other words liberal capitalism, liberal-democratic ideology and the literate, urbanized, wealthy mass societies which are taken to be its most favorable setting. To put things crudely, the era of revolutions has generally been seen as the dividing-line between the early modern and modern ages. The question therefore more or less asks itself whether the spectacular turn taken by international relations – and in particular by warfare – in the age of Napoleon represents itself a decisive shift towards modernity and break with the past. A basic argument in this paper is that while major changes did occur in international relations and especially in warfare, on the whole the elements of continuity were greater than those of change. A further conclusion of this chapter is that although in the long term the forces unleashed by the French and Industrial revolutions were of immense power and destroyed Europe’s old regime, one should nevertheless not underestimate either the strength or sometimes the intelligence with which the old regime confronted these forces in the Napoleonic era² [2–5].

¹ For a discussion of the term and an attempt to apply it in the global context see: David Armitage and Sanjay Subrahmanyam (eds), *The Age of Revolutions in Global Context, c.1760-1840* (Houndmills, 2010).

² On the general issue of the arrival of modernity see Christopher Bayly, *The Birth of the Modern World 1780-1914* (Oxford, 2004). On international relations see Paul W. Schroeder, *The Transformation of European Politics*

Keywords

Napoleonic era, French and Industrial revolutions, international relations, modern ages, liberal-democratic ideology.

The lack of fundamental change is most obvious when one addresses the impact of economic change – in other words the Industrial Revolution – on war and international relations in this era. It is by now a long time since any serious historian has interpreted the French Revolution as the political counterpart of the triumph of the capitalist bourgeoisie in the economic sphere. Economic historians are in any case often now inclined to play down the word ‘revolution’ as regards turn-of-the-century Britain’s economy. They emphasise instead the longer-term development of British trade and consumption, and stress that the really revolutionary shifts in power-generation, communications and industry came in the first half of the nineteenth century³ [6]. Clearly this was true as regards those sectors of industry most closely related to warfare. The basic point about war in the Napoleonic era was that it was pre-industrial and in that sense pre-modern. The Industrial Revolution’s impact on weapons, communications and logistics lay just over the horizon. The horse was still the key to reconnaissance and transport during military campaigns, to moving the guns on the battlefield, and to the cavalry’s pursuit and destruction of a defeated foe⁴ [7–8]. Weapons and equipment had not changed fundamentally in the century before Waterloo. This en-

sured that close-order infantry and cavalry formations remained the key to delivering the shock and the firepower which alone could win battles. Light infantry were growing in importance but the emphasis put on them by some historians can itself reflect ideological assumptions. Far too often the light infantryman is assumed to be the citizen-in-arms. His politically inspired initiative and individualism is juxtaposed to the dumb servility which supposedly kept unwilling conscripts or mercenaries in the closely packed ranks of monarchy’s armies. This is a very dubious description of the hard-bitten light infantry veterans who were the pick of Wellington’s army, let alone of their Russian jaeger equivalents, whose best regiments had honed their skills as light infantrymen during years of campaigning against those masters of the raid and the ambush, the Ottomans⁵ [9].

The debate over the citizen-jaeger belongs to the wider question of the French Revolution’s impact on international relations in the period 1792–1815. Clearly, in the early years of the Revolutionary wars ideology mattered on both sides. Support for the French counter-revolution was, for example, an important element in British strategy. But geopolitics and state interest always took precedence. Britain went to war to keep the French out of the Low Countries, not to destroy

1763–1848 (Oxford, 1994). On warfare see: Roger Chickering and Stig Forster, eds., *War in an Age of Revolution, 1775–1815* (Cambridge, 2010). For an interesting opposite view which stresses the revolutionary nature of Napoleonic-era warfare see: David A. Bell, *The First Total War. Napoleon’s Europe and the Birth of Modern Warfare* (London, 2007).

³ A recent useful survey of the Industrial Revolution is Robert C. Allen, *The British Industrial Revolution in Global Perspective* (Cambridge, 2009).

⁴ Dominic Lieven, *Russia against Napoleon. The Struggle for Europe 1807–1814* (London, 2009), 7–8. Louis Di-Marco, *War Horse: A History of the Military Horse and Rider* (Yardley, 2008).

⁵ Lieven, *Russia against Napoleon*, 114–7. Mark Urban, *Rifles* (London, 2003).

the revolution. Catherine II proclaimed her adherence to the counter-revolutionary cause but defined Russia's role in this crusade as the extinction of Polish nationhood. Prussia made peace with the French republic to secure its share of Poland. Napoleon's murder of the Duc d'Enghien in 1804 caused outrage in many European courts but hard-headed *raison d'état* won out on this occasion too. The rulers of Europe's great powers could not afford to be sentimentalists, at least as regards politics. Even in 1814 none of the continental powers were enthusiastic about restoring the Bourbons. If Alexander I in his heart was committed to toppling Napoleon, this had nothing to do with legitimist sympathies. The tsar simply believed that Napoleon would never for long accept a settlement which would secure allied interests and Europe's peace. Of all the allied leaders, however, Alexander was least enthusiastic about restoring Louis XVIII, above all because he did not believe that the Bourbons would be sufficiently flexible and liberal to survive in power. His preferred option would have been the Duc d'Orleans or Bernadotte as king, or even a conservative republic⁶ [10].

As regards the nature of the war that began in 1792 and lasted with only brief intermissions until 1815, it was to some extent influenced by revolutionary ideology, especially in 1792-4. The thousands of French volunteers who flocked to the colours in the war's early months were unlike

the soldiers of any other European army. This was true in both positive and negative terms: on the one hand enthusiastic commitment to a cause, on the other a lack of basic military skills. By the time one reaches the Napoleonic era, however, the French army in most respects resembled its opponents. Its officers' code of honour and behaviour, not to mention their professional training and 'doctrine', on the whole followed common European norms. Its men were mostly veterans or recruits drawn from the lower orders in a conscription system that generally allowed the well-to-do to avoid service and buy substitutes. Their primary loyalty was to their units and monarch, not to any political cause. Many of them were not ethnic Frenchmen. It is true that discipline in the French army was more relaxed, egalitarian and humane than in the armies which they fought. It is a liberal illusion, however, to imagine that this necessarily made the French army more effective in war. The fierce discipline of the Russian army sustained it under the enormous pressures of the long retreat from the border to Moscow, despite the huge losses suffered at Borodino. On the contrary, the lack of discipline and the marauding tradition inherited from the French revolutionary army contributed mightily to the disintegration of Napoleon's forces on the retreat from Moscow⁷ [11-16].

Of the four main allied armies which finally defeated Napoleon, it was the Prussian which was

⁶ Apart from Schroeder and Lieven, see: Thierry Lentz, *Nouvel Histoire du Premier Empire. III. La France et l'Europe de Napoleon 1804-1814* (Paris, 2007) and Thierry Lentz (ed), *Napoleon et l'Europe* (Paris, 2005).

⁷ Above all see, Ute Planert, 'Innovation or Evolution? The French wars in Military History', ch.3, 69-84 in Chickering and Forster, *War*. On the geopolitical and ideological origins of the wars see: T.C.W. Blanning, *The Origins of the French Revolutionary Wars* (London, 1986). For opposed

views on warfare in the 1790s see Paddy Griffith, *The Art of War of Revolutionary France 1789-1802* (London, 1998) and John A. Lynn, *The Bayonets of the Republic* (Boulder, 1994). Also T.C. W. Blanning, *The French Revolutionary Wars 1787-1802* (London, 1996). For a balanced view of the evolution of the officer corps see ch.6 of Rafe Blaufarb, *The French Army 1750-1820* (Manchester, 2002).

most radically reformed and furthest from the old regime model by 1815. Military historians have concentrated their attention on the reformed Prussian army because it is rightly seen as the most modern of the allied forces. In particular, the introduction of universal military service and the creation of a remarkable General Staff system and cadre are seen as staking out a path which all European armies were subsequently to follow. The Prussian military effort in 1813-15 was indeed impressive, as was the thoroughgoing mobilisation of Prussia's meagre resources which sustained it and which allowed a relatively small state to regain its place among the great powers. One needs to remember, however, that in the Seven Years War (1756-63) the Prussian war effort and the mobilisation of resources had also been remarkable. A country of five million people had put 5% of its population in arms, had suffered over 160,000 losses, and by stupendous efforts had survived the attack of the three other continental powers, each of which far outmatched Prussia in population, wealth and resources. The contrast is sometimes made between 'total' Napoleonic war and the indecisive and limited nature of eighteenth-century campaigning. In fact there was nothing indecisive or cautious in Frederick II's way of war. Nor was its result of limited significance. Prussia's emergence and survival as a great power between 1740 and 1763 was miraculous and of immense long-term significance. The sense of Prussian identity and pride which sustained the country's resurgence in 1807-15 was partly rooted in memory of the earlier struggle⁸ [17-19].

Despite its impressive efforts in 1813-15, however, Prussia remained the junior and least

powerful member of the allied quartet. On land, the main key to victory was the Russian army, which at all times much outnumbered the Prussian forces and was indeed largely responsible for Prussia's liberation from French occupation. The Russian army had undergone significant professional and technical reforms between 1807 and 1812 which often derived from French models and made it more effective. But the main elements of the army, let alone of Russia's state and society, remained unchanged. William Fuller was the first Western historian to note not merely that the Russian army was still unequivocally 'old regime' but that this was one of its great strengths⁹ [20]. The resilience, high morale and extraordinary powers of resistance of this army owed much to the fact that it was made up of lifelong veteran soldiers who displayed immense loyalty to their regimental home, which itself was a microcosm of the Orthodox fatherland. Given the size of Russia's population a long-service professional army could nevertheless be of sufficient size to make a big impact on the Napoleonic battlefield. Faced with dire emergency in 1812-13 the Russian old regime was also sufficiently legitimate and effective to mobilise the empire's resources for war on an unprecedented scale. Russian grand strategy was intelligently conceived and pursued, with Alexander I exercising effective personal leadership.

It was no coincidence that the most impressive and influential military thinker of the Napoleonic era came from the ranks of the Prussian general staff. Nor is it surprising that a Prussian officer was inclined to see the transformation of war in his era in more radical terms than was the case with his Russian or Austrian counterparts. Part of Clausewitz's attraction for students of war

⁸ On Prussia's Seven Years see Franz Szabo, *The Seven Years War in Europe 1756-1763* (Harlow, 2008) which stresses Prussian ruthlessness and Dennis E. Showalter, *The Wars of Frederick the Great* (Harlow, 1996) which emphasises Prussian

skill and commitment. For a broader political perspective see Christopher Clark, *Iron Kingdom. The Rise and Downfall of Prussia, 1600-1947* (London, 2006).

⁹ William C. Fuller, *Strategy and Power*.

is precisely the timelessness of his insights. He rose well beyond the confines of his own era, showing great insight into the enormous future potential of the forces unleashed by the Revolution and harnessed by Napoleon. To an extent, Clausewitz spotted the chicken in the egg. In some respects that makes his more conceptual passages better as prophecy than as a comment on the actual campaigns of his day. For those seeking to understand the everyday realities of Napoleonic-era warfare, Antoine de Jomini can sometimes be a better guide. This is not to deny the near-cataclysmic level of the violence which submerged Europe in 1792-1815 and which so impressed Clausewitz. Between 1763 and 1792 there had been no significant warfare in the European heartland. For the next twenty-three years fighting barely ceased, moreover in terms of raw numbers warfare had moved to a new scale. The French mass mobilization of 1792-4 began this trend and the *Loi Jourdain* of 1798 confirmed it. France's enemies were forced to mobilize their manpower to match French numbers. Vast armies made huge casualties from battle, sickness and desertion both inevitable and more tolerable for generals than in the eighteenth century. This had an impact on the tempo with which warfare was conducted. Huge numbers also made inevitable the reorganization of armies into semi-autonomous all-arms corps and divisions. Without this the tactical coordination, movement and strategic direction of the era's huge military machines would have been impossible¹⁰ [21-23].

Nevertheless, it is to the point that Napoleon was ultimately defeated by what one might describe as the European old regime. There were of course many reasons for his downfall. His style of

warfare was best suited to the rich, densely populated lands of western and central Europe where his troops could feed off the land and find many roads down which to march. Napoleon was also more likely to find supporters for the 'enlightened' and 'rational' principles which his empire claimed to embody in Europe's heartland. In both military and political terms he had much greater difficulty in applying his principles of war and governance in Europe's more backward periphery¹¹. The enmity of Britain, perched beyond his reach across the Channel and able to use its financial power to subsidise France's continental enemies was another major impediment to Napoleon's ambitions.

But the key to Napoleon's destruction in 1813-14 was different and simple. For the first time in the Revolutionary and Napoleonic wars the Romanovs, Habsburgs and Hohenzollerns united against him. As important, the Russian army was already deployed in the theatre of operations when the key campaign of autumn 1813 began. The contrast between 1805 and 1806 when its allies' main armies had already been wholly or partly destroyed before Russia's forces arrived in the field was very important. If at any time between 1792 and 1809 the three eastern great powers had made a similar united effort it is likely that the Napoleonic adventure would have been ended years earlier than was actually the case. Above all, they failed to do because of mutual suspicions. These suspicions had far from disappeared in 1813 but the three dynasties had by then learned the lesson that Napoleon's France was a deadly threat to their status as independent great powers, and perhaps to their survival.

Even so, it took the destruction of Napoleon's army in Russia to provide a breathing space

¹⁰ Carl von Clausewitz, *On War* (Princeton, 1976): edition translated and edited by Michael Howard and Peter Paret. Baron Antoine de Jomini, *The Art of War* (London, 1992), a re-print of the 1862 translation with a new introduction by Charles

Messenger. Antoine Jomini, *Precis Politique et Militaire des Campagnes de 1812 a 1814* (Geneve, 1975).

¹¹ MIKE BROERS: both his general book and his book on counter-insurgency

during which Russian armies could advance into central Europe before the beginning of the decisive campaigns which would decide Europe's fate. Without this it would have been impossible to create an effective coalition of the eastern powers, given the extent to which Prussia and Austria had been weakened by 1813. Even after the Russian advance into Central Europe there was nothing fore-ordained about Napoleon's destruction. The campaigns of 1813 could easily have gone in his favour. It took courage and insight for Alexander to seize the moment of French weakness to end the intolerable threat to Russian security represented by Napoleon's domination of Germany. The Russian commitment to the war was far greater in 1812-14 than had been the case in 1805-7, let alone in 1798-1800. In 1813-14 500,000 Russian troops were deployed beyond the empire's borders, an astonishing achievement but also a necessary one if a European coalition was to be created and the still-formidable power of Napoleon's empire was to be broken¹².

To describe the victorious coalition which overthrew Napoleon as the European old regime is both largely true and potentially misleading. 'Old regime' is a vague term which glosses over many differences between the societies and political systems of eighteenth-century Europe's great powers. As a term, 'old regime' is a useful way of underlining that these political systems preceded and were untouched by the great political and economic revolutions which ushered in the modern era. It correctly also stresses that there were both structural and cultural commonalities which united the ruling elites of Europe and set them apart both from the bulk of their own peoples and from ruling elites in the Ottoman Empire or China.

There was to some extent a common aristocratic military culture which reigned across Europe but there was also a world of difference between the mentality, not to mention competence, of Versailles military courtiers such as Soubise and Richelieu who led French armies to disaster in the Seven Years War and, to take but one Prussian example, Friedrich von Seydlitz, Frederick's cavalry commander in the same struggle. Also notable was the highly professional and ruthlessly single-minded leadership which took Russian armies to crushing victories over the Ottomans under the command of Petr Rumiantsev and Aleksandr Suvorov. To describe the carnage of the Russo-Ottoman wars of the second half of the eighteenth century as 'the sport of kings' is absurd. Nor was there any trace of a polite minuet in the aggression, speed and tactical innovation employed by the Russian commanders to achieve total destruction of their foe in these wars. In many ways the key difference to subsequent French efforts in 1792-1815 was that the Russians successfully pursued clearly defined and achievable geopolitical objectives, in this sense making war serve politics in a way preached by Clausewitz but not always practiced by Revolutionary and Napoleonic France¹³ [24-26].

France before 1789 was the core of the European old regime. French culture and the Parisian salons led Europe. Versailles provided a model for all Europe's rulers. Precisely because it was the precursor and model for all subsequent absolutist regimes, by the late eighteenth century the French military-fiscal state was in certain respects out of date and had acquired many barnacles. It had to some extent been overtaken by the great

¹² These are all key themes in Lieven, *Russia against Napoleon*.

¹³ On Frederick and the Prussian way of war see Dennis Showalter, *Frederick the Great. A Military History* (London, 2012). On Rumiantsev, Suvorov

and Russian warfare against the Ottomans see a useful survey by Christopher Duffy: *Russia's Military Way to the West* (London, 1981). NB the contrast with Lee Kennett, *The French Armies in the Seven Years War* (Durham/NC, 1967).

powers to its east as regards the efficient mobilization of resources for war¹⁴ [27]. Neither Prussia nor Russia, for example, had venal offices. The maze of privileges, customs and exemptions which shackled the mobilization of conscripts and taxes in France was much less in evidence in the rawer societies and newer, more rational and more ruthless military-fiscal systems in the east. One key to the revolutionary and Napoleonic eras is simply that 1789 broke the shackles which had previously inhibited the French state from mobilizing the resources of what was still potentially much the richest and most powerful country in Europe. What the Revolution began, Napoleon completed. For the first time the French state, in the persons of his Gendarmerie, penetrated down to the village level. Napoleonic conscription imposed a much heavier burden on the population than before 1789. This goes far to explain the great upsurge in French power in 1792-1814. It explains why Restoration governments in areas previously ruled by Napoleon admired and preserved the Bonapartist state apparatus. But it is also the reason why after 1814 much of French public opinion welcomed the Bourbons' promise of genuine constitutional and political constraints on the state's power, not to mention the dismantling of Napoleon's system of conscription¹⁵ [28-30].

No one doubts that in both military and administrative terms the French state was much more formidable under Napoleon than in the time

of the last Bourbons. Whether its grand strategy was wiser or more coherent is a different matter. The basic premise of late-Bourbon grand strategy was that France must abandon any dreams of territorial expansion on the European continent and must concentrate its resources on maritime, commercial and colonial competition with Britain. A key pillar of this strategy was to end the centuries-old struggle between the Bourbons and Habsburgs which lay at the root of so many continental entanglements. This was the logic of the Franco-Austrian alliance whose great symbol was the marriage of the Archduchess Marie Antoinette to the future Louis XVI¹⁶ [31-32].

The alliance got off to a bad start by dragging Paris into the Seven Years War on the continent as part of Austria's drive to destroy Prussia and regain Silesia. This was not in France's interests and distracted her from the far more important goal of defending her position outside Europe and on the seas against British power. Had the French army shown reasonable competence it might even so have occupied Hanover and used it as a bargaining chip to regain overseas colonies at the post-war peace conference. Instead France was humiliated both on the continent and on the seas, a disaster from which the already slim popularity of the Austrian alliance never recovered. In fact, however, after 1763 French grand strategy worked well. Resources were increasingly concentrated on the navy which held its own in the war of 1777-83, in the process making a mighty

¹⁴ On the shift in power eastwards see above all Hamish Scott, *The Emergence of the Eastern Powers, 1756-1775* (Cambridge, 2001).

¹⁵ Two works edited by Richard Bonney provide a comparative background to the evolution of the military-fiscal state: *Economic Systems and State Finance* (Oxford, 1995) and *The Rise of the Fiscal State in Europe c 1200-1815* (Oxford, 1999). For a discussion of the political underpinning of military-fiscalism see B.H. Downing, *The Military*

Revolution and Political Change. Origins of Autocracy and Democracy in Early Modern Europe (Princeton, 1992). JANET.

¹⁶ On the evolution of French grand strategy see: Jeremy Black, *From Louis XIV to Napoleon. The Fate of a Great Power* (London, 1999) and Colin Jones, *The Great Nation. France from Louis XV to Napoleon. 1715-1799* (London, 2002).

contribution to American independence and thereby dealing what seemed at the time a major blow to British power. In the 1780s French naval expansion continued and Franco-Spanish naval power equaled that of Britain. With the Netherlands also a French ally during and immediately after the war, British maritime security was under more threat than at any time until the 1930s. Meanwhile France's colonial empire and maritime trade boomed, Saint Domingue (Haiti) being the richest colony of any European state. In the 1780s France's merchant marine was not far behind Britain's in tonnage. In Europe the Austrian alliance continued to underpin French security and continental peace but Paris was careful to give Vienna no backing for its plans to change the status quo in Germany by acquiring Bavaria and confronting Prussia¹⁷ [33–34].

The Revolution undermined this strategy partly because it greatly weakened the navy. It also sparked off revolt in Saint Domingue, which ultimately led to the colony's loss. During the twenty-two years of war between 1792 and 1814 French overseas trade was crippled. The previously booming port of Bordeaux atrophied. Napoleon's hopes to re-build empire and influence overseas crumbled in the face of British naval superiority. First his whole army was lost in Egypt as a result of Nelson's destruction of the French squadron at Aboukir in 1798. The Mediterranean once again became a British lake. Meanwhile British domination of the Atlantic stymied Napoleon's hopes of re-asserting control over Saint Domingue (Haiti) and re-building a French empire in the western hemisphere. Unable to defend the vast Louisiana territory against the British,

Napoleon sold it to the Americans. One key reason for the failure of the entire Napoleonic project was indeed that British sea power locked French imperialism into Europe where the costs of imperial expansion and the obstacles which stood in its way were usually much greater than overseas, and the rewards usually much more meagre¹⁸ [35].

This was not immediately apparent in the era of the Revolutionary and Napoleonic wars. At the very time when the French navy was defeated in battle and its remnants pinned into its harbours, the French army went from victory to victory on the European continent, in the process creating a formal and informal empire which at its apogee stretched as far as Poland and Illyria, and included all Germany, Italy and the Low Countries. The initial lurch towards war in 1792 owed much to domestic French politics with both the Brissotins and the court seeing – diametrically opposite – advantage in international conflict. Once foreign invasion and domestic counter-revolution were defeated expansion to some extent became an end in itself, driven by the army's hunger for sustenance, loot and glory. The incoherence and lack of planning behind French imperialism in this era was an undoubted weakness.

The achievement of the French army in conquering most of Europe by 1809 was spectacular but it was always likely – though not certain – to be ephemeral. Military conquest is only the first stage in the creation of empire. Next and harder comes the task of political consolidation. Lasting imperial institutions and networks have to put down roots and the empire needs to develop a sense of legitimacy among its subjects. Britain itself provided a recent example of how rapidly the acquisition of an empire could turn to dust. After

¹⁷ On European naval competition see Richard Harding, *Seapower and Naval Warfare 1650-1830* (London, 1999). On the French navy see: Michel Verge-Franceschi, *La Marine Francaise au XVIIIe Siecle* (Paris, 1996).

¹⁸ On the navy during the Revolution see: William S. Cormack, *Revolution and Political Conflict in the French Navy 1789-1794* (Cambridge, 1994).

driving the French out of most of North America in the Seven Years War British efforts to develop a tighter model of military-fiscal empire alienated its own American colonists and led to the disaster of 1776-83¹⁹. In Napoleon's case he never worked out even in his own head a coherent imperial plan for his conquered territories²⁰ [36]. In the short run his army's depredations and demands angered his subjects and allies. In the longer term the fact that his empire was unequivocally dominated by Frenchmen and designed to serve French interests was always likely to alienate non-French subjects and clients. History was against a would-be continental emperor. It was almost a millennium since the death of Charlemagne, the last man who could make a realistic claim to have united Europe. Europe was not yet a continent of nations in the full modern sense but many states and dynasties had evolved with deep roots in local history, society and vernacular high cultures. Uprooting these local institutions, elites and loyalties would be a mighty challenge²¹.

Above all geopolitics made it far easier for Europeans to create empires outside Europe than within it. That is why Europe's greatest empire-builders tended to be countries on the continent's periphery with easy access to the non-European world. The Spaniards, Portuguese, Dutch, English and Russians all fell into this category. Outside its own continent the European political, fiscal and military machine was often superior to local powers, though frequently this superiority was frequently less a question of better military technology than of deeper pockets and a greater degree

of unity at the European state's core. Naval superiority allowed military forces to be deployed widely and rapidly, and the profits of maritime trade to be creamed off. Europeans could move into the vacuum opened up by the decline of some of the great Asian empires – above all the Moghuls and Safavids – and could exploit local rivalries and conflicts over dynastic succession. Their advance was helped by the fact that most of the states that emerged from the wreckage of the great Asian empires were of limited scale and did not have deep roots in the communities they ruled. Meanwhile on the European continent a would-be emperor faced the challenge of the European balance of power. A number of formidable polities existed whose military-fiscal institutions had been honed as a result of generations of ferocious competition with rivals in which the weak were swallowed or marginalized. Given time, these polities were likely to unite against any power which threatened to dominate the continent. For Napoleon to conquer Germany and Italy, exclude Russian influence from central Europe, and turn Prussia and Austria into French satellites by 1810 was an extraordinary achievement²² [37].

It was, however, at this point that any would-be European emperor would meet his biggest challenge in the form of the two great power-centres on Europe's periphery, namely Britain and Russia. Mobilizing sufficient resources in Europe's core to take on these two power-centres simultaneously was very difficult. Matters were worsened because different forms of power were needed to meet this challenge: naval might against Britain, as distinct from a military-logistical

¹⁹ BRENDAN SIMMS *Three Victories etc?*

²⁰ Geoffrey Ellis, 'The Nature of Napoleonic Imperialism', in Philip Dwyer (ed), *Napoleon and Europe* (Harlow, 2001), 97-135 (NB the comment on page 124).

²¹ The most detailed and balanced account of Napoleon's imperial project is Thierry Lentz's four-volume *Nouvel Histoire du Premier Empire*.

²² On the decline of key Asian empires see chapters 8 and 9 (by Robert Travers and Peter Carey) in Armitage and Subrahmanyam (eds), *Age of Revolutions*.

strength sufficient to penetrate and control the heartland of the Russian state east and south of Moscow. The Russians and British were always likely in time to unite against any would-be European emperor since his power must threaten their security and ambitions. Even if he was willing to accept a precarious balance of power between his European empire and their peripheral ones, neither the Russians nor the British were likely to accept such a status quo for long. For Alexander I the price of peace with Napoleon's empire between 1807 and 1812 included adherence to a continental blockade of British trade which infuriated Russian elites and threatened the economic, financial and fiscal foundations of Russia's position as a great power. Even without the Continental System Russia must in the medium term bankrupt itself if forced to sustain armed forces sufficient to defend the empire against a France which controlled Germany, Italy and Poland. Meanwhile for Napoleon there was a logic in seeking to destroy the last independent continental power before his own faculties and aura were dimmed or his German clients began to stir. To remove Russia from the equation was to destroy London's last hope of a continental ally and maybe bring her to the negotiating table. In more general terms, unless Napoleon could create some version of European empire then France would have lost its century-old struggle with Britain, which at this very moment was consolidating a vastly extensive and wealthy empire outside Europe.

Napoleon's invasion of Russia in 1812 was not doomed to inevitable disaster. Its main premise was that if the Russian field armies could be destroyed then Alexander would be forced to sue for peace since he could never hope to build a new professional army from scratch in war-time. This was probably correct. A further assumption was that if Napoleon offered moderate peace terms then the Russian elites would be unwilling to fight

to the death to regain their empire's Polish provinces. This view also had merit. Napoleon's plans were thwarted by bad luck, by Alexander's strategy of retreat but above all by the moral courage and determination with which Barclay de Tolly pursued this strategy and the skill, discipline and endurance with which the Russian army executed it. Victory backed by moderate peace terms would have enabled Napoleon to re-create a formidable and loyal Polish client-state, and to compensate his Saxon ally by further dismembering Prussia, thus removing any threat from the Hohenzollerns forever. Particularly if rewarded by part of Illyria, Austria could have become reconciled to its position as France's loyal lieutenant, as it was later to accept dependence on Berlin. Then as later its geopolitical ambitions could have been nudged towards the Balkans and against Russia. On this basis French domination of east-central Europe could have been consolidated for a generation at least. Meanwhile French rule might perhaps put down roots west of the Rhine and through the satellite kingdom of Italy in part of the peninsula. No doubt this construction would have fallen apart in time but the Europe which would have emerged from its ruins would probably have looked very different to the continent of 1815 and this might have changed radically Europe's fate in the twentieth century.

Alexander I was right to take the Russian army into central Europe in 1813 to destroy French control over Germany. He was almost certainly right to lead his soldiers on to Paris, correctly believing that peace and stability in Europe would never be secure so long as Napoleon sat on the French throne. But Mikhail Kutuzov (among others) was also correct in warning that the main beneficiary of Napoleon's demise would be Britain. With its historic rival cut down to size, British domination of the seas and of transoceanic empire was unchallenged. The Franco-Spanish-Dutch naval alliance which seemed so dangerous in 1783

had been shattered. The Royal Navy ruled supreme with the world's most formidable ship-building industry, financial system and commercial network to support it. Among the spoils which it had acquired in the course of the wars were key naval bases such as Malta, the Cape and Ceylon. Singapore and Hong Kong were soon to follow. The British had exploited the demise of Asian empires to extend their power. On the whole the decline of these empires was owed far more to local factors than to the Revolutionary and Napoleonic wars. This was not true of the other region into which British power moved massively in this era, namely Latin America, where the Spanish empire imploded as a result of Napoleon's invasion of the Iberian peninsula. A half-hearted attempt at military conquest (at Buenos Aires in 1806) ended ingloriously. In any case Britain's own experience with its North American colonists taught the dangers of attempting to stand in the way of 'white' colonies in revolt. But the informal economic predominance which Britain quickly established across much of Latin America often brought most of empire's benefits without its attendant costs.

The greatest British territorial advance between 1792 and 1815 was in India. Comparisons with French imperialism in Europe are enlightening. Under Richard Wellesley in particular, the British pursued a coherent and planned policy of expansion, partly justified by spurious claims that this was needed to keep the French threat at bay. Napoleon's claims that he was conquering Europe in order to compete with Britain were also largely spurious but somewhat more plausible. British expansion, like French, was partly fuelled by the need of a formidable but expensive army to shift the burden of supporting it on to foreign taxpayers.

British plunder of India fully matched the marauding habits of French troops in Europe. In both cases too, the economies of conquered regions were subordinated to the interests of France and Britain, with dire results for many Indian manufacturers and European merchants. Very different, however, was the historical and geopolitical context of French and British imperialism. Napoleon was forced to seek historical legitimacy by invoking memories of Roman and Carolingian empire. The British moved into the slipstream of the Mughals, for generations maintaining even a semi-fiction that they were ruling some regions in the latter's name. Unlike in Europe, geopolitics ensured that the British had no viable competitors in the sub-continent. The British created a European-style infantry and artillery army on the back of the Indian taxpayer. No Asian cavalry army invading India over the north-west frontier could hope to defeat this force. But geography and logistics ensured that no rival European-style army could reach India by land. Meanwhile the British navy controlled access by sea. By 1815 the revenues of British India were greater than those of Austria or Russia. The locally-funded Indian army became a major factor in extending British power across Asia and into even the Middle East. Indian bases and resources were the springboard for subsequent British intervention in China²³ [38].

Full understanding both of the issues involved and of the consequences of the Revolutionary and Napoleonic wars requires this grasp of their global context. Apart from anything else, it avoids a distorted view of the era which paints Napoleon as a wicked imperialist and his British enemies as defenders of the principles of freedom. The reality of the wars of 1792 and 1815 was that

²³ On the evolution of the British fiscal-military state in India see the chapters by H.V. Bowen and Rajat Kanta Ray in P.J. Marshall (ed), *The Oxford History of the British Empire. The Eighteenth Century* (Oxford, 1998). For comparative European statistics see Lieven, *Russia against Napoleon*, 33.

they were struggles between rival predatory imperialists, of which the French, British and Russians merely had the sharpest teeth and largest stomachs. A key result of the wars was to usher in a century-long period of British global imperial predominance. The British Empire was for the most part outside Europe but its fate and Europe's were closely entwined after 1815 as much as in the wars of 1792-1815. The basic point was simple. A small island off the coast of Europe could not hold a huge overseas empire unless the security of its metropole could be achieved on the cheap. This was the glory of the European balance of power in British eyes. The mutual fears and ambitions of the European powers checked each other, in the process guaranteeing that none of them could mobilize the continent's resources against the British heartland or its maritime and commercial supremacy. Victorian Britain paid a price in blood and tax for global empire which was extremely small by historical standards²⁴ [39].

This brings one back to consideration of Europe, and in particular to the post-war settlement agreed at the Congress of Vienna²⁵ [40]. This raises in different form the more general question posed in this piece, namely whether the Age of Revolutions marked a radical shift in international relations. In my opinion, once again, though the changes were significant they were not as radical as is sometimes claimed. It is true that the Congress of Vienna elaborated some important new rules and norms for international relations. The European Concert of Great Powers which the Congress formalized and recognized played a key role in international relations for the next century. Something which one can define as a European system emerged which added up to more than just

a temporary balance of power between Europe's rival states. But some of the solidarity which underlay great-power relations after 1815 was transient, born of exhaustion, bankruptcy and fear that renewed war would bring further revolutions. To an extent the continental leaders in the generation after 1815 were bound together by what one might describe as an anti-democratic peace theory. By no means wrongly, particularly as regards France, they saw revolution and democracy as the inevitable precursor of expansionist foreign policy and international anarchy. But the British never subscribed to this doctrine, partly out of liberal principle and partly because keeping the continental powers divided maximized British influence and security. After the revolution of 1830 France too dropped out of the conservative league. The suppression of the 1848 revolution was the last hurrah of the Holy Alliance, the split between Russia and Austria in the Crimean War its nemesis. Bismarck then took Europe into a new era by showing how the European Old Regime could increase its power, enhance its legitimacy and extend its life by harnessing to its chariot some of the forces released in the Age of Revolutions. But even Bismarck did not change the fundamental nature of European international relations which was rooted in the existence of five competing great powers in a single continent whose security and status ultimately depended on their ability and willingness to defend their interests by military force.

Of course to say this is to set the bar for 'radical change' very high. The era of revolutions could not be expected to abolish European geography or the very nature of international relations, unless of course Napoleon had actually succeeded

²⁴ This is a key theme in John Darwin, *The Empire Project The Rise and Fall of the British World-System 1830-1970* (Cambridge, 2009).

²⁵ For a comprehensive and valuable new insight into the Congress and its achievements see: Mark Jar-

rett, *The Congress of Vienna and its Legacy* (London, 2013). Paul Schroeder in *Transformation* argues that the Congress represented a fundamental break with the past.

in consolidating his empire's dominion across the continent. In many ways, however, his efforts in this direction seem much less the wave of the future than the last heroic and spectacular effort by France to play the role of La Grande Nation. On the other hand, many of the underlying elements in European geopolitics and international relations revealed in the Napoleonic era re-surfaced in the twentieth century. Germany's efforts to create its empire in Europe also collided with the European balance of power and with the challenge of overcoming the two great British and Russian centers of power which existed on the continent's periphery. Britain's concern to sustain a European balance of power dragged her into two world wars in the twentieth century. The costs of this commitment did much to destroy the global empire which Britain had built in the seventeenth and eighteenth centuries and had consolidated in the Revolutionary and Napoleonic era.

Seen from a British perspective the Revolutionary and Napoleonic wars were to some extent world wars. If the great battles took place in Europe or within sight of its coasts that is because British sea power contained French imperialism within its own continent. Britain itself, however, brought to the struggle with France the fruits of its domination of global trade and communications. To take but one example: the fact that most British trade already in the 1780s was outside Europe provides a good clue as to the nature of British power and the reasons why Napoleon's Continental System was unlikely to bring Britain to its knees. If the Revolutionary and Napoleonic wars were a world war, however, they were not the first world war. That 'honour' goes to the Seven Years War of 1756-63, which is one more reason to

doubt that the wars of 1792-1815 should be seen as marking a radical break with the past. It was the Seven Years War which determined that English civilization would dominate North America and took the first decisive step in establishing British rule over India, with consequences that lasted well beyond the end of Britain's empire. The Revolutionary and Napoleonic wars confirmed this verdict.

It is true that, unlike the Seven Years War, the Napoleonic Wars had dramatic consequences in Latin America. These included decades of devastating conflict across the continent. In the long run, however, perhaps the most important result of the Napoleonic Wars in South America was that whereas the Spanish empire disintegrated into many states, Portuguese Brazil held together. Above all this was owed to the survival of the Braganza dynasty and of the monarchical state in Brazil in the crucial early decades of the nineteenth century. This was highly contingent and depended on a far from predictable intermingling of events and personalities following Napoleon's invasion of Portugal in 1808 and the flight of the royal family to Brazil. Brazil is still far from reaching its full potential and may never do so, so the long-term implications of South American developments in the early nineteenth century are still unclear²⁶ [41-43].

Beyond question the greatest long-term consequences of the revolutionary era lie in the spread of the democratic ideas that powered the French Revolution. It mattered hugely that the claims of revolutionary ideology were made not in the name of Frenchmen (or indeed just Americans) but of humanity. The revolution in Saint Domingue suggested that these ideas would have

²⁶ On the Spanish empire's collapse see above all: Jeremy Adelman, *Sovereignty and Revolution in the Iberian Atlantic* (Princeton, 2006). On the Portuguese empire see: Gabriel Paquette, *Imperial*

Portugal in the Age of Atlantic Revolutions (Cambridge, 2013). Leslie Bethell (ed), *The Independence of Latin America* (Cambridge, 1987) remains a very useful introduction.

global consequences which would surprise and dismay many even of the revolution's sympathizers. By the turn of the twenty-first century the republican values proclaimed in 1789 enjoy something close to global hegemony.

Their struggle to achieve this hegemony was anything but easy or assured. Opposed ideologies and vested interests initially needed to be overcome in nineteenth-century France and Europe. Monarchy in one form or another survived in France until 1870 and dominated Europe until 1918. In 1848 the 'old regime' defeated the attempt to spread the principles of 1789 across Europe. The fact that the French Revolution had unleashed terror and civil war in France, followed by a generation of war in Europe meant that even many who sympathized with some of the principles of 1789 worried deeply about their practical application. Monarchical power, conservative upper houses, and constraints on the franchise were among the many expedients welcomed even by many liberals in the nineteenth century to keep democracy within bounds. If the principles of 1789 appeared to have triumphed in Europe in 1918, the picture in 1940 was very different, not least because the 1930s seemed to call into question the people's commitment to liberty. The subsequent triumph of democracy over both fascism and Soviet communism restored the principles of 1789 to their pedestal.

It remains to be seen whether they will stay there if global power shifts away from the West towards Asia, or if international relations again descend into an abyss similar to the 1930s. The golden age of European liberalism and economic progress were undermined by economic depression and world wars in the early twentieth century. Given the rise of nationalism and competing geopolitical claims in East Asia one cannot rule out the same happening to the Asian miracle. Bringing China with its authoritarian regime and domestic political imperatives into the governing councils of the world may prove just as difficult as was the case with Germany before 1914. Relative American decline has some obvious parallels with Britain's previous experience. A pessimist could point to the great instability caused to seventeenth-century politics by climate change or to the dramatic geopolitical shift caused by the impact of plague on the seventh-century world, among whose consequences was the division of the Mediterranean world between Christianity and Islam. Of course all these fears may prove unfounded but the basic reason for citing them is to reinforce the point that the future is uncertain and that in the past history has seldom moved in straight lines. In that sense Zhou En-Lai's famous comment that it is too early to judge the consequences of the French Revolution remains moot.

REFERENCES

1. David Armitage and Sanjay Subrahmanyam (eds), *The Age of Revolutions in Global Context, c.1760-1840* (Houndmills, 2010).
2. Christopher Bayly, *The Birth of the Modern World 1780-1914* (Oxford, 2004).
3. Paul W. Schroeder, *The Transformation of European Politics 1763-1848* (Oxford, 1994).
4. Roger Chickering and Stig Forster, eds., *War in an Age of Revolution, 1775-1815* (Cambridge, 2010).
5. David A. Bell, *The First Total War. Napoleon's Europe and the Birth of Modern Warfare* (London, 2007).
6. Robert C. Allen, *The British Industrial Revolution in Global Perspective* (Cambridge, 2009).
7. Dominic Lieven, *Russia against Napoleon. The Struggle for Europe 1807-1814* (London, 2009), 7-8.

8. Louis DiMarco, *War Horse: A History of the Military Horse and Rider* (Yardley, 2008).
9. Lieven, *Russia against Napoleon*, 114-7. Mark Urban, *Rifles* (London, 2003).
10. Thierry Lentz, *Nouvel Histoire du Premier Empire. III. La France et l'Europe de Napoleon 1804-1814* (Paris, 2007) and Thierry Lentz (ed), *Napoleon et l'Europe* (Paris, 2005).
11. Ute Planert, 'Innovation or Evolution? The French wars in Military History', ch.3, 69-84 in Chickering and Forster, *War*.
12. T.C.W. Blanning, *The Origins of the French Revolutionary Wars* (London, 1986).
13. Paddy Griffith, *The Art of War of Revolutionary France 1789-1802* (London, 1998)
14. John A. Lynn, *The Bayonets of the Republic* (Boulder, 1994).
15. T.C. W. Blanning, *The French Revolutionary Wars 1787-1802* (London, 1996).
16. Rafe Blaufarb, *The French Army 1750-1820* (Manchester, 2002). ch.6
17. Franz Szabo, *The Seven Years War in Europe 1756-1763* (Harlow, 2008)
18. Dennis E. Showalter, *The Wars of Frederick the Great* (Harlow, 1996)
19. Christopher Clark, *Iron Kingdom. The Rise and Downfall of Prussia, 1600-1947* (London, 2006).
20. William C. Fuller, *Strategy and Power in Russia 1600-1914* (Harvard, 1998) 576 p.
21. Carl von Clausewitz, *On War* (Princeton, 1976): edition translated and edited by Michael Howard and Peter Paret.
22. Baron Antoine de Jomini, *The Art of War* (London, 1992), a re-print of the 1862 translation with a new introduction by Charles Messenger.
23. Antoine Jomini, *Precis Politique et Militaire des Campagnes de 1812 a 1814* (Geneve, 1975).
24. Dennis Showalter, *Frederick the Great. A Military History* (London, 2012).
25. Christopher Duffy: *Russia's Military Way to the West* (London, 1981).
26. Lee Kennett, *The French Armies in the Seven Years War* (Durham/NC, 1967).
27. Hamish Scott, *The Emergence of the Eastern Powers, 1756-1775* (Cambridge, 2001).
28. *Economic Systems and State Finance* (Oxford, 1995)
29. *The Rise of the Fiscal State in Europe c 1200-1815* (Oxford, 1999).
30. Downing B.H., *The Military Revolution and Political Change. Origins of Autocracy and Democracy in Early Modern Europe* (Princeton, 1992).
31. Jeremy Black, *From Louis XIV to Napoleon. The Fate of a Great Power* (London, 1999)
32. Colin Jones, *The Great Nation. France from Louis XV to Napoleon. 1715-1799* (London, 2002).
33. Richard Harding, *Seapower and Naval Warfare 1650-1830* (London, 1999).
34. Michel Verge-Franceschi, *La Marine Francaise au XVIIIe Siecle* (Paris, 1996).
35. William S. Cormack, *Revolution and Political Conflict in the French Navy 1789-1794* (Cambridge, 1994).
36. Geoffrey Ellis, 'The Nature of Napoleonic Imperialism', in Philip Dwyer (ed), *Napoleon and Europe* (Harlow, 2001), 97-135 (NB the comment on page 124).
37. *The Age of Revolution: 1789-1848*. London: Peter Smith Pub Inc., 1999. chapters 8 and 9
38. The chapters by H.V. Bowen and Rajat Kanta Ray in P.J. Marshall (ed), *The Oxford History of the British Empire. The Eighteenth Century* (Oxford, 1998).
39. John Darwin, *The Empire Project The Rise and Fall of the British World-System 1830-1970* (Cambridge, 2009).
40. Mark Jarrett, *The Congress of Vienna and its Legacy* (London, 2013).
41. Jeremy Adelman, *Sovereignty and Revolution in the Iberian Atlantic* (Princeton, 2006).
42. Gabriel Paquette, *Imperial Portugal in the Age of Atlantic Revolutions* (Cambridge, 2013).
43. Leslie Bethell (ed), *The Independence of Latin America* (Cambridge, 1987).

© В. Г. Дацышен

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.10)

УДК 93/94

СИБИРСКИЙ ОКРУГ ВО ВРЕМЯ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ В КИТАЕ В 1900–1901 гг.**В. Г. Дацышен (Красноярск, Россия)*

Военная история России XX в. начинается с военного конфликта, имевшего официальное название «Военная кампания в Китае 1900–1901 гг.». Россия провела военную кампанию, опираясь на войска, собранные в Сибирском военном округе. В 1900 г. Сибирский военный округ впервые был переведен на военное положение. В Сибири для войны с Китаем было собрано около 100 тыс. человек. Летом 1900 г. по Сибирской железной дороге было перевезено 54 410 чел. воинских чинов и 11 407 лошадей, в Забайкалье было доставлено 188 200 пудов военных грузов. Повседневная жизнь сибиряков была подчинена задачам войны с Китаем. На восточном участке границы Сибири происходили военные действия, из Сибири были отправлены в приграничные города Китайской империи небольшие военные отряды. К концу 1900 г. мобилизованные в Сибири запасные нижние чины вернулись домой, но русские войска продолжали борьбу с китайским сопротивлением в Маньчжурии.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, мобилизация, военная кампания, Сибирь, Китай, 1900 г.

Военная история России XX в. начинается с крупномасштабного русско-китайского конфликта, имевшего официальное название «Военная кампания в Китае 1900–1901 гг.» События были очень сложными и противоречивыми с политической точки зрения. Россия не объявляла войны, не ставила своей целью захват территорий или свержение существующей династии, но вела военные действия не только против восставшего народа, а и против Цинской империи. Именно в 1900 г. Сибирский военный округ был переведен на военное

положение, впервые в Сибири были проведены полномасштабные мобилизационные мероприятия.

Сибирский военный округ с центром в Омске был образован в 1899 г. В него вошли бывшие Иркутский и Омский военные округа, но с сохранением за Иркутским генерал-губернатором прав командующего местными войсками. Исследователи указывают: «Всего в Иркутском военном округе, вошедшем в состав Сибирского военного округа, находилось: два генерала, 178 штаб- и обер-офицеров, 52

* Статья подготовлена по результатам работы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Сибирь и войны XIX–XX веков» (8–10 июня 2014 г.).

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Сибирский федеральный университет.

E-mail: dazishen@mail.ru

классных чиновника, 5 204 нижних чинов. В Иркутской и Красноярской конных казачьих сотнях на 1 января 1899 г. был один штаб- или обер-офицер, 232 казака. Чинов запаса к 1899 г. было на учете: обер-офицеров – 95, классных чиновников – 46, нижних чинов – 17 198, ратников первого разряда – 4 102, нижних чинов запаса флота – 19, ратников флота – 191 человек» [1, с. 101]. Сибирский военный округ фактически был внутренним округом, призванным обеспечить резервы для Туркестанского и Приамурского военных округов. Лишь в Семипалатинской области располагались линейный батальон, сотня третьего Сибирского казачьего полка с приданными им частями. На остальной территории Сибирского военного округа, от Семипалатинска до Иркутска, было только семь резервных батальонов. Границу с Китаем на Алтае прикрывали части Сибирского казачьего войска, в котором на 1896 г. было 17 тыс. всех обязанных службой казаков и 179 офицеров войскового сословия¹.

Россия оказалась втянута в военные события в столичной провинции Китая, и в район боев были направлены войска Квантунской области и Сибирский армейский корпус из Приамурского военного округа. Среди отличившихся, как и среди погибших, в боях за Тяньцзинь и Пекин, были сибиряки. Например, уроженец Енисейской губернии и воспитанник Иркутского военного училища П. Н. Гуров за бои в Тяньцзине, где он командовал ротой, был награжден орденом Св. Георгия 4 степени.

9 июня (ст. ст.) 1900 г. было принято решение о переводе войск Приамурского военного округа на военное положение, а также о призыве 12 тыс. запасных из Сибирского военного округа. На следующий день был опубликован Именной Высочайший указ данный Сенату «О призыве на действительную службу чинов запаса из областей и уездов Приамурского и Сибирского военных округов для приведения на военное положение войска Приамурского военного округа»². Мобилизация началась 11 июня и стала первым полномасштабным мероприятием подобного рода на границах с Китаем. В региональных архивах эти события нашли отражение в таких делах, как «О призыве запасных чинов для формирования войск Приамурского военного округа»³. В Сибирском военном округе в июне 1900 г. было призвано в войска 14,5 тыс. запасных⁴.

В начале лета 1900 г. военные действия распространились на большие территории и достигли границ России. В июле начался новый этап мобилизационных мероприятий. Высочайшим повелением от 4 июля было приказано призвать на действительную службу 24 сотни из состава 4–9 полков Сибирского казачьего войска, из которых формировались четыре полка, а так же две Сибирские запасные сотни. В приказе исполняющего обязанности Степного генерал-губернатора генерал-майора Якубовича от 1 августа говорилось: «...поздравляю Г. г. офицеров и молодцов казаков с походом на дальний Восток. С Богом, в добрый путь! <...> Глубоко убежден, что сибир-

¹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 1908. Л. 10 об.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XX. С. 629.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 8. Д. 2.

⁴ Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Отд. 1. Кн. 1. – СПб, 1902. – С. 41.

ские казаки сделают свое имя столь же славным, почтенным и страшным для врагов, как оно было при завоевании Сибири и в походах в киргизские степи и Среднюю Азию»⁵. 8 июля 1900 г. было принято решение о переводе на военное положение войск Сибирского военного округа и Семиреченской области Туркестанского военного округа. Всего в 1900 г. в России было мобилизовано в армию более 100 тыс. запасных нижних чинов.

В Сибирском военном округе на базе резервных батальонов были развернуты Иркутский, Красноярский, Тобольский, Томский, Омский, Барнаульский и Семипалатинский пехотные полки пятибатальонного состава. Каждая рота укомплектовывалась запасными до батальона пятиротного состава. Например, в Омский резервный батальон было призвано из запаса 6 233 строевых и 632 нестроевых нижних чина, 51 офицер был взят из запаса армии и три офицера прибыло из Европейской России [3, с. 137]. Красноярский пехотный полк был сформирован 29 июля 1900 г. в составе 5 270 чел. нижних чинов, но отправка его на театр военных действия произошла лишь через месяц. 15 августа в Иркутск прибыло 800 чел. запасных из Енисейска и Минусинска.

На базе Сибирского артиллерийского дивизиона были созданы первый, второй и третий Сибирские артиллерийские дивизионы двухбатарейного состава. В июле 1900 г. было решено сформировать в Чите, Иркутске, Томске и Омске первую, вторую, третью и четвертую Сибирские пехотные бригады.

Казачество Азиатской России по штатному составу военного времениставляло 113 конных сотен (в том числе, 54 сотни от Сиб. каз. войска) и 24 пеших казачьих батальонов. В июне – июле 1900 г. в казачьих войсках

были сформированы, в том числе, четвертый – девятый Сибирские казачьи полки, второй и третий Семиреченские казачьи полки и др. части, включая запасные конные сотни. В июле 1900 г. были образованы Сибирская и Туркестанская конные казачьи дивизии.

В течение всего лета 1900 г. происходило укрепление границы. В Зайсане был поставлен пехотный батальон, две сотни льготных казаков перевели из Усть-Каменогорска в станицу Алтайскую. Были усилены все пограничные караулы. В Саянах сформировали и выдвинули на линию границы казачьи дружины. Посредством мобилизации и переброски частей были значительно увеличены силы Семиреченской области Туркестанского военного округа, куда было направлено 1,3 тыс. стрелков из Сибирского военного округа. В области так же было призвано 1,5 тыс. запасных нижних чинов.

10 июля 1900 г. командование приняло решение сформировать на Дальнем Востоке четыре армейских корпуса. Первая Сибирская резервная бригада входила во второй Сибирский армейский корпус. Третий Сибирский армейский корпус собирался в Забайкалье и в районе Благовещенска. В его состав вошли вторая – четвертая Сибирские резервные бригады и бригада Забайкальского казачьего войска. Командир второго корпуса генерал-лейтенант А. В. Каульбарс прибыл и вступил в исполнение своих обязанностей осенью 1900 г., командир третьего корпуса генерал-лейтенант Мылов не успел приступить к исполнению обязанностей по руководству корпуса по причине изменившихся обстоятельств на театре военных действий.

Для обеспечения безопасности китайской границы летом 1900 г. были проведены мероприятия по организации самообороны

⁵ Приказы по Сибирскому казачьему войску. 1900.

приграничного русского населения. Для перекрытия горных проходов в долину Тунки была выдвинута Иркутская полусотня, в Усинский край переведена Красноярская полусотня, усиленная 25 льготными казаками. Среди казачьего населения Енисейской губернии были организованы три дружины, Арбатская, Саянская и Каратузская. Населению было роздано 200 винтовок и 10 тыс. патронов. Две льготных сотни расположились в станице Бухтарминской, по взводу казаков было поставлено в проходах Тарбагатайского хребта. Населению Сибирского казачьего войска было отпущено по 25 винтовок с патронами на каждый степной поселок.

Задачам войны полностью была подчинена работа Сибирской железной дороги. На некоторое время было остановлено движение грузов и пассажиров на восток. Была отправлена 5 июля 1900 г. циркулярная телеграмма губернаторам: «В виду передвижения войск по сибирской железной дороге, Высочайше повелено приостановить переселенческое движение в Сибирь»⁶. За неполных четыре месяца по Сибирской железной дороге было перевезено 54 410 чел. воинских чинов и 11 407 лошадей, в Забайкалье было доставлено 188 200 пудов военных грузов.

Повседневная жизнь сибиряков постепенно была подчинена задачам войны с Китаем. В июле 1900 г. проводились реквизиции лошадей. Жители сибирских городов собирали сухари для армии, готовили подарки воинам. В июне в Иркутске «управой во все дома домовладельцам, арендаторам и квартирантам доставлена мука для выпечки сухарей для запасных нижних чинов», всего «город купил 8 000 мешков муки для изготовления обыкновенными 15 тыс. пудов сухарей...» [2, с. 427].

Летом 1900 г. мобилизационные мероприятия нарушили нормальную жизнь сибирских городов и губерний. В течение нескольких дней на рынках значительно, иногда в несколько раз, повысились цены на продукты питания и предметы первой необходимости. «Сибирская торговая газета» в начале июля 1900 г. печатала корреспонденцию из Красноярска: «Здесь уже начинает ощущаться военное положение, за неделю цены поднялись...». В городе цены на ржаную муку поднялись с 40 коп. до 55 коп. за пуд, на кирпичный чай – с 90 коп. до 1 руб. 25 коп. Цены на маральи рога упали с 40–45 руб. за фунт до 4–5 руб. В Иркутске отмечалось: «Овес недавно стоил 60–65 к. пуд, теперь 1 р. 90 к., сено, стоившее воз 4–5 р., теперь 9 р. воз» [2, с. 431]. Многие школы в сибирских городах были переоборудованы под госпитали. По причине призыва в армию врачей в Красноярске было принято решение не производить приема в первый класс местной фельдшерской школы. Из Красноярска на Дальний Восток 1 сентября 1900 г. выехал отряд сестер милосердия местного отделения Красного Креста, численностью шесть человек.

Сибирские газеты стали много внимания уделять Китаю и его армии. «Енисейские губернские ведомости» сообщали: «Китайская армия, порядок ее и вся военная организация страны в целом представляет один из курьезнейших обломков глубокой старины <...> Единственную серьезную силу представляет тьян-дзинский армейский корпус, – создание Ли-Хун-Чана и немецких инструкторов. По бумагам, в этом корпусе – 100 тыс. человек; на лицо же имеется 35–40 тыс. солдат <...> Этот корпус зовут иногда армией Черного знамени. Пехота и кавалерия его вооружены ружьями

⁶ Амурский край: Сб. газеты. Статьи о военных событиях на Амуре. – Благовещенск, 1900. – С. 35

Снайдера, Ремингтона и Маузера; артиллерия – крупновскими пушками»⁷. Военные события 1900 г. заставили российское общество по-новому взглянуть на своих соседей. Простые люди переживали происходящие события, газета «Восточный вестник» писала: «Китайские дела настраивают на воинственный лад население <...> у кабаков спорят о войне и дерутся»⁸. Сибирские газеты писали, что мальчишки играют в войну с китайцами, в кабаках мужики спорят и дерутся по поводу дальневосточных проблем, бдительные обыватели во всех подозрительных личностях видят китайских шпионов.

Действительно, летом 1900 г. по всей России наблюдался рост антикитайских настроений. В Сибири, в отличие от Приамурья, китайцев было мало и случаев массовой расправы над выходцами из Китая не зафиксировано. Были лишь курьезные случаи и мелкие инциденты. Например, американский ученый, приехавший в Усть-Орду для изучения бурят, был принят за китайского эmissара, готовившего восстание бурят. В селе Камень Барнаульского уезда запасными был избит становой пристав за то, что помог скрыться от расправы китайцу-фокуснику.

Летом – осенью 1900 г. полномасштабные военные действия с участием русских войск охватили столичную провинцию Чжили и три провинции Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), куда входила пограничная с Забайкальем область Барга. В других районах Цинской империи, соседних с Сибирским и Туркестанским военными округами, в силу разных причин удалось избежать войны. Однако потенциальная угроза сибирским терри-

ториям со стороны Цинской империи действительно была. В свою очередь, Пекин опасался возможного наступления русских войск со стороны Сибирского военного округа. Пекин внимательно следил за ситуацией во Внешней Монголии. В июне 1900 г. Улясутайскому цзянцзюню Лянь Шуню был отправлен императорский указ, предписывающий ему и Ургинскому амбаню Фэн Шеньэ оставаться на местах и защищать районы возможного русского наступления. В Пекине считали, что «русских войск очень много, поэтому они обязательно приедут по разным путям»⁹. Цинским чиновникам приказывалось сообщить начальникам аймаков, чтобы те подобрали самых сильных мужчин и подготовили их для защиты границ. Подобные указания были отправлены и в Кобдо, баньшидачэню Жуй Сюню предписывалось действовать совместно с руководством провинции Синьцзян, в документе говорилось, что «было бы хорошо, если бы они смогли сковать врагов», хотя и не детализировалось это пожелание¹⁰.

Согласно донесениям, инициативу и активность в деле подготовки обороны вверенных территорий проявили глава Кобдо и Улясутайский цзянцзюнь. Жуй Сюнь установил связь с руководством синьцзянского города Гучэна и сюньфу Синьцзяна Жао Инци, предлагая отправить несколько тысяч маньчжурских солдат на защиту Кобдо. Он писал: «Несколько тысяч маньчжурских солдат находятся в нескольких тысячах верст от границы без толку <...> Пусть они приедут в Кобдо с деньгами и боеприпасами, от этого будет польза. Я уже советовался с губернатором Жао Инчи и просил его приказать офицерам, чтобы они по-

⁷ Енисейские Губернские Ведомости. – 1900. – 24 июня.

⁸ Восточный вестник. – 1900. – № 84.

⁹ Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. – Пекин, 1959. – С. 265.

¹⁰ Там же. – С. 442.

добрали 2 тыс. крепких солдат, во главе которых поставили бы имеющих боевой опыт офицеров, и отправить их в Кобдо»¹¹. Жуй Сюнь просил, чтобы император немедленно поддержал это решение своим приказом. На подведомственной территории баньшидачэнь приказал мобилизовать монголов и организовать их обучение, а в конце лета 1900 г. он создал в Кобдо специальный «Отдел обороны» (Чоуфанчу). Амбань сообщал в Пекин: «Кобдо везде граничит с Россией и русские солдаты и отряды везде ходили, это неизбежно. Но главная армия наверно не будет отсюда нападать»¹². В целом, согласно докладу, Кобдо не был готов к войне с русскими по причине отсутствия средств, халатности прежних чиновников, незначительного числа войск и крайне низкой боевой подготовки монгольского ополчения.

Летом 1900 г. на тех же позициях стоял и Улясутайский цзянцзюнь Лянь Шунь. Он приказал собрать монгольское ополчение, но сообщал об их низкой боеготовности. 19 августа Лянь Шунь докладывал в Пекин о проведенных им мобилизационных мероприятиях и сообщал: «Кулунь, Улясутай, Кобдо, очень важны, они расположены подобно рогам, и Улясутай как раз в середине, что особенно важно, кроме того, он граничит с Россией и существует возможность нападения с любой стороны. Хотя наши солдаты уже тренируются, но раньше они жили спокойно и были слабо подготовлены. Если что случится, солдаты побегут, если русская армия начнет наступление, то наши солдаты не смогут оказать сопротивление. Прошу приказать дубаню

Цзюньцзичу собрать обученные войска и подготовить два ина лучшей конницы и один ин лучшей пехоты, чтобы они с оружием и припасами срочно прибыли для обороны Улясутая»¹³.

Летом 1900 г. в Монголии готовились к отражению возможного русского наступления на всех участках границы, а также намеревались оказать помощь Пекину. К Улясутаю выступил отряд в 700 чел. знаменных, были усилены пограничные караулы. В Монголии попытались собрать войска для отправки в Пекин, Улясутайский цзянцзюнь собрал до 4 тыс. человек монгольской конницы, в Кобдо было призвано около 2 тыс. всадников. Но монгольские солдаты взбунтовались, перебили маньчжурских офицеров и разбежались. Летом 1900 г. в Улясутае было собрано до 1 тыс. китайцев – торговцев, для которых были организованы учебные стрельбы.

Военные действия в Чжили и Маньчжурии летом 1900 г. серьезно осложнили ситуацию в Синьцзяне. Обе стороны опасались, что война могла распространиться и на эту территорию. В течение всего лета 1900 г. происходило укрепление границы с обеих сторон. Генералу М. Е. Ионову 5 июня было «предписано представить соображения о сосредоточении к Джаркенту расположенных в Семиречье войск»¹⁴.

Население Степного края поддержало мобилизационные мероприятия русских властей. Например, в приказе Степного генерал-губернатора Н. Н. Сухотина в июне 1901 г. говорилось: «Согласно засвидетельствованного г. Председателем Войскового Хозяйственного

¹¹ Там же. – С. 443.

¹² Там же. – С. 443.

¹³ Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. – Пекин, 1959. – С. 527.

¹⁴ Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Отд. 3. Кн. 1. – СПб, 1902. – С. 162.

Правления Сибирского казачьего войска о патриотичном поступке муллы Уланской волости, Устькаменогорского уезда, Семипалатинской области, Мухамед-Галия Тлеукина, выразившемся в оказании им содействия в прокормлении в 1900 г. лошадей мобилизованных шестого и девятого полков Сибирского казачьего войска, названный мулла награждается мною почетным халатом третьего разряда»¹⁵. Подобными наградами отметили других представителей местного населения, оказавших услуги русским войскам. Местные же чиновники в октябре 1901 г. «за особые отличные труды их, вызванные Китайскими событиями 1900 г.» получили ордена «Св. Станислава» и «Св. Анны»¹⁶.

Российское высшее военное командование в 1900 г. не планировало военных операций на границах Сибирского военного округа. Однако Синьцзян и Монголия постоянно находились в поле зрения командования. Военные события в Китае поставили под угрозу существование российских консульских учреждений. Российское военное ведомство склонялось к тому, чтобы не втягиваться в конфликт, а вывести консульские учреждения из приграничных регионов Цинской империи. Но консул Н. В. Богоявленский был против эвакуации, он предлагал отправить в Кульджу казаков. Управляющий Министерства иностранных дел 30 июня сообщил военному министру: «Подобная мера могла бы лишь самым возбуждающим образом подействовать на китайцев, которые не преминут усмотреть

в ней проявление страха с нашей стороны и составить себе преувеличенное представление о своих силах»¹⁷.

2 июля 1900 г. начальник Главного штаба сообщил Семиреченскому губернатору: «Высочайше повелено отправить в Кульджу две сотни, ближайшие к границе от первого Сибирского полка, снабдив месячным довольствием и четырьмя комплектами патронов. Сотни должны занять в Кульдже такое положение, чтобы, в случае опасности, они могли вместе с русскими подданными отстаиваться до выручки их войсками из Джаркента»¹⁸. Китайские власти пытались не допустить сибирских казаков в Илийский край, даже на несколько дней задержали сотни перед Суйдуном, однако проблему удалось решить путем переговоров. После этого ситуация стабилизировалась, китайские власти на базаре вывесили объявление, запрещающее распространение провокационных слухов. Н. В. Богоявленский сообщил в Министерство иностранных дел, что «30 июня цзянцзюнь получил приказ императрицы-матери – вырезать русских, китайцы стали приготавливаться, приход казаков помешал»¹⁹.

18 июля 1900 г. (шестого дня седьмого месяца) Цзюньцзичу направило Илийскому цзянцзюню Чан Гэн телеграмму, в которой ему предписывалось совместно с сюньфу Синьцзяна Жао Инци «объединяться в обороне, чтобы остановить нападавших». Кроме того, цзянцзюню предписывалось: «Если можешь послать лучших солдат для нападения в их тыл, сковать их, это было бы хорошо»²⁰, и предлагалось напасть немедленно. Очевидно,

¹⁵ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1090. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 72.

¹⁷ Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Отд. 3. Кн. 1. – СПб, 1902. – С. 193.

¹⁸ Там же. Отд. 2. Кн. 1. – СПб, 1902. – С. 113.

¹⁹ Там же. – С. 401.

²⁰ Ихэтуань данань шияо (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. – Пекин, 1959. – С. 415.

Чан Гэн не был сторонником активных анти-русских действий, он не предпринял ни каких решительных действий. В докладе Чан Гэна в Пекин от 16 августа содержатся пространные рассуждения о том, где и как лучше организовать оборону Китая от иностранных агрессоров, но он ни слова не говорит о подведомственной территории, не упоминает он и о России. Не был сторонником военного конфликта и Жао Инци. Сюньфу написал 29 июля в Петербург: «Могу вас уверить, что у меня нет никакого враждебного намерения и что, напротив, я во что бы то ни стало хочу уберечь мою провинцию от участи, выпавшей на долю столицы и провинций Маньчжурии»²¹.

До конца лета 1900 г. русское командование не исключало возможности наступления на Синьцзян. Военный министр телеграфировал 1 сентября в Ташкент С. М. Духовскому: «Китайскому послу в Петербурге предложено потребовать разоружения, роспуска войск в Кульдже, Чугучаке, выдаче нам орудий»²². После разгрома китайских войск в Чжили и Маньчжурии, опасность распространения военных действий на Синьцзян практически исчезла, военный министр А. Н. Куропаткин запретил проведение наступательных военных действий на этом участке границы.

Двухсторонние отношения в регионе осложнились осенью 1900 г., в связи с планами усиления русского военного присутствия в Кульдже. Консул В. М. Успенский 30 сентября 1900 г. сообщал из Урумчи: «Синь-

Цзянский губернатор протестует против желания Консула Федорова двинуть в Кульджу из Джаркента артиллерию <...> население может оказать враждебность мне и Петровскому»²³. Цзянцзюнь согласился пропустить орудия, но просил не отправлять казаков. После дипломатических препираний в Илийском крае все же была проведена военная демонстрация. От Хоргоса до Кульджи 13 октября проследовал русский отряд, состоящих из двух казачьих сотен, назначенных для сопровождения двух орудий, при которых состояло сто нижних чинов, сто человек сменной команды молодых казаков в консульский конвой, а так же хор военной музыки.

Российские власти не спешили с выводом сибирских казачьих сотен из Кульджи, и для этого были основания. Консул в Кульдже в конце 1900 г. сообщал: «Китайцы подчинились единственно силе, затаив в себе горечь обиды и надежду на отмщение при более благоприятных обстоятельствах за испытываемое теперь унижение»²⁴. Китайское правительство через своего посланника в Петербурге не раз ходатайствовало о выводе сибирских и забайкальских сотен из Кульджи и Урги. А. Н. Куропаткин, пойдя навстречу Пекину, письмом от 3 июля 1902 г. предписал уменьшить консульский отряд в Кульдже на одну сотню, 8 июля сотня была выведена из Семиречья.

Во время военных действий в 1900 г. встал вопрос об отправке в Сибирь китайских военнопленных. Однако все военнопленные,

²¹ Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Отд. 3. Кн. 3. – СПб, 1903. – С. 145.

²² Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Отд. 3. Кн. 3. – СПб, 1903. – С. 75.

²³ Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 133. Д. 111. Т. 2. Л. 233.

²⁴ АВПРИ. Ф. 188. Д. 811. Л. 10 об.

за редким исключением, остались на территории Приамурского генерал-губернаторства или в самой Маньчжурии. В Иркутске отмечалось: «18 августа доставлен в Иркутск в качестве военнопленного китайский генерал Шеу-Чжан-Жень-шань, взятый в плен около Мукдена. Он командовал отрядом в 30 тыс., в числе которых было 5 000 конницы» [2, с. 461]. Планировалась отправка генерала Шоу Чан в Петербург, однако лидер китайского сопротивления так и остался в Иркутске, где и умер.

Китайская армия была разбита в короткие сроки, 1 (13) августа 1900 г. был взят Пекин, в сентябре была оккупирована большая часть Маньчжурии, власти других приграничных территорий не решились начать военные действия против России. Восточно-Сибирские стрелковые полки оказались в состоянии сами разгромить китайскую армию и резервные части не приняли участия в боевых действиях. Например, Красноярский пехотный полк уже 13 октября 1900 г. был переформирован в резервный батальон, запасной же батальон расформировали 13 ноября.

К концу 1900 г. мобилизованные в Сибири запасные нижние чины вернулись домой, но русские войска продолжали борьбу с китайским сопротивлением в Маньчжурии. Следы участия сибиряков в военной кампании 1900–1901 гг. до сих пор сохраняются в региональных музеях. Например, в фондах Красноярского краеведческого музея хранятся поступившие в 1902 г. от врача В. А. Черкесова «Головной убор женский, найденный в доме цицикарского генерал-губернатора после разграбления его дома в Цицикаре» и фотографии генерал-губернатора Хэйлунцзянской провинции Шоу Чана и его супруги. Однако военная кампания в Китае вскоре была вытеснена из народной памяти сибиряков последовавшими вскоре событиями неудачных для России войн и революций. Во многом по этим же причинам мобилизационные мероприятия и военные события 1900–1901 гг. на долгие годы остались без внимания сибирских историков. Тем не менее, детальное изучение данных проблем поможет лучше понять весь комплекс событий и проблем нашей истории начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Копылов В. А., Милухин В. П., Фабрика Ю. А.** Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). – Новосибирск, 1995.
2. **Романов Н. С.** Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. – Иркутск, 1993.
3. **Фукин.** История 10-го пехотного сибирского резервного Омского полка 1865–1907. – Омск, 1907. Амурский край: Сб. газеты. Статьи о военных событиях на Амуре. – Благовещенск, 1900. – С. 35
4. **Енисейские** Губернские Ведомости. – 1900. – 24 июня.
5. **Восточный** вестник. – 1900. – № 84.
6. **Ихэтуань** данань шилиао (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. – Пекин, 1959. – С. 527.
7. **Материалы** для описания военных действий в Китае: Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Отд. 3. Кн. 1–3. – СПб, 1903.
8. **Архив** внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). Ф. 133. Д. 111. Т. 2. Л. 233.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.10)

Datsyshen Vladimir Grigorievich, Doctor of History Sciences, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
E-mail: dazishen@mail.ru

SIBERIAN DISTRICT DURING MILITARY CAMPAIGNS IN CHINA 1900–1901

Abstract

Military history of Russia of the XX century begins with a military conflict, officially called the “Military Campaign in China 1900–1901”. That military campaign conducted by Russia was based on the troops gathered in the Siberian military district. In 1900 the wartime posture was firstly claimed for the Siberian military district. In Siberia about 100 thousand people were conscripted for the war with China. In the summer of 1900 54 410 soldiers and 11 407 horses was transported with the Siberian railway. 188 200 pounds of military cargo were delivered to Zabaikalie. Everyday life of Siberia’s residents was subordinated to the tasks of the war with China. Warfare took place on the Eastern border of Siberia. The small military detachments from other parts of Siberia were sent to the frontier towns of the Chinese Empire. By the end of 1900 mobilized in Siberia spare lower ranks returned home but the Russian troops continued to fight with the Chinese resistance in Manchuria.

Keywords

Siberian military district, mobilization, military campaign, Siberia, China, 1900

REFERENCES

1. Kopylov V. A., Milukhin V. P., Fabrika U. A. *Sibirsky voenyi okrug. Pervye stranisty istorii (Siberian military district. The first pages of History) (1865–1917)*. Novosibirsk, 1995. (In Russian)
2. Romanov N. S. *Letopis goroda Irkutska (Chronicle of the city of Irkutsk) (1881–1901)*. Irkutsk, 1993. (In Russian)
3. Fukin. *Istoria 10-go pehotnogo sibirskogo rethervnogo Omskogo polka (History of the 10th Siberian Infantry Reserve Omsk regiment) 1865–1907*. Omsk, 1907. (In Russian)
4. *Amur region: Sat. the Newspapers*. Articles about military events on the Amur River. Blagoveshchensk, 1900. 35 p. (In Russian)
5. *Yenisei Province News*. 1900. June 24.
6. *Eastern Bllletin*. 1900. No. 84. (In Russian)
7. *Ikhetuan' danan' shilyao (Archival materials about the Ikhetuan')*: Vol. 2. Beijing, 1959. p. 527.
8. *Materials to describe military actions in China*. vol. 3. part. 1-3. St. Petersburg, 1903. (In Russian)
9. *The foreign policy archives of the Russian Empire of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation*. (In Russian)

© А. А. Луценко

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.11)

УДК 94 + 341.34

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ
В НОВО-НИКОЛАЕВСКЕ В 1914–1918 гг. И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ В ВОПРОСЕ
СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ МИРОВЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН***

А. А. Луценко (Новосибирск, Россия)

В центре внимания автора статьи проблема сохранения памяти жертв мировых и локальных войн. В статье также акцентируется внимание на необходимости создания и работы неправительственных международных организаций. В Новосибирске такой организацией стала Новосибирская областная ассоциация Российско-Австрийского сотрудничества. Она установила связи с общественными и культурными организациями Австрии, проводит множество культурных, научных мероприятий. Работа по данному направлению объединяет все виды неправительственной международной деятельности: образование, наука, спорт, искусство. Объединяет потому, что работа по поиску своих, давно погибших близких, основана на прямом взаимодействии людей разных поколений, продолжающих жить и работать в разных областях жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: *сохранение памяти жертв мировых и локальных войн, неправительственные международные организации.*

Первая мировая война потрясла сознание людей того времени масштабами, смертоносными возможностями применяемых видов вооружений, невиданным ранее количеством

жертв и военнопленных. За время Первой мировой войны в русском плену оказалось около 2,3 млн солдат и офицеров армий Австро-Венгерской, Германской империй и Турции. Военнослужащие Австрийской императорской армии составляли около 2,1 млн человек.

* Статья подготовлена по результатам работы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Сибирь и войны XIX–XX веков» (8–10 июня 2014 г.).

Луценко Андрей Александрович – директор МБОУ СОШ №7 г. Новосибирска «Ново-Николаевский Кадетский Корпус Спасателей», Новосибирск, Россия.

E-mail spasatel-k@mail.ru

Томская губерния, в состав которой входила тогда территория современной Новосибирской области, приняла большое количество военнопленных. В разные годы войны их количество определялось цифрами от 150 до 200 тыс. человек (рис. 1). К этому числу следует добавить и число «высланных» из южных и центральных губерний Российской империи подданных Австро-Венгерской и Германской империй.

Рисунок 1.

Австрийские солдаты, форма 1918 года

Официально на территории Российской империи действовали 400 лагерей для военнопленных. В Ново-Николаевске, приобретшем в годы войны статус одного из важных тыловых центров и мощных транспортных узлов России, содержалось около 12 тыс. человек (рис. 2). Лагеря размещались на территориях современных Центрального, Дзержинского и Октябрьского районов города Новосибирска.

Режим содержания военнопленных в целом соответствовал основным принципам Гаагской конвенции 1907 г. Кроме того, в октябре 1914 г. Император России Николай II утвердил «Положение о военнопленных». В этом «Положении» Император предписал обращаться с военнопленными человеколюбиво,

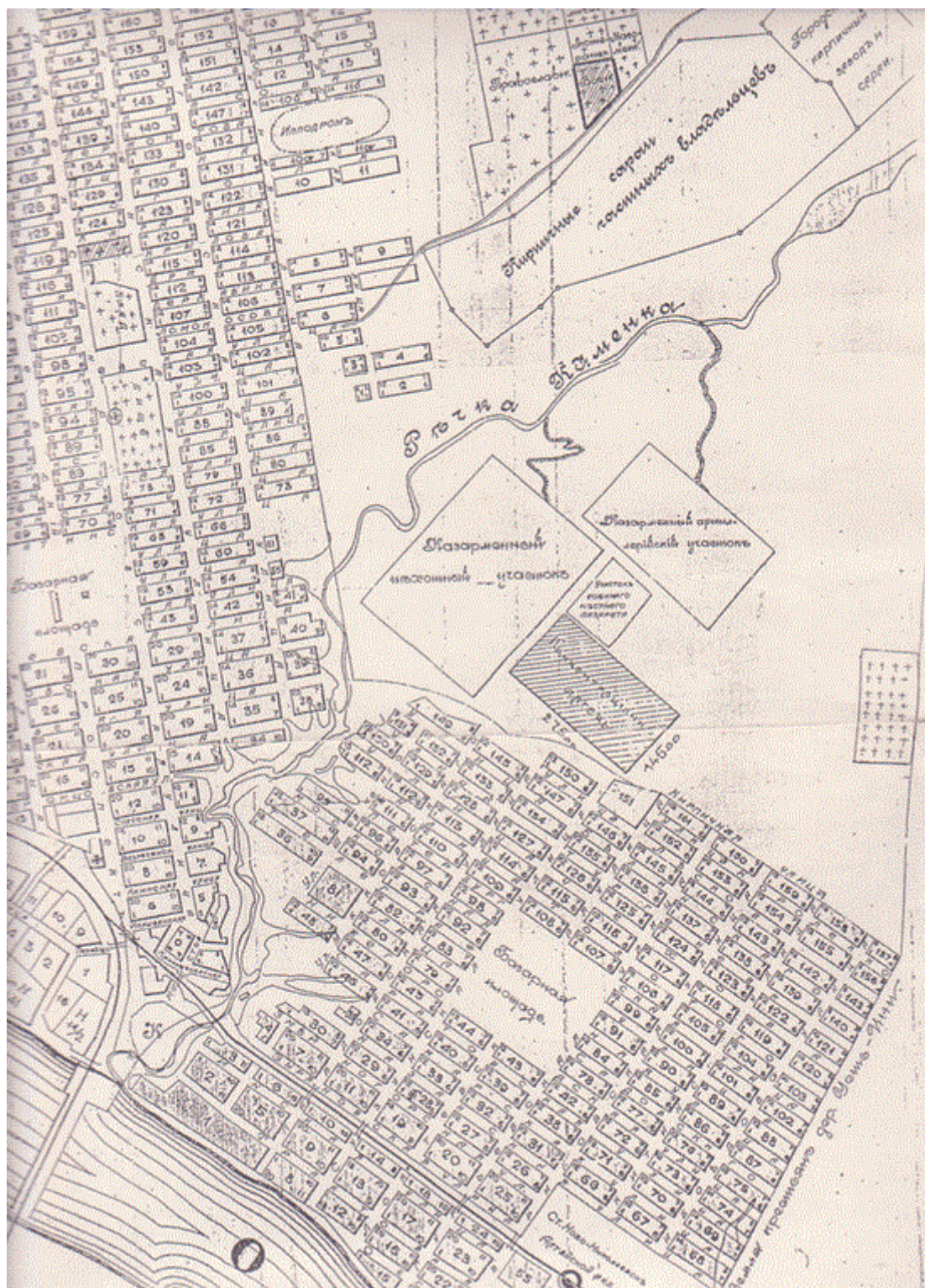
«как с законными защитниками своего Отечества». Запрещались физические наказания. За попытку побега предусматривался арест на 30 суток. Правда, к провинившимся могло быть применено такое наказание как сокращение рациона питания. Славяне, воины Австро-Венгерской императорской армии, содержались в плену фактически безнадзорно. Австрийские немцы и офицеры находились под надзором начальников лагерей, конвойных команд и жандармов.

Лагеря состояли из 20–25 бараков, обнесённых проволочным и маскировочным забором. Покидать территорию лагеря разрешалось офицерам по специальным пропускам или в сопровождении конвоя. Внутри лагеря передвижение было свободным. За военнопленными сохранялось право на переписку с родными на специальных открытках и при обязательной цензуре. С 1916 г. администрация лагерей стала уделять внимание культурной жизни военнопленных: библиотеки (в Ново-Николаевске библиотека насчитывала до 2 тыс. томов), спортивные игры, хоры, любительские театры. Происходили, конечно, и случаи конфликтов с охраной лагерей, причиной которых была ненависть чинов конвоя к своим бывшим противникам по полю боя. Но эти случаи были единичными и пресекались командованием конвойных команд.

Военнопленные привлекались к различным видам работ: на железной дороге, общественных по земскому и городскому хозяйству, постройке общественных и экономически важных объектов, сельскохозяйственных работах. На сельскохозяйственные работы военнопленных направляли в те хозяйства, главы которых были призваны по мобилизации, и где не осталось ни одного, способного к труду работника. Размер заработной платы военнопленного составлял от 9 до 12 рублей.

Рисунок 2.

План Ново-Николаевска, 1915 год¹

¹ Государственный архив Новосибирской области. План Ново-Николаевска, 1906.

Содержание солдат и офицеров было раздельным. Солдаты питались по нормам,

установленным для нижних чинов Российской императорской армии (рис. 3).

Рисунок 3.
Нормы снабжения²

Нормы продснабжения на мирное время на 1 человека в сутки:			
Наименование		Армия	Гвардия
Провиант	Хлеб ржаной	1230 гр.	1230 гр.
	или Сухари ржаные	819 гр.	819 гр.
	или Мука для печения хлеба	927 гр.	927 гр.
	Крупа (просьяная, гречневая, овсяная, рисовая)	136 гр.	205 гр.
Приварочные деньги, на которые можно купить:	Мясо	307 гр.	307 гр.
	Овощи, перец, сало, масло, мука, приправы	2,5 коп.	2,5 коп.
Чайные деньги, на которые можно купить:	Чай	2 гр.	2 гр.
	Сахар	25 гр.	25 гр.

Нормы продснабжения в военное время на 1 человека в сутки:			
Наименование		Армия	Гвардия
Провиант	Хлеб ржаной	2254 гр.	2254 гр.
	или Сухари ржаные	1539 гр.	1539 гр.
	Крупа (просьяная, гречневая, овсяная, рисовая)	238 гр.	307 гр.
Приварочные деньги, на которые можно купить:	Мясо	716 гр.	716 гр.
	или Мясо + мясные консервы	307+409,5 гр.	307+409,5 гр.
	Овощи свежие	255 гр.	255 гр.
	или Овощи сушеные	17 гр.	17 гр.
	Масло коровье или сало свиное	21 гр.	21 гр.
	Мука пшеничная	17 гр.	17 гр.
Чайные деньги, на которые можно купить:	Чай	2 гр.	2 гр.
	Сахар	25 гр.	25 гр.

Нормы снабжения продуктами в военное время членов семей солдат и унтер-офицеров, призванных по мобилизации, ратников ополчения на одного члена семьи на месяц:

* Мука	ржаная	или	пшеничная	-	28	кг.;
* Крупа	разная	-	4	28	кг.;	
* Соль	-	1.6	-	-	кг.	

* Масло растительное - 409,6 г.

Иная система продовольственного снабжения была для офицеров. Они получали так называемые "столовые деньги" по следующим нормам (в год):

*младшие офицеры	во всех родах войск	-	96	руб.;
*начальники пулеметных команд и ст.офицеры артиллерийской батареи	-	180	руб.;	
*командиры рот, эскадронов, учебных команд	-	360	руб.;	
*командиры отдельных саперных рот и отдельных сотен	-	480	руб.;	
*командиры батальонов, пом.командира полка, командиры рот крепостной артиллерии, младшие офицеры артиллерийских бригад	-	600	руб.;	
*командир артиллерийской батареи	-	900	руб.;	
*командир отдельного батальона, арт.дивизиона	-	1056	руб.;	
*командир полка, командир неотдельной бригады	-	2700	руб.;	
*командир артиллерийской бригады	-	3300	руб.;	
*начальник отдельной стрелковой, кавалерийской бригады	-	330	руб.;	
*начальник дивизии	-	4200	руб.;	
*командир корпуса	-	5700	руб.	

В военное время или при службе в гарнизонах, где невозможно приобретать продукты у местного населения офицерам разрешалось приобретать на себя и членов семьи продукты в полку за полную плату по солдатским нормам.

Примечания:

** В таблице 2 - замена овощей свежих на овощи сушеные в количественных показателях вызывает сомнение.

1. Норма выдается деньгами по рыночным ценам данной местности.

² Государственный архив Новосибирской области.

Нормы снабжения военнослужащих. 1914.

Офицеры сохраняли в плену определённые привилегии. Военное ведомство платило им жалованье в зависимости от чина. Они сохраняли для пленных солдат свой статус командиров. Могли получать денежные переводы от родственников. Все пленные пользовались помощью со стороны шведского Красного Креста. Красный Крест даже расположил в 1915 г. сеть своих опорных пунктов, которые располагались вдоль Транссибирской магистрали и просуществовали до конца гражданской войны.

Следует отметить, что хотя установленные Российским правительством нормы питания не всегда соблюдались, военнопленные не голодали. Значительную роль в этом сыграло то, что военнопленные широко привлекались к труду в частных хозяйствах. Число военнопленных, помогавших сибирским крестьянам и казакам убирать урожай, исчислялось десятками тысяч.

Бедой всех лагерей военнопленных, в том числе и Ново-Николаевского, были инфекционные болезни. Летом 1915 г. заболело сыпным тифом 4 083 человека, умерли 1 249; 2 тыс. человек заболели холерой, брюшным тифом, дизентерией, 400 человек умерло³. Но эти потери превратились в настоящее бедствие после Февральской и Октябрьской революций и развала российской государственности. Российские революции и окончание Первой мировой войны значительно ухудшили положение военнопленных в России вообще и в Сибири в частности.

Хотя за 1918 г. на родину вернулась 101 тыс. германских военных и 214 тыс. «гражданских» пленных, 725 тыс. военнопленных и «гражданских» пленных Австро-Венгерской империи, 25 тыс. турок, российские революции и начавшаяся гражданская

война превратили военнопленных либо в наёмников и бандитов, либо сделали их жертвами кровавой неразберихи. Возникшие на территории Сибири в 1918 г. белогвардейские правительства ужесточили режим содержания германских и австрийских пленных, стали широко применять расстрел как меру наказания.

Большевики расстреливали офицеров. Провозглашали классовую солидарность, формировали из военнопленных банды наёмных преступников, которые прельстившись грабежом, убивали мирное население, желая обогатиться. В Сибири действовали около 20 таких «красноармейских» формирований. Люди, собранные в них, должны были либо погибнуть, либо слепо выполнять команды тех, кто называл себя коммунистами. Кроме того, никуда не исчезали такие людские качества как подлость, алчность, садизм.

Капитан австралийской армии У. Лечфорд, служивший в Сибири в составе английской военной миссии, вспоминал: «Проблема военнопленных в Сибири стояла очень остро, и эти края были забиты несчастными жертвами жизненных обстоятельств <...> К нам пристал австриец – жалкий бродяга в лохмотьях, бывший до войны музыкантом. Его взяли в плен в 1914 г., и на протяжении четырёх лет он не получил не единой весточки от жены и детей. Так культурный человек был вынужден влачить жалкое существование...» [1–2]. Или так, или в Красную армию. Там таких «интернационалистов» оказалось около 300 тыс. человек.

Но с восстановлением порядка в России, бывшие военнопленные стали переходить к мирной жизни, в которой главным источником их существования становилась их довоен-

³ Отчёт состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого Комитета Помощи Военнопленным Е.Г. Иванкевича по командировке в

Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленными австро-венгерской армии. Пг., 1915.

ная профессия. Всё началось с приказа командира 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-майора Пепеляева о привлечении к работам на нужды армии военнопленных, имевших специальности портных, шорников, сапожников, а позднее стало обыденностью, частью повседневного существования. Отчаявшись покинуть Сибирь, люди обзаводились семьями и оставались жить в Ново-Николаевске, Колывани, Барнауле, Томске, Нарыме. Первая и затем Вторая мировая войны создали в Новосибирской области большую диаспору австрийских немцев, венгров, славян – военнопленных Австрийской императорской армии.

К окончанию гражданской войны в России остро стал вопрос о том, что делать с военнопленными империалистической войны. Как их легализовать в новой советской России. В целом порядок действий был один – завершение процесса ликвидации лагерей и легализации военнопленных, в том числе и тех, кто был фактически давно на свободе, передали органам социального обеспечения. Про кого-то просто забыли, выдали новые документы по фамилиям жен, кого-то все-таки отправили на родину[3–8].

Процесс это проходил до 1925 г., когда в частности, циркуляром НКВД № 169 от 24 марта 1925 г. был определён порядок выезда на родину венгерских военнопленных и членов их семей⁴. Циркуляр был издан в связи с достижением соглашения по данному вопросу между Правительствами СССР и Венгрии. Но многие остались в Сибири и в том числе в Ново-Николаевске (Новосибирске), многие легли в сибирскую землю.

Тех же, кто остался жив, завел семью и продолжал жить на сибирской земле преследовала другая беда: они потеряли связь со своими близкими на своей исторической родине.

Один из путей к исправлению этой исторической несправедливости – работа неправительственных международных организаций. В Новосибирске такой организацией стала Новосибирская областная ассоциация Российско-Австрийского сотрудничества. Она устанавливает связи с общественными и культурными организациями Австрии. Проводит множество культурных, научных мероприятий. Благодаря поддержке общественности через Ассоциацию Посольством Австрии в Москве были переданы книги австрийских авторов в Новосибирскую областную научную библиотеку, на кафедру немецкого языка НГПУ. Ассоциация встречала в Новосибирске сборную Австрии по биатлону, которая принимала участие в Кубке мира. Но главное, за эти годы было уделено внимание тем, кто стал жертвами Первой и Второй мировых войн. Работа по этому направлению объединяет все виды неправительственной международной деятельности: образование, наука, спорт, искусство. Объединяет, потому что работа по поиску своих давно погибших близких, основана на прямом взаимодействии людей разных поколений, продолжающих жить и работать в разных областях жизнедеятельности общества (рис. 4).

Рисунок 4.

Магьяры из отряда Сухова

24.03.1925. О порядке выезда из России на родину венгерских военнопленных.

⁴ Государственный архив Новосибирской области. Циркуляр НКВД РСФСР № 169 от

В 1998 г., после четырёхлетней работы, Австрийским Чёрным Крестом и Ассоциацией был установлен Памятный знак военнопленным, подданным Австро-Венгрии (рис. 5), умершим в Новосибирске в 1914–1920 гг. Со-

браны материалы, которые позволяют и гражданам Австрии, и гражданам России узнать информацию о своих родственниках, оказавшихся за пределами границ этих двух государств, судьбы которых история крепко связала ⁵.

Рисунок 5.

Памятный знак военнопленным подданным Австро-Венгрии

Nowosibirsk/Russland

Enthüllung des Mahnmales: Der damalige Botschafter Österreichs in Moskau Dr. Walter Siegl, LGF Rieser, Präsident Lutzenko, russischer Dolmetsch und LGF Schuster (Bild oben, von links)

Grabdenkmal für die verstorbenen Kriegsgefangenen der k.u.k. Armee (Bild links)

⁵ Государственный архив Новосибирской области. Списки австро-венгерских военнопленных. 1916. Доклад о деятельности Управления по эвакуации населения. Материалы Ревкома г. Колывани (довольствие военнопленных). Доклад концентрационного лагеря (сентябрь – ок-

тябрь 1920). Приказ по гарнизону Ново-Николаевска № 24 от 07 февраля 1920 г. Список иностранно-подданных граждан, зарегистрированных Каинским административным управлением на 01 января 1925 г. Ф. №№ 61, 71, 168.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лэтчфорд Е. У.** С белой армией в Сибири [электронный ресурс] / перевод и комментарии В. Крупник // Сибирская заимка: История Сибири в научных публикациях. – 2000. – № 8. – URL: <http://zaimka.ru/white/latchford.shtml> (дата обращения: 18. 09.2014)
2. **Latchford E. W.** With the White Russians. 1933. Available at: <http://web.argo.net.au/andre> (accessed: 18. 09.2014)
3. **Боровников Н. А.** Война с Германией, Австро-Венгрией, Турцией. – М., 2014. – 35 с.
4. **Воцелка К.** История Австрии. – М.: Весь Мир, 2007. – 504 с.
5. **Чернин О.** В дни мировой войны. – М. – Пг.: Гиз, 1923, 300 с.
6. **Фабрика Ю. А.** Сибирь сражающаяся. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. – Т. 2. – 308 с.
7. **Erwin Ebert.** Euch steirer kenn. Graz, 1997.
8. **Ernst Hofer.** Ein Ort erinnert sich. Graz, 1996.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.11)

Lutsenko Andrei Aleksandrovich, Head of the Secondary School no. 7
“Novo-Nikolaevsky Kadet’s Korps”, Novosibirsk, Russian. Federation.
E-mail spasatel-k@mail.ru

PRISONERS OF WAR OF THE AUSTRIAN IMPERIAL ARMY IN NOVO-NIKOLAEVSK 1914–1918 AND MODERN FORMS OF NON-GOVERNMENTAL INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MATTER OF PRESERVING THE MEMORY OF THE VICTIMS OF WORLD AND LOCAL WARS

Abstract

In the article the problem of preserving the memory of the victims of world and local wars. The article also focuses on the need for the establishment and operation of non-governmental international organizations. In Novosibirsk this organization became the Novosibirsk Regional Association of Russian-Austrian Cooperation. It has established links with social and cultural organizations of Austria. Holds a lot of cultural and scientific events. Work in this direction includes all kinds of non-governmental international activities: education, science, sports, art. Unites because the search of his long-dead relatives, based on the direct interaction between people of different generations, continues to live and work in different sectors of society.

Keywords

preservation of the memory of the victims of world and local wars, international non-governmental organization

REFERENCES

1. Latchford E. W. With the White Russians. Translation and commentary V. Krupnik. *Sibirskaya Zaimka: History of Siberia in scientific publications*. 2000, no. 8. Available at: <http://zaimka.ru/white/latchford.shtml> (accessed: 18. 09.2014) (In Russian)
2. Latchford E. W. *With the White Russians*. Available at: <http://web.argo.net.au/andre> (accessed: 18. 09.2014)
3. Borovikov N. A. *The war with Germany, Austria-Hungary, Turkey*. Moscow, 2014, 35 p. (In Russian)
4. Vocolka K. *The History of Austria*. Moscow, Whole World Publ., 2007, 504 p. (In Russian)
5. Chernin O. *In the days of world war II*. Moscow – Petrograd, Gis Publ., 1923, 300 p. (In Russian)
6. Fabrika Y. A. *Siberia fighting*. Ch. 2. Novosibirsk, 2014, 308 p. (In Russian)
7. Erwin Ebert. *Euch steirer kenn*. Graz, 1997.
8. Ernst Hofer. *Ein Ort erinnert sich*. Graz, 1996.

© Н. И. Павлова, И. Н. Гайер

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.12)

УДК 93/94 + 930.25

СЫНЫ ЗЕМЛИ КАИНСКОЙ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ**Н. И. Павлова, И. Н. Гайер (Куйбышев, Новосибирская область, Россия)*

В фондах «Музейного комплекса» г. Куйбышева Новосибирской области хранятся фотографии и биографические сведения участников Первой мировой войны, ушедших на фронт из г. Каинска и Каинского уезда (ныне г. Куйбышев). Материалы, собранные директором дома-музея В. В. Куйбышева (1953–1981 гг.) А. В. Обласовой и участником гражданской войны в Сибири, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., кадровым военным М. И. Ступаковым, положены в основу данной статьи. М. И. Ступаков в своей книге «За правое дело» (Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977) рассказывает о бывших фронтовиках Первой мировой войны как об участниках гражданской войны на территории северных волостей Каинского уезда Томской губернии (ныне Куйбышевский, Венгеровский, Кыштовский районы Новосибирской области) и частично Тарского и Татарского уездов Тобольской губернии (ныне Омская область). В статье перечислены фамилии участников Первой мировой войны с краткими биографическими данными.

Ключевые слова: Первая мировая война, гражданская война в Каинском уезде Томской губернии, участники Первой мировой войны, г. Каинск, г. Куйбышев, М. И. Ступаков, А. В. Обласова.

В фондах Музейного комплекса г. Куйбышева хранятся фотографии и биографические сведения участников Первой мировой войны – наших земляков. Эти материалы, по-

ложенные в основу нашей статьи, собраны директором дома-музея В. В. Куйбышева в 1953–1981 гг. А. В. Обласовой¹ и участником гражданской войны в Сибири, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., кадровым

* Статья подготовлена по результатам работы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Сибирь и войны XIX–XX веков» (8–10 июня 2014 г.).

Павлова Наталья Иннокентьевна – директор муниципального казенного учреждения культуры «Музейный комплекс», г. Куйбышев, Новосибирская область.

E-mail: m1056@mail.ru

Гайер Ирина Николаевна – начальник научно-методического отдела муниципального казенного учреждения культуры «Музейный комплекс», г. Куйбышев, Новосибирская область.

E-mail: m1056@mail.ru

¹ Беляев Л. Ф. Строители и воины // Знамя труда. 1962. 15 июня. № 17. С. 3.

военным М. И. Ступаковым, который в своей книге «За правое дело»² рассказывает о бывших фронтовиках Первой мировой войны как об участниках гражданской войны на территории северных волостей Каинского уезда Томской губернии (ныне Куйбышевский, Венгеровский, Кыштовский районы Новосибирской области) и частично Тарского и Татарского уездов Тобольской губернии (ныне Омская область)³.

Главная задача статьи – восстановить поименный список участников Первой мировой войны – жителей Каинского уезда на основе обозначенных материалов и исследовательской работы сотрудников «Музейного комплекса» г. Куйбышева. Это первая попытка обобщить краеведческие материалы по данной теме. Далее следует поименный список лиц:

Золоторенко Фома Иванович, родился в 1890 г. в д. Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области) в семье ссыльного. За мужество и храбрость Фома Иванович был произведен в старшие унтер-офицеры, награжден именным оружием, царской медалью, тремя Георгиевскими крестами и представлен к четвертому «Георгию». На фронте сблизился с большевиками. После Февральской революции солдаты выбрали его командиром полка. За отказ вести полк в наступление по приказу Керенского Золоторенко арестован, лишен всех наград и предан военному

трибуналу. От расстрела его спасла Октябрьская революция. Вернувшись домой, он был избран делегатом на волостной съезд Советов. В июне 1919 г. организовал партизанский отряд. 19 сентября 1919 г. был пойман белогвардейцами, жестоко истерзан и живым закопан в яму 20 сентября 1919 г. близ с. Шипицино⁴.

Золоторенко Иван Иванович, младший унтер-офицер. Служил в г. Харбине в 618 дружине. После демобилизации вернулся в родную д. Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). Вел активную работу против эсеров. В 1919 г. вместе с братом Фомой Золоторенко организовал партизанский отряд, который и возглавил после смерти брата. Умер в 1927 г. от туберкулеза легких⁵.

Горовацан Антон Викторович, родился в 1897 г. Окончил Режецкую гимназию. Семья Горовацан переселилась в Сибирь и проживала в д. Тимофеевке Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). Участник Первой мировой войны, был писарем штаба. Октябрьскую революцию встретил в Псковской тюрьме, куда был посажен за пропаганду против Временного правительства. В Пскове он вступил в партию большевиков. В августе 1917 г. вернулся в д. Тимофеевку. Во время восстания против Колчака в июне 1919 г. избран начальником партизанского штаба севера Каинского уезда. 10 августа 1919 г. был повешен в с. Шипицино⁶.

² Ступаков М. И. За правое дело. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977.

³ Ступаков М. И. За правое дело. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977. С. 2.

⁴ Воспоминания А. Н. Угодиной о братьях Золоторенко // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 1.

⁵ Воспоминания А. Н. Угодиной о братьях Золоторенко // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 2.

⁶ Воспоминания М. Васильева о А. В. Горовацан // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 3.

Горовацан Эдуард Викторович, родился в Латвии в 1892 г. Вместе с родителями переехал в Сибирь в д. Тимофеевку Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). В 1916–1917 гг. находился в царской армии, член солдатского комитета. Член РКП/б/с 1920 г., боец ЧОН, административный и партийный работник. В годы Великой Отечественной войны – начальник политотдела дивизии. Погиб на фронте в 1943 г.⁷

Фурман Моисей Исаевич (1897–1919), родился в г. Каинске. Окончил городскую школу и работал наборщиком в типографии. После возвращения с фронта участвовал в гражданской войне на территории Каинского уезда, член первого большевистского Совета Каинского уезда⁸.

Копьев Алексей Егорович (1887–1920), родился в д. Алексеевка Верхне-Красноярской волости Каинского уезда (ныне Северный район Новосибирской области). В годы Первой мировой войны служил на крейсере «Аврора». После Февральской революции был председателем судебного комитета. В ряды РСДРП/б/ вступил в 1917 г. В дни Октябрьской революции участвовал в штурме Зимнего дворца в г. Петрограде. В начале 1918 г. его направляют на продовольственную работу в Каинский уезд⁹.

Зубков Григорий Иванович, родился в 1894 г. в с. Антошкино Покровской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Участник Первой и Второй мировых войн. В Первую мировую был в плену. Во время Великой Отечественной войны пропал без вести в 1943 г.¹⁰

Семенов Павел Дмитриевич (17.08.1890–09.01.1938), родился в с. Антошкино Покровской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. Со слов родственников, в годы Первой мировой войны видел В. И. Ленина и слушал его выступления, распространял листовки и прокламации среди солдат. Арестован 14 сентября 1937 г. 9 января 1938 г. расстрелян (кулак-эксплуататор, ст. 58-7-10). Реабилитирован 15 мая 1959 г.¹¹

Семенов Алексей Дмитриевич (1880–1963), родился в с. Антошкино Покровской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. Был в плену, трижды бежал¹².

Зубков Василий Иванович, родился в 1888 г. в с. Антошкино. Пришел с фронта в 1918 г.

Зубков Петр Иванович, родился в 1894 г. в с. Антошкино. Погиб.

⁷ Воспоминания М. Васильева об А. В. Горовацан // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 4.

⁸ Воспоминания Б. Г. Розенфельд о братьях Фурман // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 5.

⁹ Воспоминания Зырянова о А. Е. Копьеве // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 6.

¹⁰ Воспоминания М. Г. Семёновой об участниках Первой мировой войны д. Антошкино // Архив

Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 7.

¹¹ Воспоминания М. Г. Семёновой об участниках Первой мировой войны д. Антошкино // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 8.

¹² Воспоминания М. Г. Семёновой об участниках Первой мировой войны д. Антошкино // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 9.

Евдокимов Федор, родился в с. Антошкино. Пришел с фронта раненый, без ноги.

Первушин Степан Ионович, родился в 1886 г. в с. Антошкино. Вернулся с фронта в 1920 г.

Вдовин Петр Михайлович, родился в 1886 г. в с. Антошкино. Был в плену восемь лет в Польше. Пришел в 1920 г.

Петров Трофим Климентьевич, родился в 1880 г. в с. Антошкино.

Петров Михаил Климентьевич, родился в 1890 г. в с. Антошкино.¹³

Скультецкий Василий Станиславович (1884–1966). Призван в 1914 г. из с. Тюленево (Ново-Плотниково) Верх-Ичинской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области). Воевал на Румынском фронте в 1916–1917 гг. Был в плену в Румынии¹⁴.

Достовалов Яков Васильевич, родился в с. Балман (предположительно в 1879 г.). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Унтер-офицер царской армии. Полный Георгиевский кавалер. В 1918 г. вернулся с

фронта, работал в колхозе. 1941–1942 гг. был председателем сельсовета. Умер в 1968 г.¹⁵

Пугач Иван Савельевич (1893–1930)¹⁶.

Кострулевич Леонтий Минеевич (1894–1918)¹⁷.

Думбов Семён Кузьмич¹⁸.

Томзиков Иван Андреевич¹⁹.

Бурдыко Никифор Яковлевич, родился в Белоруссии, Минской губернии, Игуменского уезда, Николаевского прихода, в пос. Дашков. Мобилизован из д. Ефремовка Каинского уезда Томской губернии. На фронте был захвачен в плен, находился в Германии. По окончании войны жил в г. Куйбышеве. Умер в 1957 г.²⁰

Бурдыко Иван Яковлевич. В гражданскую войну служил в армии Колчака²¹.

Шаталов Иван Семенович. Родился в д. Таганово Верх-Ичинской волости Каинского уезда. Погиб в 1914–1915 гг.²²

Усанов Андрей Николаевич, родился предположительно в 1883 г. в д. Старково²³.

¹³ Воспоминания М. Г. Семёновой об участниках Первой мировой войны д. Антошкино // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464. С. 10.

¹⁴ Воспоминания Ю. Е. Скультецкого о В. С. Скультецком [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

¹⁵ Воспоминания Н. Г. Носовой о Я. В. Достовалове // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464. С. 11.

¹⁶ Памяти т. Пугача // Коммуна, март 1930. № 31.

¹⁷ Воспоминания В. Я. Кострулевича о Л. М. Кострулевиче // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464. С. 12.

¹⁸ Воспоминания Е. В. Розан о Н. Н. Малахове, С. К. Думбове, И. А. Томзикове // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464. С. 13.

¹⁹ Воспоминания Е. В. Розан о Н. Н. Малахове, С. К. Думбове, И. А. Томзикове // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464. С. 13.

²⁰ Воспоминания А. А. Бурматова о Н. Я и И. Я. Бурдыко, о И. С. Шаталове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

²¹ Воспоминания А. А. Бурматова о Н. Я и И. Я. Бурдыко, о И. С. Шаталове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

²² Воспоминания А. А. Бурматова о Н. Я и И. Я. Бурдыко, о И. С. Шаталове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

²³ Воспоминания Г. А. Шихалевой о А. Н. Усанове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

Тишенков Николай. Призван в августе 1914 г., воевал в Австрии. Умер в 1921 г. от воспаления легких²⁴.

Кулябин Иван, родился на Урале. В целях освоения (расширения земли) приехал в с. Долгушино Каинского уезда. До переселения воевал на фронтах Первой мировой в 1914–1918 гг. Умер в начале 1930-х гг.²⁵

Миронов Иван Тимофеевич²⁶.

Мартынов Павел Васильевич²⁷.

Следующие имена участников Первой мировой войны выявлены на основе двадцатилетней историко-краеведческой деятельности М. И. Ступакова:²⁸

Кучумов Василий Дмитриевич, родился в 1892 г. в д. Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). Призван в царскую армию в 1913 г. В годы Первой мировой войны в чине офицера командовал разведкой. За храбрость в боях награжден двумя Георгиевскими крестами и произведен в фельдфебели. После Февральской революции был избран председателем солдатского комитета, преследовался при Временном правительстве за большевистские взгляды, участвовал в его свержении в Петрограде. По возвращению с фронта был избран в состав первого волостного большевистского Совета. После разгрома колчаковщины командовал отрядом ЧОН, участвовал в подавлении ишимского кулацкого мятежа 1921 г., был зам. председателя коммуны «Солнце труда», председателем колхоза и сельсовета. Погиб в 1942 г. на фронте Великой Отечественной войны.

Васильев Макарий Савватеевич (1896–1967). Сын моряка, участвовавшего в первой русской революции и находившегося при царском режиме под надзором полиции. М. С. Васильев рано познакомился с нелегальной литературой. С 1915 г. он находился на фронте в чине старшего унтер-офицера. После ранения служил в Омске, где вступил в ряды РСДРП/б/ и был избран председателем солдатского комитета. Омская партийная организация направила его для организации советских местных органов власти в деревне, в Шипицинскую волость.

Поповцев Вонифатий Антонович, родился в 1892 г. в д. Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области) в семье крестьянина-середняка. Участник Первой мировой войны (618 Харбинская ополченская дружина). После Февральской революции 1917 г. был избран председателем солдатского комитета дружины, участвовал в организации восстания против генерала Хорвата. В марте 1917 г. вступил в партию большевиков и вел активную борьбу за Советы. После возвращения с фронта в составе партизанского отряда воевал против колчаковцев. Член Ревкома Шипицинской волости. Умер в марте 1920 г. от тифа в д. Минино.

Поповцев Зиновий Леонтьевич, родился в 1897 г. в д. Минино Шипицинской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). В 1916 г. призван в царскую армию, направлен на фронт. В 1917 г. вернулся домой. Во время восстания

²⁴ Воспоминания Т. Г. Чистяковой о Н. Тишенкове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

²⁵ Воспоминания Л. А. Зуевой о И. Кулябине [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

²⁶ Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 14.

²⁷ Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВф 1464. С. 14.

²⁸ Ступаков М. И. За правое дело. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1977. С. 5–12, 15–21, 58, 66–67.

против колчаковцев одним из первых вступил в партизанский отряд Ф. И. Золоторенко. В ночь с 20 на 21 сентября 1919 г. его зверски изуродовали белогвардейцы и еще живым закопали в яму не далеко от с. Шипицино.

Поротников Георгий Иванович (1894–1936), родился в с. Шипицино Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области) в семье среднего крестьянина. В мае 1915 г. призван в армию, окончил учебную команду в 26-м Сибирском стрелковом запасном полку и осенью 1915 г. был отправлен на фронт, где командовал пулеметным взводом в 16-м стрелковом полку на Северо-Западном фронте. После Февральской революции избран в состав солдатского комитета, а затем был делегатом на армейский съезд от своего полка, за участие в котором отстранен от должности командира взвода и откомандирован в другую дивизию той же армии. За выступление против наступления, объявленного Керенским в июне 1917 г., арестован и осужден военно-полевым судом в дисциплинарный батальон, из которого бежал и скрывался в Риге. Там он познакомился с рабочими Рижских вагоноремонтных мастерских и вступил в РСДРП(б). В январе 1918 г. вернулся в с. Шипицино.

Макаров Владимир Михайлович (1889–1926), родился в семье политического ссыльного в д. Ключевой Усть-Тартасской волости Каинского уезда (ныне Венгеровский район Новосибирской области). В 1915 г. – выпускник Московского коммерческого института. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. за антиправительственную пропаганду молодого прапорщика выслали из пределов действующей армии. В начале 1918 г. стал инструктором Центрального революционного штаба московского военного округа как член ЦИК рабочих и солдатских депутатов Западного фронта. После возвращения с фронта домой

избран членом первого Спасского Совета. С июня 1919 г. – командир партизанской армии (в армию входило несколько партизанских отрядов).

Венгеров Михаил Трофимович, родился в 1895 г. в с. Спасском (ныне с. Венгерово Новосибирской области) в семье высланного из Херсонской губернии бедняка. Призван в армию в 1915 г. Февральскую революцию встретил в Петрограде. Участвовал в свержении Временного правительства. В Петрограде вступил в партию большевиков. По возвращению домой – комиссар партизанского отряда на севере Каинского уезда. 26 июля 1919 г. расстрелян белогвардейцами на берегу р. Тартасс в с. Спасское.

Показанов Павел Осипович, родился в 1893 г. в с. Кама Каминской волости Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области) в семье крестьянина-середняка. В 1914 г. призван в царскую армию в артиллерию, окончил учебную команду, удостоен звания младшего унтер-офицера и направлен на фронт. За храбрость в боях во время войны награжден всеми степенями Георгиевских крестов и удостоен звания прапорщика. После ранения в 1916 г. попал в госпиталь в г. Петрограде, а после излечения назначен в артиллерийский полк Петроградского гарнизона. После Февральской революции 1917 г. избран председателем солдатского полкового комитета, вступил в ряды РСДРП(б). В Октябрьскую революцию Павел Осипович участвовал в разоружении Михайловского юнкерского училища. После Октябрьской революции командирован в г. Омске и назначен военным комендантом города/станции Омск, но в связи с болезнью был демобилизован и прибыл к себе на Родину. Принимал участие в установлении Советской

власти в Каинском уезде. 28 июля 1919 г. расстрелян белогвардейцами в числе 10 человек близ с. Кама в роще.

Артемьев Петр Максимович (1893–1919), родился в г. Каинске в бедной семье. На фронте, после Февральской революции, избран председателем солдатского комитета, а в апреле 1917 г. вступил в ряды РСДРП/б/. Осенью 1917 г. вернулся с фронта и вел активную работу по организации Советской власти в Каинске и уезде.

Пиотровский Павел Карлович (1895–1918), родился в г. Новониколаевске. Окончил гимназию, в дальнейшем получил юридическое образование. На фронте вступил в партию социал-демократов в 1917 г. В 1918 г. губкомом партии г. Новониколаевска командирован в г. Каинск для усиления парторганизации в городе и организации Советской власти в уезде.

Чубыкин Иван Савватеевич (1883–1921), родился в семье крестьянина-бедняка в д. Межовке Биазинской волости Каинского уезда (ныне Кыштовский район Новосибирской области). В 1915 г. призван в армию в 617-ю ополченскую дружину в г. Омск. В 1916 г. отправлен на Кавказский фронт. Там он познакомился с революционно настроенными солдатами и стал сочувствующим большевикам. В 1917–1918 гг. после возвращения с фронта И. С. Чубыкин принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти в Каинском уезде.

Шиманович Иван Михайлович (1896–1919), родился в г. Барабинске в семье служащего. Окончил гимназию и работал телеграфистом. В 1915 г. призван в царскую армию, окончил школу прапорщиков и направлен на фронт. После Февральской революции избран в солдатский комитет. После Октябрьской революции вернулся домой и принимал активное участие в борьбе с белочехами.

Добрыгин Павел Родионович (1892–1919), родился в с. Кама Каинского уезда (ныне Куйбышевский район Новосибирской области) в семье крестьянина-середняка. В 1913 г. призван в царскую армию в кавалерию. В 1914 г. направлен на Западный фронт, председатель солдатского комитета, член РСДРП/б/. После возвращения с фронта избран в первый Каминский волостной Совдеп. Активный участник гражданской войны на территории Каинского уезда.

Закриевский Макар Степанович (1884–1918), родился на Украине. Выслан в Сибирь. Во время Первой мировой войны находился на фронте в чине старшего унтер-офицера, затем прапорщика. После Февральской революции – председатель полкового солдатского комитета, член РСДРП/б/. После возвращения с фронта, в начале 1918 г. избран председателем Совдепа Татарского уезда Томской губернии. Во время мятежа чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. назначен командующим фронтом Красной гвардии.

Копейкин Трофим Мартынович (1889–1919), родился в г. Минске, сирота, воспитывался у портного еврея. В царскую армию призван в 1910 г. В 1913 г. – демобилизован. В 1914 г. призван вновь. После Февральской революции – председатель солдатского комитета, член РСДРП/б/. После возвращения с фронта принимал участие в установлении Советской власти в Каинском уезде.

Гетман Евгений Федорович (1886–1962). Переселенец из Полтавской губернии. С 1910 г. по 1913 г. служил в Петрограде, затем воевал на фронте. За мужество награжден двумя Георгиевскими крестами. Вернулся домой в чине старшего унтер-офицера убежденным сторонником партии большевиков.

Абросимов Петр Иванович (1896–1919); Акулов Яков Иванович (1895–1919); Алехин Мирон Ефимович – служил в Харбине в 618-й

пешей Томской дружины; Артикулов; Бабарыкин Егор Игнатьевич; Баранов Николай Иванович; Бейлин Георгий Константинович; Безотеческий Петр; Бирюков Сергей Григорьевич; Бирюков Михаил Григорьевич; Бобров Антон Кириллович; Бойченко Семен Андреевич (1896–1919); Ваганов Дмитрий Филиппович; Винокуров Александр Кузьмич; Винокуров Максим; Герасенко Федор Леонтьевич (1895–1919); Гершалов Никифор; Гуроль Николай Петрович (1895–1918); Давыдов Петр Иванович; Епанчинцев Илья Прокопьевич; Ерошенко Лев Терентьевич; Железчиков Перфил Николаевич – георгиевский кавалер; Коробейников Алексей; Кузнецов Иван Антонович; Куницкий Устин Францевич; Лавров Максим Захарович; Леушин Даниил Семенович; Лобанов Александр Ефимович; Малков Николай Гаврилович; Мальцев Демид Никифорович (1895–1919); Марков Игнатий Павлович; Медведев Иван Иванович; Никитин Павел Кондратьевич; Носков Николай Михайлович (1889–1919); Ожерельев Василий Киприянович (1894–1944); Папшев Яков Матвеевич

(1894–1918); Поляченко Амплей Илларионович (1895–1919); Посохин Петр Михайлович; Пуртов Артемий Кириллович (1890–1919); Пушкарев Александр Леонтьевич; Руденков Даниил Митрофанович (1895–1919); Рыбин Никон Петрович; Рыбин Иван Петрович; Смышляев Иван Васильевич (1895–1949); Смышляев Василий Васильевич (1880–1944); Суслов Михаил Яковлевич (1892–1920); Суходолов Николай Васильевич; Татаркин Егор Сыроевич; Тюрин Павел Леонтьевич (1887–1919); Тюрин Дмитрий Леонтьевич (1889–1919); Урюпин Ефим Елисеевич (1897–1919); Ушаков Аким Иванович; Цепелев Прокопий Матвеевич; Чепкой Илья Максимович (1896–1919).

Это далеко не полный список участников Первой мировой войны – наших земляков, поэтому работа будет продолжена краеведами, историками, сотрудниками музеев. Пройдут годы, новые десятилетия и фамилии наших земляков будут бесценным свидетельством Первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ступаков М. И.** За правое дело. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1977. – С. 5–12, 15–21, 58, 66–67.
2. **Воспоминания** Б. Г. Розенфельд о братьях Фурман. 28.12.1957 г. // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
3. **Воспоминания** М. Васильева о А. В. Горовоцан. 23.06.1957 г. // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
4. **Воспоминания** А. Н. Угодиной о братьях Золоторенко. 20.10.1972 г. // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
5. **Воспоминания** Зырянова о А. Е. Копьеве. 26.09.1962 г. // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
6. **Воспоминания** В. Я. Кострулевич о Л. М. Кострулевиче. 13.12.1957 г. // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
7. **Памяти** т. Пугача // Коммуна. – 1930, март. – № 31.
8. **Беляев Л. Ф.** Строители и воины // Знамя труда. – 1962, 15 июня. – № 17. – С. 3.
9. **Воспоминания** М. Г. Семёновой об участниках Первой мировой войны д. Антошкино. 12.11.2013 г. // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.

10. **Воспоминания** Е. В. Розан о Н. Н. Малахове, С. К. Думбове, И. А. Томзикове. 20.08.2014 г. // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
11. **Воспоминания** Ю. Е. Скультецкого о В. С. Скультецом [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
12. **Воспоминания** Н. Г. Носовой о Я. В. Достовалове // Архив Музейного комплекса города Куйбышева, МВБК КП НВФ 1464.
13. **Воспоминания** А. А. Бурматова о Н. Я. и И. Я. Бурдыко, о И. С. Шаталове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.
14. **Воспоминания** Г. А. Шихалевой о А. Н. Усванове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.
15. **Воспоминания** Т. Г. Чистяковой о Н. Тишенкове [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.
16. **Воспоминания** Л. А. Зуевой о И. Кулябине [звукозапись] // Архив Музейного комплекса города Куйбышева.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.12)

Pavlova Natalia Innokentyevna, Director, Museum complex of the town Kuibyshev, Kuibyshev, Novosibirsk region, Russian Federation.

E-mail: m1056@mail.ru

Gayer Irina Nikolaevna, head of scientific-methodical Department, Museum complex of the town Kuibyshev, Kuibyshev, Novosibirsk region, Russian Federation.

E-mail: m1056@mail.ru

THE SONS OF THE KAINSK` EARTH ON THE FRONTS OF THE FIRST WORLD WAR

Abstract

The funds of Kuibyshev` Museum complex contain photos and biographical information about the veterans of the First world war – our fellow countrymen. These materials, collected by V. A. Oblasova, the director of the house-Museum V. V. Kuybyshev 1953–1981 years, and the participant of the civil war in Siberia, the great Patriotic war 1941–1945 years, military personnel M. I. Stupakov, put on the basis of this article. M. Stupakov in his book “For the right thing” (Novosibirsk, West-Siberian publishing house, 1977) tells about the veterans of the First world war how about the participants of the civil war on the territory of the Northern townships Kainsk district of Tomsk province (now Kuibyshevskiy, Vengerovskiy, Kustovskiy districts of the Novosibirsk region) and partly Tara and Tatar districts of the Tobolsk province (now Omsk region).

The fate of each of them is a part of destiny of nation. The same time it is individual.

Keywords

First world war, the civil war in the Kainsk district of Tomsk province, participants of the First world war, Kainsk, Kuibyshev, M. I. Stupakov, A. V. Oblasova

The sons of the Kainsk` earth on the fronts of the First world war.

The funds of Kuibyshev` Museum complex contain photos and biographical information about the veterans of the First world war – our fellow countrymen. These materials, collected by V. A. Oblasova²⁹, the director of the house-Museum V. V. Kuybyshev 1953–1981 years, and the participant of the civil war in Siberia, the great Patriotic war 1941–1945 years, military personnel M. I. Stupakov, put on the basis of this article.

M. Stupakov in his book “For the right thing”³⁰ tells about the veterans of the First world war how about the participants of the civil war on the territory of the Northern townships Kainsk district of Tomsk province (now Kuibyshevskiy, Vengerovskiy, Kustovskiy districts of the Novosibirsk region) and partly Tara and Tatar districts of the Tobolsk province (now Omsk region)³¹.

The main task of this article is to restore the full list of participants of the First world war – residents Kainsk County on the basis of the above-

²⁹ Belyaev L. F. Builders and fighters. *Banner of labor*. 1962. 15 June. No. 17. p. 3.

³⁰ Stupakov M. I. *For the right thing*. Novosibirsk, West-Siberian publishing house, 1977.

³¹ Stupakov M. I. *For the right thing*. Novosibirsk, West-Siberian publishing house, 1977. p. 2.

mentioned materials and research staff of the Museum complex. This is the first attempt to generalize the study materials on this topic.

Zolotarenko Foma Ivanovich born in 1890 in the village Minino Shipitzinskoy townships of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region) in the family of exiled. For courage and bravery Foma Ivanovich was promoted to senior non-commissioned officer, was awarded by personal arm, the Royal medal, three crosses of St. George and presented to the fourth George. At the front became friendly with the bolsheviks. After the February revolution soldiers chose him as commander of the regiment. For refusing to lead the regiment in the attack on the orders of Kerensky, Foma Ivanovich was arrested, deprived all awards and given to the military Tribunal. From the execution he was saved by the October revolution. Returning home, he was elected as a delegate to the volost Congress of Soviets. In June 1919, organized a partisan detachment. 19th September 1919, he was captured by the whites, severely bruised, and buried alive in a pit near the village Shipitzino³². 20th September 1919.

Zolotarenko Ivan Ivanovich. Junior non-commissioned officer. Served in Harbin in 618 squad. After demobilization he returned in home village Minino Shipitzinskoy townships of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region). Was active against the revolutionaries. In 1919, together with his brother organized a partisan group and headed it after brother's death. Died of tuberculosis in 1927³³.

Gorovatsan Anton Victorovich born in 1897. The family moved to Siberia and lived in the village of Timopheevka Shipitzinskoy townships of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region). The participant of the First world war, the clerk at the headquarters. The October revolution had met in Pskov prison, where he was locked in for the propaganda against the Provisional government. In Pskov he joined the Bolshevik party. In August 1917 he returned to the village. During the uprising against Kolchak in June 1919, he was elected by head of the partisan headquarters of the North Kainsk County. 10th August of 1919 he was hanged in Shipitzino³⁴.

Gorovatsan Eduard Victorovich born in 1892 in Latvia. Together with parents moved to Siberia, in the village Timopheevka Shipitzinskoy townships of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region). In 1916–1917 was in the tsarist army, the member of soldier committee. The member of RCP(b), the stain of parts of the special purpose, administrative and party worker. In WWII the head of the political section of the division. Died at the front in 1943³⁵.

Furman Moisey Isaevich (1897–1919) was born in, Kainsk. Graduated town school and worked as a typesetter. After returning from the front participated in the civil war on the territory

³² Memories of A. Ugodina about brothers Solotarenko. 20.10.1972. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 1.

³³ Memories of A. Ugodina about brothers Solotarenko. 20.10.1972. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 2.

³⁴ Memories of M. Vasilyev about the A. Gorovotzan. 23.06.1957. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 3.

³⁵ Memories of M. Vasilyev about the A. Gorovotzan. 23.06.1957 *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 4.

Kainsk County, member of the 1st Bolshevik Council Kainsk County³⁶.

Kopyev Alexey Egorovich (1887–1920) born in village Alekseevka Top-Krasnoyarsk parish Kainsk County (now Northern district of Novosibirsk region). During the First world war he served on the cruiser “Aurora”. After the February revolution he was the Chairman of the ship Committee. In the ranks of the RSDLP/b/ came in 1917. In the days of the October revolution participated in the storming of the Winter Palace, Petrograd. In 1918 he was sent for the organization of collection of food in Kainsk County³⁷.

Zubkov Grigoriy Ivanovich born in 1894 in village Antoshkino Pokrov parish Kainsk County (now the Kuibyshev district of Novosibirsk region). The participant of the First and Second world wars. In the First world war was in captivity. Missing in action in 1943 during the Great Patriotic war of 1941-1945³⁸.

Semenov Pavel Dmitrievich (17.08.1890–09.01.1938) born in village Antoshkino Pokrov parish Kainsk County (now the Kuibyshev district of Novosibirsk region). Participant of the First world war, a non-commissioned officer. According to relatives, in the years of the First world war saw V.I. Lenin and listened his speech, distributed leaflets and proclamations among soldiers. Arrested on 14th September 1937. January 9,

1938. was shot as a first-exploiter (Art. 58-7-10). Rehabilitated 15 may 1959³⁹.

Semenov Alexey Dmitrievich (1880–1963) was born in village Antoshkino Pokrov parish Kainsk County (now the Kuibyshev district of Novosibirsk region). Participant of the First world war, a non-commissioned officer. Was in captivity, three escaped⁴⁰.

Zubkov Vasiliy Ivanovich born in 1888 in the village Antoshkino. Returned from the front in 1918.

Zubkov Petr Ivanovich born in 1894 in the village Antoshkino. Died.

Evdokimov Fedor born in the village Antoshkino. Returned the wounded, without foot.

Pervushin Stepan Ionovich born in 1886 in the village Antoshkino. Returned in 1920.

Vdovin Petr Michailovich Returned in 1920. Was in captivity in Poland. Returned in 1920.

Petrov Trofim Klimentyevich born in 1880 in the village Antoshkino.

Petrov Mikhail Klimentyevich born in 1890 in the village Antoshkino⁴¹.

Skultetskiy Vasily Stanislavovich (1884–1966) drafted in army in 1914 from village Tulenevo (Novo-Plotnikovo) Top-Ichinsky parish Kainsk County (now the Kuibyshev district of Novosibirsk region). Fought on the Romanian

³⁶ Memories of B. Rosenfeld about brothers Furman. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 5.

³⁷ Memories of Ziryanov about Kopyev. 26.09.1962. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 6.

³⁸ Memories M. Semenova about the participants of the First world war from village Antoshkino. 12.11.2013 *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 7.

³⁹ Memories M. Semenova about the participants of the First world war from village Antoshkino.

12.11.2013. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 8.

⁴⁰ Memories M. Semenova about the participants of the First world war from village Antoshkino. 12.11.2013. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 9.

⁴¹ Memories M. Semenova about the participants of the First world war from village Antoshkino. 12.11.2013. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 10.

front in 1916–1917. Was in captivity in Romania⁴².

Dostovalov Yakov Vasilyevich born in village Balman (presumably in 1879). Participant of Russian-Japanese and First world war. Non-commissioned officer in the tsarist army. Full George cavalier. In 1918 returned from the front, worked in collective farm. 1941 – 1942 -Chairman of the village Council. Died in 1968⁴³.

Pugach Ivan Savelyevich (1893–1930)⁴⁴

Kostrulevich Leontiy Minehevich (1894–1918)⁴⁵

Dumbov Semen Kuzmich⁴⁶.,

Tomsikov Ivan Andreevich⁴⁷

Burdyko Nikifor Yakovlevich born in Belarus, was mobilized from the village Efremovka Kainsk County. Was captured, was in Germany. After returning lived in Kujbyshev. Died in 1957⁴⁸.

Burdyko Ivan Yakovlevich in civil war did in Kolchak armies⁴⁹.

Shatalov Ivan Semenovich born in village Taganovo of Kainsk district. Died in 1914-1915 years⁵⁰.

Kuchumov Vasiliy Dmitrievich born in 1892 in the village Minino Shipitzinskoy townships of the (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region). Drafted into the tsarist army

in 1913. During the First world war as an officer commanded exploration. For courage in fights awarded two crosses of St. George and produced in feldfebel. After the February revolution he was elected Chairman of the military Committee, was persecuted under the Provisional government for the bolshevik views, participated in its overthrow in Petrograd. On returning home from the front was elected to the first parish of the Bolshevik Council. After the defeat of Kolchak armee commanded a detachment of parts for special purposes, participated in the suppression of the Ishim kulak uprising of 1921, was the Deputy Chairman of the commune “The Sun of labor”, the Chairman of the collective farm and the village Council. Died in 1942 in the great Patriotic war.

Vasilyev Makariy Savvatehevich (1896–1967). Son of a sailor, who participated in the first Russian revolution and was under police surveillance under the tsarist regime. Vasilyev soon became acquainted with illegal literature. From 1915 he was at the front in the rank of a senior non-commissioned officer. After the injury, he served in Omsk, where he joined the RSDLP(b) and was elected Chairman of the military Committee. Omsk party organization sent him for organization of the Soviet local authorities in a village in Shipitzinskaya township.

⁴² Memories Yuriy Skultezkiy about V. Skultezkiy (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex*.

⁴³ Memories N. Nosova about Y. Dostovalov (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 11.

⁴⁴ To the memory of comrade Pugach. *Commune*. 1930, March, no. 31.

⁴⁵ Memories of V. Kostrulevitch about L. Kostrulevitch. 13.12.1957. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 12.

⁴⁶ Memories E. Rosan about N. Malachov, S. Dumbov, I. Tomsikov. 20.08.2014. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p. 13.

⁴⁷ Memories E. Rosan about N. Malachov, S. Dumbov, I. Tomsikov. 20.08.2014. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*. p.13.

⁴⁸ Memories A. Burmatov about brothers Burdyko, I. Shatalov (sound recording) *The archive of Kuibyshev Museum complex*.

⁴⁹ Memories A. Burmatov about brothers Burdyko, I. Shatalov (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*.

⁵⁰ Memories A. Burmatov about brothers Burdyko, I. Shatalov (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*.

Popovtsev Wonifatiy Antonovich born in 1892 in the village of Minino Shipitzinskoy townships of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region) in the peasant family. The participant of the First world war (618th Harbin militia squad). After the February revolution was elected Chairman of the Committee of soldiers' squad, involved in organizing the revolt against General Horvat. In March 1917 enters the Bolshevik party and actively struggle for the Councils. After returning from the front fight in the partisan army against the army of Kolchak. Member of the revolutionary Committee Shipitzinskoy township. Died in March 1920 from typhus in the village of Minino.

Popovtsev Zinovi Leontyevich born in 1897 in the village of Minino Shipitzinskoy townships of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region). In 1916 he was drafted into the tsarist army and sent to the front. In 1917 returned home. During the uprising against Kolchak was one of the first joined a partisan detachment of Zolotarenko F.I. In the night of 20 to 21 September 1919 he was tortured by the whites and still alive was buried them in a pit near the village Shipitzino.

Porotnikov Georgy Ivanovich (1894–1936) born in the village Shipitzino of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts of the Novosibirsk region) in peasant's family. In May 1915 was drafted into the army, graduated from the educational team in the 26th Siberian infantry reserve regiment and in the autumn of 1915 was sent to the front, where he was a commander of a machine-gun platoon in 16 rifle regiment in the North-Western front. After the February revolution was elected as member of the Committee of soldiers', and then was a delegate to army congress from of his regiment, for the participation in which dismissed from the post of platoon and was assigned to another division of the same

army. After protesting against the offensive, Krensky declared in June 1917, arrested and convicted martial court in the disciplinary battalion, from whom he had fled, and hid in Riga. There he met with the workers of the Riga car-repair workshops and joined the party. In January 1918 he returned home.

Makarov Vladimir Michailovich (1889–1926) born in the family of political prisoner in village Klyuchevoy of the Kainsk district (now Vengerovskiy districts). In 1915 graduated from Moscow commercial Institute. The participant of the First world war. In 1917 for anti-government propaganda young ensign was sent from the army. In 1918 he became an instructor of the Central revolutionary headquarters of the Moscow military district as a member of the CEC of workers and soldiers deputies of the Western front. After returning home was elected a member of the 1st Spassk Council. From June 1919 – the commander of the partisan army.

Vengerov Michail Trofimovich born in 1895 in village Spassk (now Vengerovo Novosibirsk region) in the family of a poor man, sent from Kherson region. In 1915 drafted into the army. The February revolution met in Petrograd. Participated in the overthrow of the Provisional government. In Petrograd he joined the party of the Bolsheviks. Returning home he became the commander of the partisan detachment in the North of Kainsk county. 26th July 1919 shot by the whites on the banks of the river Tartass in the village of Spasskoe.

Pokasanov Pavel Osipovich born in 1893 in village Kama Kaminskaya township of the Kainsk district (now Kuibyshev district Novosibirsk region) in the peasant family. In 1914 drafted into the army in artillery, graduated from the training team, was awarded the title of junior non-commissioned officer and sent to the front. For courage in fights during the war decorated with all 4 degrees of St. George crosses and

awarded the rank of ensign. After the injury he got to the hospital in Petrograd, and after recovering appointed in the artillery regiment of the Petrograd garrison. After the February revolution 1917, elected Chairman of the soldier's regiment Committee, joined the ranks of the Bolshevik party. In the October revolution Pavel Osipovich involved in disarmament Mikhailovskiy cadet schools. After the October revolution appointed military commander of the city/workstation Omsk, but due to illness was demobilized and came to his Home. Participated in the establishment of Soviet power in Kainsk county. On July 28, 1919 shot by whites among 10 people near village Kama in the grove.

Artemyev Petr Maksimovich (1893–1919) born in Kainsk in a poor family. At the front, after the February revolution, was elected Chairman of the military Committee, and in April 1917, he joined the RSDLP(b). In the autumn of 1917 came back and lead active work in the organization of the Soviet power in Kainsk and county.

Piotrovsky Pavel Karlovich (1895–1918) was born in Novonikolaevsk. He graduated from the gymnasium and later earned a law degree. At the front he joined the party of social-democrats in 1917. In 1918 Novonikolaevsk provincial Committee of the party send him in Kainsk for strengthening party organizations in the town and organization of the Soviet power in the County.

Chubykin Ivan Savvateevich (1883–1921) born in a peasant family is poor in village Mejovka Biazinski parish Kainsk County (now Novosibirsk region). In 1915 drafted into the army in 617th militia squad, in Omsk. In 1916 sent to the Caucasian front. There he acquainted with revolutionary soldiers and becomes sympathetic to the Bolsheviks. In 1917 to 1918 after returning from the front Chubykin takes an active part in the struggle for Soviet power in Kainsk County.

Shymanowich Ivan Mikhailovich (1896–1919) was born in Barabinsk in the family of an employee. After graduating high school worked as a Telegraph operator. In 1915 drafted into the tsarist army, graduated from the school of ensigns and sent to the front. After the February revolution was elected in soldiers' Committee. After the October revolution he returned home and took an active part in the fight against the white guards.

Dobrygin Pavel Rodionovich (1892–1919) born in village Kama Kainsk County (now the Kuibyshev district of the Novosibirsk region) into a peasant family. In 1913 drafted into the tsarist army in the cavalry. In 1914 sent to the Western front, the Chairman of the military Committee, member of the RSDLP(b). After returning from the front elected in the 1st Kaminsky volost Soviets. Active participant of the civil war on the territory Kainsk County.

Zakrievsky Makar Stepanovich (1884–1918) was born in Ukraine. Exiled to Siberia. During the First world war was at the front in the rank of a senior non-commissioned officer, then a warrant officer. After the February revolution – Chairman of the regiment soldiers' Committee, member of the RSDLP(b). After returning from the front, in 1918 elected Chairman of the Soviet of the Tatar district of Tomsk province. During the rebellion of the Czechoslovak corps at the end of may 1918 appointed commander of the front of the red guards.

Kopeikin Trofim Martynovich (1889–1919) born in Minsk, an orphan, was raised by the tailor Jew. In the tsarist army called in 1910. In 1913 demobilized. In 1914 called again. After the February revolution - the Chairman of the military Committee, member of the RSDLP(b). After returning from the front participates in the establishment of Soviet power in Kainsk County.

Hetman Evgeniy Fedorovich (1885–1962). Migrant from Poltava province. Since 1910 till 1913 he served in Petrograd, then fought

at the front. For the courage he was awarded two crosses of St. George. Back home in a rank of a senior non-commissioned officer staunch supporter of the Bolshevik party.

Abrosimov Petr Ivanovich (1896–1919); Akulov Yakov Ivanovich (1895–1919); Alekhin Myron Efimovich - served in Harbin in 938-th walking Tomsk squads; Artikulov; Babarikin Egor Ignatievich; Baranov Nikolay Ivanovich; Beilin Georgy Konstantinovich (in the biography, written A.V. Oblasova – Alexander); Bezotechskiy Petr; Biryukov Sergey Grigorievich; Biryukov Mikhail Grigorievich; Bobrov Anton Kirillovich; Boychenko Semyon Andreyevich (1896–1919); Vaganov Dmitry Filippovich; Vinokurov Alexander Kuzmich; Vinokurov Maxim

Gerasenko Fyodor Leontyevich (1895–1919); Gershalov Nikifor; Gurol Nikolai Petrovich (1895–1918); Davydov Petr Ivanovich; Epanchintsev Ilya Prokopievich; Eroshenko Lew Terentyevich; Zeleschikov Perfil Nikolaevich – St. George cavalier; Korobeynikov Alexey; Kusnezov Ivan Antonovich; Kunitsky Ustin Franzevich; Lavrov Maxim Zakharovich; Leushin Daniil Semenovich; Lobanov Aleksandr Efimovich; Malkov Nikolay Gavrilovich; Maltsev

Demid Nikiforovich (1895–1919); Markov Ignatyi Pavlovich; Medvedev Ivan Ivanovich; Nikitin Pavel Kondratyevich; Noskov Nikolay Mikhailovich (1889–1919); Ojereliev Vasily Kipriyanovich (1894–1944); Papshev Yakov Matveevich (1894–1918); Polyachenko Ampley Illarionovich (1895–1919); Posochin Petr Michailovich; Purtov Artemy Kirillovich (1890–1919); Pushkarev Alexander Leontyevich; Rudenkov Daniil Mitrofanovich (1895–1919); Rybin Nikon Petrovich; Rybin Ivan Petrovich; Smyshlyaev Ivan Vasilievich (1895–1949); Smyshlyaev Vasily Vasilievich (1880–1944); Suslov Mikhail Yakovlevich (1892–1920); Suhodolov Nikolay Vasilievich; Tatarkin Yegor Sysoevich; Tyurin Pavel Leontyevich (1887–1919); Tyurin Dmitry Leontyevich (1889–1919); Uryupin Efim Eliseevich (1897–1919); Ushakov Akim Ivanovich; Tsepelev Procopiy Matveevich; Tsymbalyuk Alexander Afanasyevich; Chepkoy Ilya Maksymovych (1896–1919).

This is not a complete list of participants of the First World War – our compatriots. This work will be continued by the ethnographers, historians, museum staff. Years will pass, new decade, and the names of our countrymen will be invaluable testimony to the First world war.

REFERENCES

1. Stupakov M. I. For the right cause. Novosibirsk, West Siberian publ., 1977, pp. 5–12, 15–21, 58, 66–67.
2. Memories of B. Rosenfeld about brothers Furman. 28.12.1957. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*.
3. Memories of M. Vasilyev about the A. Gorovotzan. 23.06.1957. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*.
4. Memories of A. Ugodina about brothers Solotarenko. 20.10.1972. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*.
5. Memories of Ziryanov about Kopyev. 26.09.1962. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*.
6. Memories of V. Kostrulevitch about L. Kostrulevitch. 13.12.1957. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464*.
7. To the memory of comrade Pugach. *Commune*. 1930, March, no. 31.
8. Builders and fighters. *Znamya Truda*. 1962, 15 June, no. 17, p. 3.

9. Memories M. Semenova about the participants of the First world war from villiage Antoshkino. 12.11.2013. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464.*
10. Memories E. Rosan about N. Malachov, S. Dumbov, I. Tomsikov. 20.08.2014. *The archive of Kuibyshev Museum complex 1464.*
11. Memories Yuriy Skultezkiy about V. Skultezkiy (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex.*
12. Memories N. Nosova about Y. Dostovalov (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex.*
13. Memories A. Burmatov about brothers Burdyko, I. Shatalov (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex.*
14. Memories G. Shichalyeva about N. Usvanov (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex.*
15. Memories T. Chistyakova about N. Tishenkov (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex.*
16. Memories L. Sueva about I. Kulyabin (sound recording). *The archive of Kuibyshev Museum complex.*

www.vestnik.nspu.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ,
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

CULTURAL AND PHILOLOGY SCIENCES

© Е. Е. Тихомирова, Цюй Чуньлэй

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.13)

УДК 821.161.1-3 + 008

ИДЕЯ СРЕДИННОСТИ В СИБИРСКОМ КУЛЬТУРНОМ ТЕКСТЕ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Е. Е. Тихомирова, (Новосибирск, Россия), Цюй Чуньлэй (Шаньдун, Китай)

В статье авторы обращаются к анализу культурной универсалии «срединность» и ее презентации в сибирском культурном тексте. Применение семиотического и аксиологического подходов к анализу материалов творчества сибирских писателей-областников, Г. Д. Гребеникова, А. И. Макаровой-Мирской, миссионера протоиерея Василия Вербицкого дают возможность интерпретировать срединность в качестве нахождения третьего варианта между бинарными оппозициями. Подчеркивается, что в рассматриваемых текстах нейтрализация бинарных оппозиций в этике представляется невозможной в силу мировоззренческих особенностей авторов культурных текстов. Рассматриваются основные бинарные оппозиции, которые представляются как граница культурной нормы. Дуальность универсальных структурных компонентов языка и культуры является культурной нормой, которая последовательно представлена в произведениях середины XIX века – начала XX века и которая начинает деформироваться в различных вариантах к эпохе революций.

Ключевые слова: срединность, культурная универсалия, языковая универсалия, бинарные оппозиции, культурная норма, этика, сибирский культурный текст.

Проблема срединности, медиальности русской культуры является предметом пристального изучения в работах по философии и культурологии, уже ставших классическими, и по литературоведению, и находится на острие современных гуманитарных исследований [1, 6–9, 11]. Для формирования срединной культуры характерно появление культурных инноваций; новых смыслов, полученных в результате преодоления различий полюсов

дуальной оппозиции; поиска новой меры между смыслами полюсов посредством творческого наращивания нового содержания культуры. Все новое содержание культуры, новые смыслы формируются через формулирование молекул культуры, через срединность [1, с. 288]. В разных аспектах одни и те же центры семиосферы могут быть одновременно и активно действующими, и «принимающими», одни и те же пространства семиосферы могут

Тихомирова Елена Евгеньевна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, докторант Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: imktikhomirova@mail.ru

Цюй Чуньлэй – студентка, Шаньдунский педагогический университет, КНР.

E-mail: 1169128487@qq.com

в одних отношениях быть центрами, в других – периферией, влечения провоцируют отталкивания, заимствования – самобытность [9, с. 275]. Для культурных (не только территориальных, но и смысловых) областей, *пограничных* между Западом и Востоком и как бы поневоле совмещающих поляризованные смыслы и ценности смежных с ними западных и восточных явлений, фреймы, воспроизводящие конструкцию «взаимоупора», не просто типичны, но составляют «каркас» системы. В пограничных культурах резко контрастируют их взаимоисключающие тенденции: *открытость* и *закрытость*; *«всемирная отзывчивость»* и *национальный мессианизм*, *космополитизм* и *изоляциялизм*; *революционное новаторство* и *охранительность*; *динамизм* и *статичность* и т. д. Но не для того, чтобы окончательно отделиться друг от друга. Постоянное колебание между двумя полярными тенденциями является не только естественным, но иногда для подобного типа культур единственно возможным динамичным фактором их развития, а бифуркация становится в пограничных культурах не характеристикой того или иного кризисного состояния, а перманентным свойством всего исторического процесса, интериоризованным культурой на ментальном уровне [8, с. 209]. Промежуточное положение между Европой и Азией снимается концептом Россия – Евразия. Действие закона исключительного третьего не распространяется на зоны перехода, границы. Поэтому пограничность оказывается тем состоянием, которое маркирует Россию как срединное государство, первобытие которого – рубеж – застава между Востоком и Западом. П. Н. Савицкий, географ, историк, один из основоположников евразийского движения, пишет: «Срединность России является основой ее идентичности, она не часть Европы и не продолжение

Азии. Она самостоятельный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, и ее Савицкий называет Евразией. Савицкий заявил, что Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называется «срединным государством» [10, с. 152]. Срединность России он усматривал в нескольких аспектах. Прежде всего, мыслитель видел в России центр Старого Света: «Устраните этот центр, и все остальные его гости, вся эта система материковых окраин, превращается как бы в «рассыпанную Храмину». Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от «классической» Азии есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем». Связующую и объединяющую роль срединного мира П. Н. Савицкий усматривал в посредничестве кочевников между мирами оседлых культур, разрозненными в своем исходном состоянии. Срединность, таким образом, понимается как посредничество: «... русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света» [10, с. 154].

Идея срединности культуры Сибири объединяет регионалистские и глобалистские тенденции. Выстраивается представление об особом типе человека – сибиряке, черты характера которого формируются под сильным влиянием русского национально самосознания, включая идеи христианства и мессианской идеи на фоне природно-географического детерминизма.

Такую культуру в Сибири как в пограничном регионе изучали русский географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, один из основателей сибирского областничества Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) и сибирский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и

Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон (столица Чингисхана Каракорума) и Орду-Балыка (столица Уйгурского каганата в Монголии) Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894). Областники пытались обосновать возможность зарождения сибирского регионализма, наметить его перспективы. Концепция культурной самобытности Сибири все же родилась в самой России. Во второй половине XIX в. благодаря деятельности интеллигенции, считавшей регион Сибири срединной территорией, сложилась культура со своим национальным содержанием. В XIX веке Сибирь, начав расцениваться как культурная пустыня, добавила к своему мифологизированному образу еще один оттенок. Идеологи областнического движения Г. Н. Потанин и П. М. Ядринцев, рассматривая Сибирь как срединную культуру и ставя проблему специфики Сибири как особого медиального пространства в Российской империи, закономерно должны были рассматривать культуру Сибири как типологически целостное явление. Демонстрируя знание ассоциирующихся с Сибирью текстов от летописей и исторических песен, посвященных Ермаку, до творчества полузабытых поэтов недавнего прошлого, давая авторам этих текстов меткие характеристики, «областники», по сути, конструировали культурные процессы Сибири в их целостности, устанавливая взаимосвязи между этапами становления истории культуры края.

В ситуации расшатывания границ культурной нормы, государственных устоев и культуры именно процессы в регионах представляются областникам наиболее продвинутыми. Процессы модернизации на окраинах империи не только выдвинут эти окраины и превратят их в центр, но и позволят им как локомотиву модернизировать и всю Россию. Так

возникает идея выдвижения Сибири как нового центра, дающего толчок подлинному национальному развитию, в том числе, аборигенным народам, независимого и неподчиняющегося российскому имперскому центру, ценности которого подверглись деформации под влиянием Запада. Вектор самостоятельного развития Сибири стал рассматриваться как иной путь развития культурных процессов во всей России.

Ландшафт маргинального пространства каторги, ссылки и проживания различного рода «коммунистас» с поражающими воображение лесами и реками (переправа через реку и углубление в лесную чащу – традиционные компоненты обряда инициации), с растягивающейся на полгода зимой и полярной ночью в северных районах оказался благодатной почвой для актуализации одной из наиболее архаичных культурных моделей. Уникальное взаимодействие геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни [11, с. 95].

Бинарная оппозиция Сибирь – Центр, напоминающая оппозицию *рая* и *царства антихриста*, отмеченная еще сибирским философом и историком А. П. Щаповым [13, с. 34], снимается созданием нового идеального культурного пространства просвещенных сибирских народов, созданного в книге А. Макаровой-Мирской (1872–1936), которая в своей философско-религиозной прозе, особенно в очерках «Апостолы Алтая», создает образ Алтая, сибирских миссионеров, местного населения, идущих путем Христа к возрождению души, богостроительству и строительству храма на земле и в душе.

Выдающийся алтайский миссионер протоиерей Василий Вербицкий соединял в себе черты ревностного проповедника Евангелия Христова и учёного-тюрколога. Немаловажна роль протоиерея В. Вербицкого и в распространении грамотности среди местного населения. Народы Алтая до прихода православных русских миссионеров не имели письменности. Поэтому наибольшая заслуга В. Вербицкого для алтайского языкознания заключается в подготовке им грамматики алтайского языка. В своих «Записках» он подробно излагает пути личного возрождения: «Случается, что новокрещенные вступают в брак с русскими девицами. Иногда это хорошо, а иногда для новокрещенных бывает очень вредно <...> Жена инородца Д. оставила его и в продолжении шести лет вела жизнь развратную. Вскоре по переселении моем в Калтан я узнал об этом супружеском зле: убеждал заблудшую, умолял, угрожал гневом Божиим и вечною погibelью; но и кроткия мои убеждения, и угрозы несколько времени были напрасны. Однако, несмотря на это, настояния мои не прекратились, и Господь, исправляющий стопы каждого смертного, неразумющего путей своих, взыскал заблудшую и послал мне утешение видеть, что она образумилась, и Д., доведенный чрез нее до расстройства по душе и по хозяйству, успокоился и по молитве в походной церкви и напутственном от меня благословении сего дня отправился вместе с женою своею в свой родной аил» [2, с. 128].

Каждый полюс бинарной оппозиции становится фокусом организованной культуры и одновременно субъектом, освоившим культурное содержание этого полюса. Это могут быть два субъекта, персонифицирующие эти полюса. Но каждый из них неизбежно осваивает оба полюса, и, следовательно, каждый субъект осуществляет свой синтез бинарной оппозиции в процессе внутреннего диалога

между полюсами. Мысль, как и деятельность в целом, движется через полюса оппозиции. Она является не только культурологической, но и психологической категорией и может переживаться через Страх человека перед одним из полюсов, страх Отпадения от другого полюса и одновременно через Тоску по Партиципации, тоску по другому полюсу, а также через Любовь [1, с. 247]. Примером такого переживания может стать творчество Георгия Дмитриевича Гребенщикова.

Жизненный путь Г. Д. Гребенщикова (1882(83) – 1964), одного из наиболее интересных писателей и культурных деятелей XX в., стал воплощением его жизненной концепции освоения культурного пространства, где движение всегда отмечено строительством человеческого духа, его языка, храма. Разнонаправленность движения в пространстве у Г. Д. Гребенщикова всегда была осознанной и сопрягалась с литературной, философской, жизне- и культуросозидающей деятельностью. Урожденный сибиряк, чья журналистская, редакционная, писательская деятельность в сибирских городах, тесное сотрудничество с областниками, под влияние которых он, несомненно попал привели к литературному паломничеству в Москву и Санкт-Петербург. Там в 1914 году вышел под редакцией Г. Д. Гребенщикова «Алтайский Альманах», который открывается этнографический очерком «Алтайская Русь», иллюстрации по просьбе Г. Д. Гребенщикова делал алтаец Г. И. Гуркин. На обложке изображен алтайский традиционный дом как символ единения своего, личного пространства с пространством макрокосмоса и символ их подобия. Получив поддержку классиков, в том числе, Л. Н. Толстого, Г. Д. Гребенщиков возвращается в Сибирь. Идея срединного жизненного пути, труда, созидания, преодоления протя-

женности пространства и неумолимости времени представляется писателю вообще преодолением экзистенциальной конечности человека: *«Я много раз пытался основать свой прочный скит <...> Когда мне было двадцать лет – я уже строил на Белачаге под Семипалатинском. Еще там мечтал о ряде скамеек под открытым небом: вот, мол, придут молодые пахари-соседи, а я им почитаю что-нибудь “о лучшей жизни”. Потом строил в Семитавских горах, на золотых приисках. Строил близ Усть-Каменогорска – шестигугольную юрту у родника. Молодой этнограф Алексей Белослюдов потом уплавил ее в Семипалатинск <...> Потом строил в Колыванском Заводе – есть чудесное такое место на Алтае <...>»* [3, с. 21–23].

После революции 1917 г. Г. Д. Гребенщиков эмигрировал сначала в Турция, потом во Францию, затем, по настоянию Н. Рериха, в США, штат Коннектикут. Мечтая о городе-саде, который бы проводником русской культуры в Америке он создал русский поселок Чураевка по подобию старообрядческих алтайских скитов и названный по имени героев своего романа-реки «Чураевы». Чураевка задумывалась как дом нового духа, новой жизни, новой культуры, которая должна соединить континенты и страны: через Сибирь – Россию и Америку. После того, как в Москве был разрушен Храм Христа Спасителя, он в Чураевке построил часовню, посвященную Сергию Радонежскому. Издательская, деятельность, развернутая издательством «Алатас» (Белый камень) под руководством Г. Д. Гребенщикова, действительно соединяла пространства, духовно обогащая русских эмигрантов, разбросанных по всему миру. Стремление ко всеединству и целостности определяет основной вектор деятельности издательства, его отделения рассказывают о России в

Харбине, Берлине, Тяньцзине и других городах мира. Литературный дом-издательство дает помощь в строительстве нового дома, земного, освоению нового культурного пространства и рассказывает о доме небесном.

Для Г. Д. Гребенщикова представление о срединности сибирской культуры вырастает из его личной биографии. Он, считая себя потомком кочевника, писал в своей биографии: *«...как оказывается, мой прадед был калмык, захваченный русскими охотниками в верховьях реки Биш вместе с целым табуном лошадей и в качестве пленника доставленный в Сузунский завод Кузнецкого уезда. Ему было тогда не более десяти лет, его взял какой-то добродетельный рудокоп, крестил, выучил языку, записал в сословие рудокопов, усыновил, а потом и женил на русской девушке. Фамилию нашу мой прадед получил, видимо, от своего приемного отца, а тот, по предположению деда, был сыном гребеника, мастера гребней, пришедшего в Сибирь со староверами. Отсюда и моя длинная, царапающая фамилия»* [5, с. 7].

В издательстве «Алатас» вышли в свет книги Н. К. Рериха, К. Бальмонта, А. Ремизова, здесь же издавались и распространялись книги самого Г. Д. Гребенщикова: «Чураевы», «Былина о Микуле Буяновиче», «Гонец. Письма с Помпеяга», «Путь человеческий», вошедшие в цикл небольших произведений, написанных Г. Д. Гребенщиковым в Берлине в 1922 году.

А в 1918 году Г. Д. Гребенщиков жил в Киеве, Одессе, в августе 1920 г. выехал в Константинополь. Именно в середине 1918 г. в разбитом и заплеванном вагоне, движущемся в Киев, начинается действие в повести «Путь человеческий» [4]. Отставной русский полковник возвращается с первой мировой войны. Начинает свой путь домой в революционную Россию с потоком демобилизованных солдат

и офицеров. Верный слуга царя и отечества теперь лишен и того и другого. Революционные неурядицы сковали железные дороги, поэтому главный герой вынужден остановиться в Киеве. Уже первые эпизоды основаны на различной репрезентации концепта *путь*: географический вектор (вектор движения в Россию, как хранительницу духовности, идей православия, любви к ближнему) и вектор духовного нисхождения. Вокзал, находящийся между небом и землей, теперь становится пересечением этих векторов, центром древней столицы Руси, где когда-то была крещена Русь, а Подол, Днепр, киевские храмы в измененной системе координат смещаются на периферию. Субъектом революционного хаоса становятся *хмурые, бледные и не разговорчивые солдаты, вертлявый, как мышь, черненький врач, обтрепанные и грязных офицеры, без погон, и без гордости, в беспорядке смешавшихся на полу со своими мешками и узлами, серая масса кишела на полу*, и звучат люди уже по-звериному: *генерал крикал, масса заржала, молодой офицер, промышал что-то спросонья* [4]. По сути, человек, как субъект культуры, теряет свои признаки, перестает адекватно действовать во времени и пространстве и превращается в объект воздействия независимых от него сил. Эта дуальность универсальных структурных компонентов языка и культуры (имя, являющееся субъектом и объектом при описании мира, и глагол, предназначенный для описания связей между субъектом и объектом) деформируется уже в самом начале повествования. Главный герой – Дмитрий Постоев – был потомственным священнослужителем, но по прихоти возлюбленной, которой нравится военная выправка, он идет в военное училище.

Временные координаты в рамках бинарных оппозиций в тексте последовательно чередуются: прошлое – настоящее – прошлое –

настоящее. Настоящее совпадает с прошлым и будущим, вечностью, когда герой видит центр Киева: *«А рядом с образами прошлого нарастало в сердце новое, большое и неуловимое, как синева небес:*

– Господи, Господи! Как Ты грозен и непостижим и как сладко вновь найти Тебя и, склонив колена, покориться воле Твоей» [4].

Возвращение в прошлое происходит в сказочных снах о дореволюционной России, в которых его возлюбленная *Клавдия стоит посреди травы почти до пояса и, протягивая к Дмитрию руки, кричит, как погибающая*, от чего просыпаются идиллические, библейские пастухи. Сказочное пространство и время между жизнью и смертью, бытием и небытием подчеркивается сказочными же сравнениями: *«А потом, спустя три месяца... несет их Змей-Горыныч – скорый поезд, – в Москву <...> телеграфные столбы смотрелись долговыми старыми ведьмами, с тонкими и длинными косичками, связанными друг с дружкой от Тамбова до Москвы*. Время и пространство отцовского дома, дореволюционной жизни так необъятно, и велико, и непостижимо, что *терялась мысль в этих пространствах и не хватило бы жизни все изведать, всюду побывать, все прочесть, что написано на русском языке о русских былях и народах* [4]. И это пространство сужается до вокзала, потом съемной комнатки с мебелью, изъеденной жучками, как буферного мира. Персонаж возвращается из чужого мира и останавливается в срединном мире, в котором проходит обряд для перехода в новый неизвестный мир.

В мире хаоса со сказочным Змеем-Горынычем происходит тоже метаморфоза. Он обращается низменным обликом, разрастаясь в пространстве из червя-древоточца, источившего столик в гостинице, и голодного червячка, в змею, она *и тянет, пьет всю кровь и жжет, и холодит в одно и то же время, и от*

этого весь свет желтеет, а голову обносит. Чудовищно фантазмагорических размеров образ змеи (змея-искусителя) достигает в олицетворении очереди в кинематограф, *которая массой вползала в подъезд, и эти две живые ленты показались Постоеву, как никогда еще, бездушными и омерзительными, как змеи.* Сущность человека снижается до насекомого: *Это не люди, это гнус, паразиты, саранча! И всех их, всех паразитов, всех бездушных, бессмысленных и ядовитых необходимо истреблять. Истреблять!* [4]. И здесь ощущаются аллюзии на рассказ о казнях египетских, за которыми должен последовать исход, освобождение из плена египетского.

Однако киевская весна относит читателя ко времени, когда был сотворен мир, а Пасха, ко времени, когда мир был спасен жертвенным подвигом. И это освобождение, очищение происходит. Постоев, будучи синкретично вписан в макрокосмос, начинает вести себя, ощущать и думать в соответствии с его законами и нормами: «Сам же человек рожден, чтобы созерцать мир, размышлять и действовать в соответствии с этим. Он никоим образом не совершенен, он какая-то частица совершенного» [8]. После мучительных раздумий он приходит к выводу, *что революция – болезнь, эпидемия, такая же заразительная, как холера или тиф. И он, Постоев, где-то наглотался микробов революции, и весь организм его пропитан революцией, как есть содержание и смысл в силе огня, воды, бури и грозы, и стало быть революции нельзя не признавать: это сила, это стихия, это Божий промысл!* [4]. По словам П. Флоренского, «человек в мире; но человек так же сложен, как и мир. Мир – в человеке; но и мир так же сложен, как и человек <...> Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его» [12, с. 168.]. Поэтому

само священное место, киевские соборы и духовная работа, и работа телесная – движение к *пешком к Андрею Первозванному* приводит его к мысли, о том, что:

– *Ведь это же все вечное, непобедимое!*

– *Быть может в самом деле, все вот так, как он, Постоев, пройдут все стадии душевных мук и всем и все простят, откажутся от хищного корыстолюбия, признав раз и навсегда, что настоящая свобода, мир и братство в том лишь, чтобы вот так, как сейчас полковник Постоев, иметь молитвенную жажду и крест страдания в душе, и идти по своей дороге, никому не уступая своего пути и никого не боясь, потому что этот его путь – верный, прямой и светлый, потому что это путь к истинной любви и миру, путь Человеческий!* [4].

В постреволюционном обществе универсальные смыслы и бинарные оппозиции размываются, поэтому читатель обращается к образцовым текстам, вошедшим в сокровищницу мировой культуры, и актуально звучащим даже в эпоху беспорядка. Эти образцовые произведения связаны с Московским художественным академическим театром, Большим театром, поскольку имеют автобиографическую основу, а также с именем П. И. Чайковского и библейскими текстами.

Теперь путь к киевским храмам становится скорее паломничеством, утверждением «русскости». Не случайно это паломничество сопровождает музыка, творящая божественную гармонию, божественный порядок, которая обычно сопровождает сакральные акты. В итоге в срединном мире между Африкой и Европой на лодке в Черном море между берегами осталось пять людей. Они творят новый мир в себе и себя в мире с помощью вечного слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ахиезер А. С.** Россия: критика исторического опыта. – М.: Философское общество, 1991. – Т. 1. – 319 с.
2. **Вербицкий В. И.** Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого. – Кемеровская и Новокузнецкая епархия; [рук. проекта иерей Виктор Соловей; ред.: Карышев К. Л.; сост.: прот. Игорь Кропочев]. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 368 с.
3. **Гребенщиков Г. Д.** Гонец. Письма с Полпиорога. – М.: МАСТЕР–БАНК, БИСАН–ОАЗИС, 1996. – 215 с.
4. **Гребенщиков Г. Д.** Путь человеческий [электронный ресурс]. – URL: http://grebensh.narod.ru/human_path.htm (дата обращения: 18.02.2014).
5. **Гребенщиков Г. Д.** Из моей жизни. Странички автобиографии // Зарница. – 1925. – № 1. – С. 5–9.
6. **Давыдов А. П.** К вопросу о методологии социокультурного анализа через смысл «середины» // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений. – М.: ИС РАН, 2014. – С. 35–40.
7. **Давыдов А. П.** «Духовной жаждою томим». А. С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 243 с.
8. **Кондаков И. В.** Культура России: краткий очерк истории и теории. – изд. 4-е. – М.: КДУ, 2008. – 357 с.
9. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. Внутри мыслящих миров. – СПб: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
10. **Савицкий П. Н.** Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
11. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учебное пособие для вузов. – М.: Academia, 2006. – 336 с.
12. **Флоренский П. А.** У водоразделов мысли. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 184 с.
13. **Щапов А. П.** Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских народных сказаниях о мире: Сочинения. В 3 т. – СПб, 1906. – Т. 1. – С. 33–46.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.13)

Tikhomirova Elena Evgenyevna, Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor of the Department of the Theory, Cultural History and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.; Doctoral Candidate, Russian State Humanitarian University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: imktikhomirova@mail.ru

Qu Chunlei, Student, Shandong Pedagogical University, Shandong, People's Republic of China.

E-mail: 1169128487@qq.com

IDEA OF THE MEDIAN IN THE SIBERIAN CULTURAL TEXT OF THE MIDDLE OF XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURY

Abstract

In article the authors addresses to the analysis of a cultural universal “median” and its representations in the Siberian cultural text. Application of semiotics and axiological approaches to the analysis of materials of works of the Siberian writers advocating regional identity Siberia, G. D. Grebenshchikov, A. I. Makarova-Mirskaya, the missionary archpriest Vasily Verbitsky give the chance to interpret a concept of the median as finding of the third option between binary oppositions. It is emphasized that in the considered texts neutralization of binary oppositions in ethics is represented impossible owing to world outlook features of authors of cultural texts. The main binary oppositions, which are represented as border of cultural norm, are considered. Duality of universal structural components of language and culture is cultural norm which is consistently presented in works of the middle of the XIX century – the beginnings of the XX century and which starts being deformed in various options by an era of revolutions.

Keywords

concept of the median, cultural universal, language universal, binary oppositions, cultural norm, ethics, Siberian cultural text.

REFERENCES

1. Akhiezer A. S. *Russia: a critique of historical experience*. Moscow: Philosophical society Publ., 1991, Vol. 1, 319 p. (In Russian)
2. Verbitsky V. I. *Note missionary Kuznetsky branch of the Altai spiritual mission of the priest Vasily Verbitsky*. Novokuznetsk, Sretenie Publ., 2008, 368 p. (In Russian)
3. Grebenshchikov D. *Messenger. Letters Paperage*. Moscow, MASTER-BANK Publ., BISAN-OASIS Publ., 1996, 215 p. (In Russian)
4. Grebenshchikov G. D. *The path of human*. Available at: http://grebensh.narod.ru/human_path.htm (accessed 18.02.2010). (In Russian)
5. Grebenshchikov G. D. The Year Of my life. Page autobiography. *Zarnitsa*. 1925, no. 1, pp. 5–9. (In Russian)

6. Davydov A. P. To the question of methodology of social and cultural analysis through the meaning of “middle”. *Modernization of the national system of management: trend analysis and forecast of development*. Materials scientific- conference. Moscow: IP RAS Publ., 2014, pp. 35–40. (In Russian)
7. Davydov A. P. “*Spiritual thirst*”. *A. S. Pushkin and the formation of the “middle culture” in Russia*. Novosibirsk, Siberian chronograph Publ., 2001, 243 p. (In Russian)
8. Kondakov I. V. *Russian Culture: a brief sketch of the history and theory*. Moscow, KDU Publ., 2008, 357 p. (In Russian)
9. Lotman Y. M. *Semi. Inside thinking worlds*. Saint Petersburg, Art–SPB Publ., 2000, 704 p. (In Russian)
10. Savitsky P. N. *The Continent of Eurasia*. Moscow, Agraph Publ., 1997, 464 p. (In Russian)
11. Tupa C. I. *Analysis of literary text*. The textbook for high schools. Moscow, Academia Publ., 2006, 336 p. (In Russian)
12. Florensky P. A. *The watersheds of thought*. Novosibirsk, Novosibirsk Publ., 1991, 184 p. (In Russian)
13. Shchapov A. P. *Mixture of Christianity with paganism and heresy in ancient folk tales of the world*. Saint Petersburg, 1906, Vol. 1, pp. 33–46. (In Russian)

© А. А. Гребенкина, И. Л. Ростовцева, С. Н. Еремеев, Ф. А. Гузев

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.14)

УДК 726 + 930.85

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХРАМА ВО ИМЯ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ СЕЛА ДРЕСВЯНКА МАСЛЯНИНСКОГО РАЙОНА НСО В ФОРМАТЕ 3D

А. А. Гребенкина, И. Л. Ростовцева, С. Н. Еремеев, Ф. А. Гузев (Новосибирск, Россия)

В статье авторы обращаются к проблеме сохранения церковно-культурного наследия Сибирского региона. В основу работы были положены материалы, собранные во время экспедиции в деревню Дресвянка Новосибирской области в рамках летней обмерно-геодезической практики. Авторы отмечают, что церковь исконно являлась центром духовного наследия нашего общества. Сегодня в задачи специалистов входит проанализировать, систематизировать и сохранить информацию о Храме во имя Святой Троицы для будущих реставрационных работ сооружения. В результате были подготовлены: комплект обмерных чертежей; восполнена история храма; произведена фиксация его современного состояния, а также выполнена 3D-модель. В рамках модели представлены поэтапные изменения Храма во имя Святой Троицы (1917–2014 гг.).

Ключевые слова: церковно-историческое наследие, обмеры, восстановление истории, виртуальная реконструкция, 3D-модель.

Проблема состояния заброшенных православных храмов является одной из ключевых в контексте сохранения архитектурного и исторического наследия нашей Родины. Вследствие гонений на церковь после установления советского режима, многие храмы утратили свое назначение и характерный облик. Для возрождения требуется восстановить историю сооружения и выполнить необходимые работы по сбору широкого круга информации.

В экспедицию отправилась группа студентов и преподавателей в количестве десяти человек с благословения епископа Искитимского и Черепановского Луки и благочинного Южного округа Искитимской епархии, протоиерея Игоря Затолокина, обнародовавшего заказ на исполнение обмерных чертежей и сбор информации о сельском храме Маслянинского района в деревне Дресвянка.

Гребенкина Анна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

E-mail: annushka_2007@mail.ru

Ростовцева Ирина Львовна – старший преподаватель кафедры основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

Еремеев Сергей Николаевич – студент архитектурного факультета, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

Гузев Федор Андреевич – студент архитектурного факультета, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

Деревня Дресвянка находится в удивительно живописном месте на границе с Алтайским краем. На сегодняшний день там проживает около 300 человек¹. Объектом нашей работы стал деревянный Храм во имя Святой Троицы. Это типичная постройка начала XX века в сельской местности Сибирского реги-

она [1; 2]. Его судьба напрямую связана с историей нашего государства. В 1950-х гг. храм был переоборудован в сельский клуб. Требовалось выяснить, какие преобразования были осуществлены с момента постройки, поскольку объект внешне сегодня не напоминает храм (рис. 1).

Рисунок 1.

Наше исследование разделялось на следующие этапы: теоретическую часть (сбор необходимых сведений и информации) и практическую часть (непосредственно обмеры и осмотр сооружения).

Учитывая сжатые сроки, было решено сразу же приступить к обмерам, сочетая практическую деятельность с опросом населения деревни. Воспоминания жителей были крайне скудны и часто противоречили друг другу. Кроме того, при осмотре здания возникли вопросы, на которые невозможно было сразу ответить.

В ходе анализа было установлено:

1. Здание состоит из основного симметричного объема и пристроек, примыкающих с северной стороны. Они были выполнены из того же леса, что и основной объем здания, как будто возводились одновременно с ним. Однако обнаружались металлические скобы, которыми постройки были притянуты (рис. 2). Это говорит о позднем происхождении этих пристроек.

¹ Исторические сведения о Маслянинском районе заимствованы из источников: «Край родной – Маслянинский» [электронный ресурс]. – URL: http://berezamas.my1.ru/publ/quotkraj_rodnoj_masljaninskijquot/1-1-0-20 (Дата обращения 14.08.14);

Власова К., Куликов Н. В. Деревня Дресвянка в прошлом, настоящем и будущем: исторический очерк [неопубл.]; Отдел архивной службы администрации Маслянинского района Новосибирской области.

Рисунок 2.

2. Оконные проемы в основной части здания были шестиугольными, а наличники – прямоугольными (остальное простран-

ство было заделано) (рис. 3). В пристроенных частях оконные проемы сразу были устроены прямоугольными.

Рисунок 3.

3. В центре восточной стены алтаря было устроено окно, где полагалось быть замковому образу. Кроме того, форма

алтарной части была не гранной, а прямоугольной (рис. 4).

Рисунок 4.

4. Размеры пристроенного фойе практически полностью совпали с размером центральной части здания храма.

При обнаружении под полом сцены (там, где располагался алтарь) прежнего фундамента, который имел пятигранную форму. Для выяснения глубины залегания первоначального фундамента был выкопан колодец на глубину около полутора метров. Для дальнейшего исследования проведена подробная фото фиксация всех деталей, выполнены зарисовки с разных ракурсов. По результатам обмеров

были выполнены чертежи плана самого здания, стропил крыши и балок пола (лаг), а также чертежи фасадов и разрезы.

Типовое строительство храмов велось с 1824 г. (выпуска первого альбома образцовых проектов церквей) [1–2; 5; 9; 13]. Со второй половины XIX в. проекты стали называть типовыми. Проанализировав и сопоставив полученный план Храма во имя Святой Троицы с. Дресвянка Маслянинского района с проектами по «Атласу планов и фасадов церквей» 1899 г., мы пришли к выводу, что он возведен по типовому проекту № 22 и рассчитан примерно на 400 человек (прихожан) (рис. 5, 6)².

² Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства

при церковных постройках в селениях. Издание Святейшего Синода. – М.: Синодальная типография, 1899 г. – 55 с.

Рисунок 5.

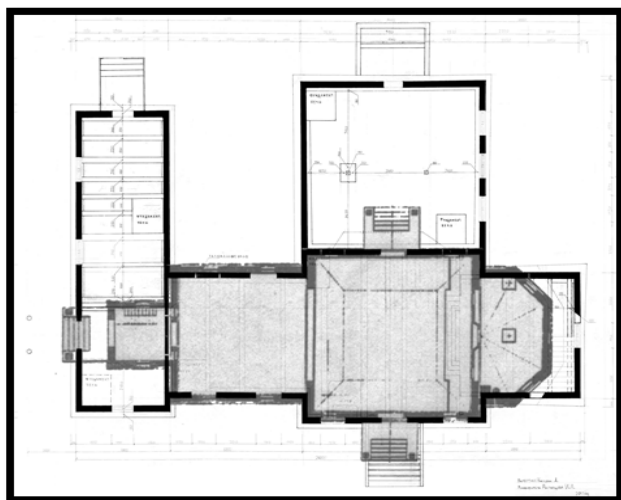

Рисунок 6.

Здание было устроено по типу трапезного храма с шестигранной алтарной абсидой, кафоликоном, трапезной и притвором с колокольней, располагавшимися на продольной оси. Форма оконных проемов была также шестигранной. Объем кафоликаона был поднят выше трапезной и алтаря и освещался окнами, расположенными на северной и южной стенах в два яруса, окнами светового подкупольного барабана, завершавшего его четырехскатную крышу. Все части храма соответствуют проекту, только притвор под колокольней был сделан не уже, а шире трапезной, что, скорее всего, позволило сделать более удобной лестницу на колокольню и устроить церковную лавку (рис. 7).

К сожалению, не сохранилось данных, под чьим руководством осуществлялось непосредственно строительство храма. Крайне скудны сведения о самом храме и его функционировании, что, несомненно, затрудняло работу группы.

Храм был освящен и открыт для молящихся 15 августа 1917 г. В Томских Епархиальных ведомостях появилось сообщение об открытии «самостоятельного прихода при Свято-Троицкой церкви деревни Дресвянки Барнаульского уезда, с причтом в составе священника и псаломщика с отнесением содержания причта на местные средства»³. Можно полагать, что по завершению строительства всех частей и зданий, вокруг церкви устраивалась ограда. После окончательной постройки церковные здания традиционно окружались садами и скверами [3; 4].

По материалам Государственного архива Новосибирской области установлено, что в феврале 1926 г. здание было национализировано. С 1933 г. храм опустел, а с 1940 г. использовался как склад зерна. В отчете было записано: «Конструкция церкви – деревянная, прочная. Купола, колоколов, крестов и внутреннего оборудования и утвари нет»⁴.

³ Томские Епархиальные Ведомости. – 1917. – № 16. – С. 336.

⁴ ГАНО. Фонд Р. 1418, оп. 1, ед. хр. 3. Начато 1938, оконч. 1942 на 32 лл. Л. 18 об. 19. Легостаевский район.

Рисунок 7.

В 1940-е годы здание храма хотели использовать для школы, однако позже лишь сняли железные листы с кровли для уже строящейся школы⁵. После этого оголенные конструкции обветшали и провалились внутрь здания.

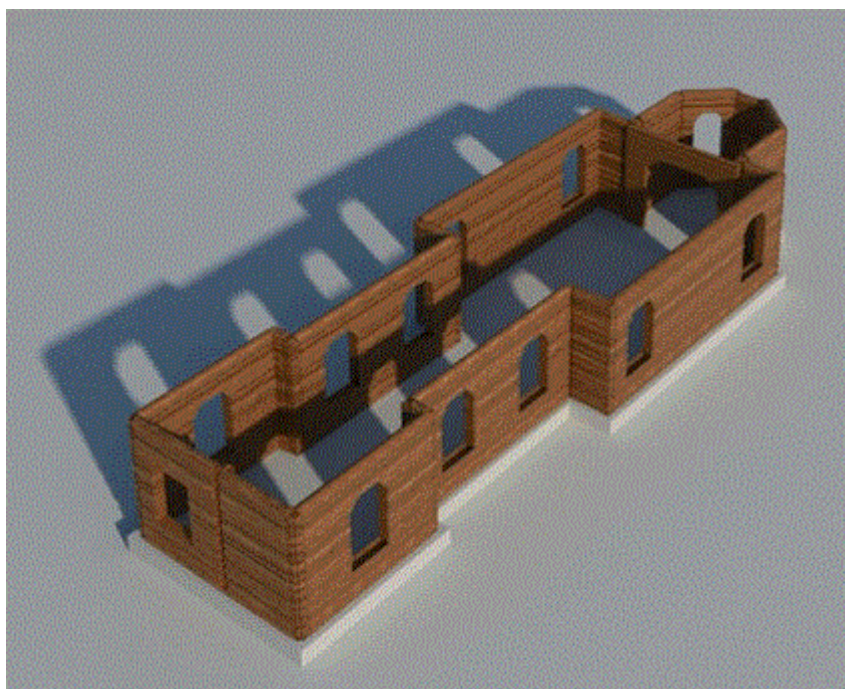
Под сельский клуб здание церкви решили переоборудовать в 1956 г. Это закономерное событие согласно культурной жизни советского общества [14]. С этого момента и начались видоизменения, которые привели к неузнаваемости бывшего храма. Основная часть здания, простоявшего уже около 30 лет, была достаточно крепкой, пострадали только

кровля и полы. Поскольку отапливать высокое помещение было достаточно сложно и нерентабельно, верхнюю часть здания разобрали, придав ему единую высоту (рис. 8).

Под будущие пристройки подвели новый фундамент, сложенный из таких же плит природного камня, как под зданием храма, но вперемешку с кирпичом. Нижний венец бревен, в некоторых местах заменили. Поскольку глубина заложения фундамента под пристройками оказалась меньше, чем в основном здании, пристройки несколько деформировались от неравномерной просадки фундамента.

⁵ ГАНО. Фонд Р-47, оп. 1, ед. хр. 1966. 1933 г., на 90 лл. Л. 85.

Рисунок 8.

Снятые бревна использовали для возведения северной стены пристройки, ставшей фойе клуба. Пристройку притянули коваными металлическими скрепами. Вместо паперти на западном фасаде был сделан служебный вход в кинобудку, устроенную из притвора под колокольной. В середине стены, отделявшей притвор от трапезной, был большой шестигранный проем, который был заложен и в стене оставлены маленькие окошки для показа фильмов.

К северному фасаду была сделана еще одна пристройка, для библиотеки. Сруб был также притянут коваными скобами к основному зданию. Алтарная часть была тоже переделана: восточную стену храма отодвинули на полметра, а боковые алтарные стены удлинили и подвели к ней под прямым углом. Вместо шестигранного алтаря, с окнами в боковых стенах, получилась прямоугольная сцена с окном посередине восточной стены.

Все кровельные конструкции были сделаны заново. Интересно, что на бревнах – опорах стропил – были сделаны зарубки с обозначением даты «4.IX.1950» и фамилий «Лыков» и «Репин». Вероятно, это фамилии строителей, работавших на перестройке здания храма.

Пол был заменен и поднят на высоту лаги, выше прежнего уровня. Внутренние стены всех помещений были обиты дранкой, оштукатурены и побелены. Во всех помещениях клуба были поставлены печи и проведены трубы парового отопления. В «Статистических сведениях о церковных зданиях» за 1956 г.⁶, сообщалось, что из 14 культовых зданий, в Маслянинском районе, действующих нет, семь – снесено, четыре – переделаны и используются под другие нужды. Можно уверенно сказать, что одно из этих четырех – переделываемая или уже переделанная церковь села Дресвянки, ставшая к этому моменту сельским клубом (рис. 9).

⁶ ГАНО. Фонд Р-1418, оп. 1, ед. хр. 51.

Рисунок 9.

В кирпичное здание бывшей котельной клуб был переведен в 2003 г. Таким образом, с 2003 г. по настоящее время здание бывшего

храма остается заброшенным и постепенно разрушается (рис. 10).

Рисунок 10.

В ходе проделанной работы была восстановлена история здания храма и определена хронология событий. Подготовлены наброски

и зарисовки с разных ракурсов храма, разработана 3D-модель (рис. 7–9). Полученные материалы были переданы в Епархию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баландин С. Н.** История архитектуры русских земледельческих поселений Сибири (XVII–XX вв.): учеб. пособие. – Новосибирск, 1984. – 84 с.
2. **Баландин С. Н.** Культовое каменное зодчество Сибири в XVIII в.: учеб. Пособие. – Новосибирск, 1994. – 120 с.: ил.
3. **Волоснов Р. Ю.** Сельское культовое зодчество Алтая // Мир науки, культуры и образования. – 2008. – № 5 (12). – С. 118–123.
4. **Волоснов Р. Ю.** Строительство православных церквей в конце XIX – начале XX в., приуроч. к 150-летию Алтайского горного округа // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Материалы Всероссийской научной конференции. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2003.
5. **Градостроительство** России середины XIX – начала XX вв. / под общей ред. Е. И. Кириченко; НИИ Теории архитектуры и градостроительства. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – 340 с.
6. **Градостроительство** Сибири / сост. В. Т. Горбачев, Н. Н. Крадин, Н. П. Крадин, В. И. Крушлинский, Т. М. Степанская, В. И. Царев; РААСН; НИИТИАГ. – СПб: Коло, 2011. – 784 с.: ил.
7. **Зверев В. А., Зуев А. С., Кузнецова Ф. С.** История Сибири. Часть II. – Новосибирск: ИНФОЛИО-ПРЕСС, 1999. – 376 с.
8. **Калинина И. В.** Православные храмы Иркутской епархии в XVII – начале XX вв. – М.: Галарт, 2000. – 400 с.
9. **Лебедева Н. И.** Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. – Омск, 2003. – 300 с.
10. **Манонина Т. Н.** Государственное регулирование застройки городов России в XIX – начале XX вв. (На примере Западной Сибири). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2011. – 30 с.
11. **Масленникова Д. С.** Архитектура православных храмов на востоке Азии начало XVIII – первая половина XX вв. Автореферат дис. ... канд. архитектуры. – Хабаровск, 2006.
12. **Ожегов С. С.** Типовое и повторное строительство в России в XVIII – XIX вв. – М.: Стройиздат, 1984. – 168 с.
13. **Смирнова Е. А.** Архитектура культовых зданий, построенных вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали на средства Фонда им. императора Александра III // Архитектура и экология России: традиции, современность, будущее: Сб. тез. докл. Респ. науч. конф. нояб. 1993 г. – Новосибирск, 1993.
14. **Степанская Т. М.** Архитектура Алтая XVIII – начала XX вв. Барнаул: Изд-во А.Р.Т., 2006. – 300 с.
15. **Тарасов Т. И.** Положение церковного и школьного строительства в районе Сибирской железной дороги на средства Фонда им. императора Александра III // Церкви и школы, построенные на средства Фонда им. императора Александра III. – СПб, 1898 г., 1900 г.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.14)

Grebenkina Anna Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: annushka_2007@mail.ru

Rostovtseva Irina Lvovna, Senior Teacher, Department of the Foundations of Architectural Design, History of Architecture and Urban Planning, Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, Novosibirsk, Russian Federation.

Eremeev Sergei Nikolaevich, Student of Architecture and Urban Planning, Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, Novosibirsk, Russian Federation.

Guzev Fedor Andreenich, Student of Architecture and Urban Planning, Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, Novosibirsk, Russian Federation.

PECULIARITIES OF REBUILDING THE TEMPLE OF THE HOLY TRINITY (DRESVYANKA, MASLYANINSKY DISTRICT, NOVOSIBIRSK OBLAST) IN 3D

Abstract

In this article the authors address the problem of preserving the church cultural heritage of the Siberian region. Materials, collected during an expedition to Dresvyanka village (Novosibirsk Oblast, Russian Federation) within the framework of a summer geodesic measuring practical work, form the basis of this paper. The authors note that the institution of the church has always been the center of our society's spiritual heritage. Today specialists have to analyze, to systematize and to preserve information about the temple for future restoration works. The expedition resulted in preparation of the complete set of measuring drawings; the temple's history was filled up; its contemporary state was described, and 3D-models were produced. Within the framework of the model gradual changes of the Temple in the name of the Holy Trinity (1917–2014) are presented.

Keywords

church historical heritage, measurements, restoration of history, virtual reconstruction, 3d-model.

REFERENCES

1. Balandin S. N. *History of architecture of the Russian agricultural settlements of Siberia (XVII–XX centuries)*. Study guide. Novosibirsk, 1984, 84 p. (In Russian)
2. Balandin S. N. *Religious stone buildings in Siberia in the XVIII century*. Study guide. Novosibirsk, 1994, 120 p. (In Russian)
3. Volosnov R. Yu. Rural religious architecture of the Altai Region. *The world of science, culture and education*. 2008, no. 5 (12), pp. 118–123. (In Russian)
4. Volosnov R. Yu. Building Orthodox churches in the end of the XIX – the beginning of the XX century, timed to the 150 year anniversary Of the Altai Mountain Region. *The culture of Siberia and*

- contiguous territories in the past and present*. Materials of All-Russian scientific conference. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2003. (In Russian)
5. *Town building in Russia in the middle of the XIX – the beginning of XX centuries*. Scientific Research Institute of Architecture and Town Building, (ed.) E. I. Kirichenko. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001, 340 p. (In Russian)
 6. *Town building of Siberia*. Comp. V. T. Gorbachev, N. N. Kradin, N. P. Kradin, V. I. Krushlinskiy, T. M. Stepanskaya, V. I. Tsarev; Russian Academy of Architecture and Construction Sciences; Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning. St. Petersburg, Kolo Publ., 2011, 784 p. (In Russian)
 7. Zverev V. A., Zuev A. S., Kuznetsov F. S. *History of Siberia*. Part II. Novosibirsk, FOLIO- PRESS Publ., 1999, 376 p. (In Russian)
 8. Kalinina I. V. *Orthodox temples of Irkutsk diocese in the XVII – the beginning of the XX century*. Moscow, Galart Publ., 2000, 400 p. (In Russian)
 9. Lebedeva N. I. *Temples and houses of prayer of Omsk Irtysh River Basin*. Omsk, 2003, 300 p. (In Russian)
 10. Manonina T. N. *The government control of the urban building in Russia in the XIX – the beginning of the XX centuries (based on West Siberia as an example)*. Tomsk, 2011, 30 p. (In Russian)
 11. Maslennikova D. S. *The architecture of orthodox temples in East Asia in the XVIII – first half of the XX of the substances*. Khabarovsk, 2006. (In Russian)
 12. Ozhegov S. S. *Standard and repeated building in Russia in XVIII–XIX centuries*. Moscow, Stroyizdat publ., 1984, 168 p. (In Russian)
 13. Smirnova E. A. Architecture of the religious buildings, built along the Trans-Siberian railroad, financed by the foundation, named after emperor Alexander III. *Architecture and ecology of Russia: the tradition, the present, the future*. Abstracts of the Republican scientific conference in November 1993. Novosibirsk, 1993. (In Russian)
 14. Stepanskaya T. M. *The architecture of the Altai region of the XVIII – the beginning of the XX centuries*. Barnaul, A.R.T Publ., 2006, 300 p. (In Russian)
 15. Tarasov T. I. The position of the church and school building in the region of Siberian railroad, financed by the foundation, named after emperor Alexander III. *Churches and schools, built due to the foundation, named after emperor Alexander III financial means*. St. Petersburg, 1898, 1900. (In Russian)

© Ю. М. Чантуридзе

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.15)

УДК 81'42 + 81'27

ПОБЕДНАЯ РЕЧЬ БУДУЩЕГО ПРЕЗИДЕНТА КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ю. М. Чантуридзе (Москва, Россия)

На сегодняшний момент лингвисты располагают значительным количеством работ, посвященных отдельно понятиям жанра и дискурса, однако жанровое своеобразие политического дискурса еще не в полной мере описано, поэтому задачей данной статьи является выделение и характеристика нового жанра политического дискурса – победной речи будущего президента.

В основе работы лежит метод функционального описания жанра инаугурационной речи Е. И. Шейгал, поскольку можно говорить о частичном сходстве функций этих двух жанров. В статье производится разбор жанра победной речи с точки зрения интегративной, инспиративной и перформативной функций, выполняемых также инаугурационными речами, а также выделяются две новые функции – интердискурсивная и экспрессивная. Первая заключается в имплицитной и эксплицитной отсылке аудитории к речевым практикам предшественников и современников говорящего, а также – в апелляции к общему знанию автора и адресатов дискурса. Вторая функция оказывает определяющее воздействие на стилевую характеристику языкового материала, а именно на выбор экспрессивно-окрашенной лексики.

Обзор функций жанра победной речи производится с помощью примеров, взятых из победных речей Барака Обамы за 2008 и 2012 годы. Такой выбор иллюстративного материала обоснован высокой концентрацией выразительных средств и мастерством самого автора в создании текстов для публичных выступлений.

Итоги проведенной работы отвечают ее задачам: функциональные отличия победной речи будущего президента от инаугурационной речи являются достаточным основанием для выделения первой в отдельный жанр политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, жанр, победная речь, жанровые функции.

К настоящему времени уже написано немало работ, освещающих понятие жанра, однако общее для всех исследований определение до сих пор не выработано. В данной статье за основу будет взята дефиниция жанра из «Словаря лингвистических терминов» про-

фессора О. С. Ахмановой, которая рассматривает жанр как «разновидность речи, определяемую данными условиями ситуации и целью употребления» [1, с. 148]. Данная дефиниция позволяет говорить о значительном спектре жанров дискурса вообще и столь релевантного для этой статьи политического дискурса.

Чантуридзе Юлия Михайловна – аспирантка кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: chanturidze.yulia@gmail.com

В последнее время в жанровом своеобразии политического дискурса особо выделяются инаугурационные речи и парламентские дебаты. Данный интерес определяется все возрастающей ролью политики в современном мире, а также важностью принимаемых решений. Действительно, оба названных жанра политического дискурса связаны в той или иной степени с осуществлением выбора: инаугурационная речь победителя выборов президента страны возможна только в случае голосования людей за него, а парламентские дебаты нацелены на обсуждение политики государства. Таким образом, в обоих случаях есть место выбору, а, следовательно, задача индивидуумов – убедить окружающих в правильности их выбора. Для того, чтобы добиться того или иного результата переговоров/выборов, говорящим приходится прибегать к различным тактикам, ключевая роль среди которых отводится словесному убеждению.

Традиция произнесения инаугурационной речи сложилась давно, поэтому уже можно говорить об определенных нормах ее содержания и произнесения перед народом. Иными словами, инаугурационное обращение строится по конкретным правилам и не допускает значительного отклонения от них. Однако существует еще один жанр политического дискурса, связанный с выборами президента, но позволяющий говорящему чувствовать себя более свободным при выборе темы, структуры речи и манеры ее подачи. Таким жанром является победная речь будущего президента.

Подобно инаугурационному обращению, победную речь, как первую саморепрезентацию президента, можно отнести к эпидейктической риторике – одному из родов риторики, классифицированной и описанной Аристотелем [2, с. 15–69]. Он характеризует

ее как торжественную речь, назначением которой является обращение к эмоциям аудитории. Чаще всего эпидейктическая речь произносится по определенному официальному случаю и отражает какое-либо важное историческое событие в жизни народа. Этот факт определяет использование возвышенного стиля языка, уход от речевых шаблонов и широкое использование риторических средств. В отличие от инаугурационной речи, победная речь является более насыщенной эмоционально, поскольку представляет собой первую, незамедлительную реакцию кандидата в президенты на результаты выборов. Именно в ней он делится с аудиторией своей радостью от победы и еще раз подчеркивает, что все обещанное во время предвыборной кампании обязательно будет претворено в жизнь.

Победная речь как эпидейктическая не несет в себе какой-либо новой информации. В ней даже нет необходимости: в фокусе всеобщего внимания находится не содержание выступления победителя, а его реакция на результаты выборов. Поэтому важно не столько то, что он скажет, а то, как это будет преподнесено публике. Не вдаваясь в подробности, говорящий суммирует все свои обещания, озвученные во время предвыборной кампании. Также перед ним стоит задача выразить благодарность всем, кто поддерживал его, голосовал за него и просто верил в его победу. Без таких людей его победа была бы едва ли возможна.

В основе данного анализа победной речи лежит подробное изучение схожего жанра политического дискурса – инаугурационной речи – произведенное Е. И. Шейгал [3]. Однако задачей нашей статьи является выделение нового жанра политического дискурса. Для того чтобы проиллюстрировать описываемый в статье жанр политического дискурса, были выбраны две победные речи Барака

Обамы, которые он произнес в 2008 и 2012 гг. соответственно. Причиной такого выбора послужил успех Б. Обамы в публичных выступлениях, а также возможность сравнить его победные речи с точки зрения стиля, смысла и эмоциональной насыщенности. Дискурс президента США представляет собой богатый источник для изучения механизмов влияния на аудиторию и достижения успеха в искусстве публичных выступлений.

Победа Барака Обамы стала невероятным достижением для афроамериканцев со времен движения за гражданские права в США. Его жизнь и карьера позволили им почувствовать себя равными остальным американцам и надеяться на улучшение отношения к ним в будущем.

Для характеристики жанра необходимо в первую очередь обратиться к его функциям. Е. И. Шейгал выделяет четыре основные функции инаугурационной речи. В данной статье будет проведена попытка применить их и к победной речи, а также выделить дополнительные функции, характерные больше для последнего жанра.

Особое внимание привлекает к себе **интегративная** функция, заключающаяся в объединении всех людей без исключения в единую нацию [3, с. 287]. В обеих победных речах Б. Обама подчеркивает единство всех американцев, необходимость преодолеть расовые и классовые противоречия. И его победа на выборах на пост президента США лишний раз доказала, что Америка готова к таким переменам.

It's the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Hispanic, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled <...> we are, and always will be, the United States of America.¹

It doesn't matter whether you're black or white or Hispanic or Asian or Native American or young or old or rich or poor, abled, disabled, gay or straight. <...> We are, and forever will be, the United States of America.²

Эти слова закрепились в памяти людей и образовали прочную ассоциацию с их автором.

Идея единства также выражается при помощи таких эксплицитных маркеров, как местоимения второго лица *you* и первого лица множественного числа *we*, а также их притяжательных форм:

*...I will never forget who this victory truly belongs to – it belongs to **you**.*

*This is **your** victory.*

*It cannot happen without **you**.³*

Здесь Б. Обама выражает свое осознание невозможности победы без поддержки людей. Это не столько его личное достижение, сколько достижение всей страны, поскольку Америка впервые выбрала афроамериканца своим президентом.

Наивысшая степень единства достигается в высказываниях о неразделимости личности президента и народа в борьбе за лучшее будущее:

***Our** climb will be steep. **We** may not get there in one year or even one term...*

*...in this country, **we** rise or fall as **one nation**; as **one people**.*

¹ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

² Obama B. Victory Speech, 2012. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-20236369>. (accessed 12.10.2014)

³ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

*Our union can be perfected.*⁴

В связи с использованием таких маркеров становится понятно, что народ воспринимается как участник действия, поэтому победная речь непременно будет заключать в себе благодарность вице-президенту, членам семьи, команде и всем избирателям.

Подобно инаугурационной речи, победная речь будущего президента выполняет **инспиративную** функцию, а именно воодушевляет нацию на предстоящие великие дела. Перед новым президентом стоит непростая задача вселить в людей надежду на лучшее будущее – на жизнь с большим спектром возможностей для каждого.

Опыт предшественников в сочетании с возможностями современного мира и политическим планом преобразования страны нового президента позволят Америке выйти на новый уровень развития. Эта идея выражается при помощи слов с семантикой изменения и новизны, позволяющих поверить в способности и силу людей:

...a New Deal, new jobs and a new sense of common purpose...

*...at this defining moment, **change** has come to America.*⁵

*...continue to fight for **new jobs** and new opportunities and new security for the middle class.*

*Our economy is **recovering**.*⁶

Топос обновления неразрывно связан с идеей величия всего американского народа,

ведь одним из приоритетов политики главы государства является сохранение лица страны на мировой арене, укрепление ее позиций и достижение еще большего ее величия по сравнению с другими странами. Для этого говорящий часто обращается к достоинствам нации, использует степени сравнения прилагательных, отдавая предпочтение превосходной степени:

... America is a place where all things are possible...

*I have never been more hopeful than I am tonight...*⁷

We have the most powerful military in history...

*... we live in the greatest nation on Earth.*⁸

Данные примеры показывают, как в победных речах Б. Обамы создается образ великой Америки, и, чем чаще это величие находит выражение в дискурсе, тем проще людям поверить в него и проникнуться оптимизмом по отношению к будущему страны.

Процветание Америки может быть достигнуто благодаря изменениям, проводимым на базе традиционных ценностей, о которых говорящий стремится еще раз напомнить. Они передавались из поколения в поколение, поэтому и сейчас можно говорить о ключевой роли таких понятий, как *liberty, freedom, dignity, peace, respect, safety* и др., в воспитании современного общества [4, с. 78–90]. Упоминание в победных речах ценностей, одинаковых

⁴ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

⁵ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

⁶ Obama B. Victory Speech, 2012. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-20236369> (accessed 12.10.2014)

⁷ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

⁸ Obama B. Victory Speech, 2012. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-20236369> (accessed 12.10.2014)

для разных людей, позволяет Б. Обаме в очередной раз подчеркнуть единство общества.

Помимо перечисленных, победная речь выполняет еще и **перформативную** функцию. Данный жанр политического дискурса маркирует особое событие – победу одного из кандидатов в президенты на выборах. Победная речь произносится сразу после обнародования официальных результатов выборов и представляет собой реакцию победителя на них. Этот факт объясняет ее основное содержание: она подводит итог предвыборной кампании кандидата, суммируя в себе ее основные положения, и, в то же время, в некоторой степени похожа на репетицию будущей инаугурационной речи, предвосхищая то, о чем в ней пойдет речь.

Е. И. Шейгал вслед за Р. Джослином характеризует инаугурационные речи как «безопасную» риторику [5, с. 205] (англ. *riskless rhetoric* [6, с. 316]), поскольку в них отсутствуют полемические высказывания, которые могут оспорить оппоненты. Данное определение применимо и к жанру победной речи, поскольку в ней нет ничего, с чем можно было бы не согласиться. Все это свидетельствует об особом статусе данного жанра, и преобладании перформативной функции над информативной, позволяющей говорящему продемонстрировать его ораторское мастерство.

Интересен тот факт, что Б. Обама в своих речах использует стандартные ораторские приемы, однако ему удается так мастерски их расположить и применить, что его дискурс оказывает несравнимое влияние на публику.

Д. Кристал опубликовал в своем блоге развернутый анализ победной речи будущего президента в день первой победы Б. Обамы на выборах в США⁹. По его мнению, Б. Обама следует одному из основных правил риторики, а именно – правилу трехчастной организации групп высказываний там, где это является возможным. Такая структура привлекает внимание слушателей и облегчает восприятие:

If there is anyone out there

1) who still doubts that America is a place where all things are possible,

2) who still wonders if the dream of our founders is alive in our time,

3) who still questions the power of our democracy,

*tonight is your answer.*¹⁰

Можно найти множество примеров подобной организации в дискурсе Б. Обамы:

...cynical and fearful and doubtful...

*...on this date, in this election, at this defining moment...*¹¹

*We believe in a generous America, in a compassionate America, in a tolerant America...*¹²

Еще одним риторическим приемом, к которому прибегает Б. Обама, является синтаксический параллелизм, причем проявляется он на разных уровнях синтаксиса:

It's the answer told

by lines that stretched around schools and churches <...>;

⁹ Crystal D. DCBLOG. Available at: <http://david-crystal.blogspot.ru/2008/11/on-obamas-victory-style.html> (accessed 20.10.2014)

¹⁰ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

¹¹ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

¹² Obama B. Victory Speech, 2012. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-20236369> (accessed 12.10.2014)

*by people who waited three hours and four hours...*¹³

Сочетание данных средств выразительности позволяет автору придать невероятную силу своим словам, чем и объясняется столь грандиозный успех публичных выступлений Б. Обамы.

В своей монографии Е. И. Шейгал выделяет еще одну функцию инаугурационной речи – **декларативную**. Ее смысл заключается в том, что президент, выступая в роли мудреца, наполняет свою речь дидактикой. При помощи модальных глаголов и слов с семантикой долга он напоминает людям о высоких моральных принципах, которыми они должны руководствоваться при совершении тех или иных поступков. [3, с. 292–293]. Анализ победных речей позволяет утверждать, что данная функция не представлена в них также ярко, как в инаугурационной речи, поскольку как жанр, так и сама ситуация не являются настолько же формальными.

Несмотря на то, что декларативная функция идет последней в списке функций инаугурационной речи в работе Е. И. Шейгал, ей функциональные особенности жанра победной речи не исчерпываются. Так, можно выделить не менее отчетливо проявляющуюся функцию жанра победной речи – **интердискурсивную**. Для того чтобы подчеркнуть преемственность поколений, будущий президент часто ссылается на опыт своих предшественников, тем самым подчеркивая, что он является продолжателем начатых ими традиций. Таким образом, одной из ярких характеристик победных речей Б. Обамы является их интер-

дискурсивная насыщенность: в них «отчетливо слышны голоса предшественников нового президента <...>. Эта особенность отражает стремление Обамы найти поддержку не только среди своих современников, но и у своих предшественников» [7, с. 142]. Наиболее очевидными являются аллюзии на речи М. Л. Кинга и А. Линкольна.

Использование интердискурсивности позволяет активировать «общее знание», разделяемое как автором дискурса, так и его аудиторией. Оно основано на общности культурного фона, образования и т. п. собеседников, что позволяет наполнять конкретные части дискурса еще большим смыслом. Е. С. Кубрякова определяет «общее знание» как «то, что собеседники знали еще до конкретного акта общения в силу общности культурного фона, образования и т. п.». [8, с. 174–175]. Таким образом, «общее знание» позволяет достичь одну из главных целей говорящего – установление контакта с аудиторией. И одним из методов создания такого единства является упоминание или просто намек на то, что уже известно всем участникам события.

Так, например, особую роль в дискурсе Б. Обамы играет существительное *dream*: оно подразумевает под собой апелляцию к Американской мечте, ставшей американским национально-специфическим концептом [9, с. 41]:

*If there is anyone out there <...> who still wonders if the dream of our founders is alive in our time <...> tonight is your answer.*¹⁴

Как уже было сказано ранее, жанр победной речи предполагает относительно высокую степень эмоциональности сказанного, что

¹³ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

¹⁴ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

определяется самим характером события, поэтому обоснованным кажется выделение **экспрессивной** функции как особой функции жанра победной речи. Говорящий, несомненно, испытывает радость по поводу своего избрания будущим президентом и хочет поделиться ею с аудиторией.

Данная функция победной речи оказывает определяющее влияние на ее стиль. Среди его основных характеристик можно выделить преобладание слов с положительными коннотациями, укрепляющими уверенность людей в светлом и радостном будущем (*power, democracy, brave, perfected union, new*¹⁵, *the best, grateful, appreciation, determination*¹⁶ и др.) контрастное описание ситуации в стране до и после выборов, ирония, а также многочисленные рефрены. Именно от сочетания выразительных стилистических средств зависит успех победной речи.

При сопоставительном анализе победных речей 2008 и 2012 гг. можно заметить, что более поздний образец политического дискурса Б. Обамы уступает в своей экспрессивности первому. Причиной этого может служить разделяющий их президентский срок длиной в четыре года. Если в 2008 г. Б. Обама впервые вступал в должность президента США и, видя перед собой океан возможностей, готов был обещать народу свернуть горы на пути к достижению лучшей жизни, то в 2012 г. за его плечами уже был четырехлетний

опыт, показавший, что не все его планы так легко претворить в жизнь.

Как отмечают в газете *The Washington Post*, некоторые избиратели отнеслись с недоверием к парящей в высоте риторике Б. Обамы и его грандиозным планам на будущее, поэтому к 2012 г. ему пришлось более реалистично подойти к своим ожиданиям от нового президентского срока, в результате чего *the candidate of hope and change became the candidate of modest plans and achievable goals* («кандидат надежды и перемен стал кандидатом скромных планов и достижимых целей»), что неминуемо сказалось на использовании экспрессивных средств¹⁷.

Проведенный в статье анализ особенностей жанра победной речи и ее функциональных отличий от жанра инаугурационной речи дает возможность говорить об обособленном характере первого, несмотря на схожесть обоих жанров. У победных речей есть особое назначение – показать закономерность текущей ситуации, вписав ее в исторический контекст и обозначив достижения последнего времени; подвести итог предвыборной кампании, суммировав ее постулаты; выразить благодарность всем, кто оказал поддержку кандидату в президенты; доказать, что люди сделали правильный выбор, поскольку он позволит им приблизиться к достижению совершенного общества. К тому же, они отличаются большей степенью экспрессивности, поскольку

¹⁵ Obama B. Victory Speech, 2008. Available at: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/barackobamavictoryspeech.htm> (accessed 12.10.2014)

¹⁶ Obama B. Victory Speech, 2012. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-20236369> (accessed 12.10.2014)

¹⁷ Klein E. Obama's victory speech: Behind the return of the president's rhetoric. *The Washington Post*. 7.11.2012. Available at: <http://www.washingtonpost.com/blogs/wonkblog/wp/2012/11/07/obamas-victory-speech-behind-the-return-of-the-presidents-rhetoric/> (accessed 21.10.2014)

представляют собой незамедлительную реакцию участника выборов на должность прези-

дента страны. Таким образом, правомерно говорить о жанре победной речи как самостоятельном жанре политического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Ком-Книга, 2007. – 576 с.
2. **Аристотель.** Риторика. Книга 1 // Античные риторик. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 278 с.
3. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса – М.: Гнозис, 2004. – 324 с.
4. **Левенкова Е. Р.** Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ: монография. – Самара: ПГСГС, 2011. – 308 с.
5. **Шейгал Е. И.** Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. – Саратов, 2002. – № 3 – С. 205–214
6. **Joslyn R.** Keeping Politics in the Study of Political Discourse. – Columbia (S. Car.), 1986.
7. **Чантуридзе Ю. М.** Интердискурсивность как часть когнитивного подхода к коммуникации (на примере победной речи Б. Обамы, 2008) // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № I (Гуманитарные науки). – С. 140–144.
8. **Краткий словарь когнитивных терминов** / под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. **Баранова Л. Л.** Американская мечта. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 60 с. (на англ. яз.)

Chanturidze Yulia Mikhailovna, post-graduate student of philological faculty, department of English linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: chanturidze.yulia@gmail.com

SPEECH AS A GENRE OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract

At present have a considerable amount of works devoted to the notions of genre and discourse at their disposal, however the variety of genres of political discourse has not yet been fully described. That is why the key goal of this article is singling out and describing president's victory speech as a genre of political discourse.

The method of functional description developed by E. I. Sheygal has been used as a basis for this work because it is possible to speak about partial functional similarity of these two genres. In the article one is presented with the analysis of the genre of victory speech from the point of view of integrative, inspirative and performative functions carried out also by inaugural speeches. In addition, two new functions are singled out – interdiscursive and expressive. The former consists in implicit and explicit referring to predecessors' discourses and in appealing to common knowledge shared by the author and the audience. The latter gives decisive influence on stylistic characteristic of words, i.e. on the choice of expressive lexis.

The overview on the functions of victory speeches is supported by examples taken from two Barack Obama's victory speeches (of 2008 and 2012 respectively). The choice of illustrative material is explained by high concentration of stylistic devices and the author's remarkable skill of compiling speeches for public performances.

The results of the present work are in correlation with its goals: the functional difference between victory speeches and inaugural ones are considered relevant enough for discussing the former as a separate genre.

Keywords

political discourse, genre, victory speech, functions

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. *Dictionary of Linguistic Terms*. 4th edition. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 576 p. (In Russian)
2. Aristoteles. *Rhetoric*. Volume 1. *Ancient rhetoric*. Moscow, Moscow State University Publ., 1978, 278 p. (In Russian)
3. Sheygal E. I. *Semiotics of political discourse*. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 324 p. (In Russian)
4. Levenkova E. R. *British and American political discourse: contrastive analysis*. Monograph. Samara, PGSGA Publ., 2011, 308 p. (In Russian)
5. Sheygal E. I. Inaugural address as a genre of political discourse. *Speech genres*. Saratov, 2002, no. 3, pp. 205–214. (In Russian)
6. Joslyn R. *Keeping Politics in the Study of Political Discourse*. Columbia (S. Car.), 1986.

7. Chanturidze Y. M. Interdiscursivity as a part of cognitive approach to communication (on the basis of B. Obama's victory speech, 2008). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2014, no. I, Humanitarian studies, pp. 140–144. (In Russian)
8. *Concise Dictionary of Cognitive Terms*. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow, Philological faculty Moscow State University Publ., 1997, 245 p. (In Russian)
9. Baranova L. L. *The American Dream*. Moscow, MAKS Press Publ., 2006, 60 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылаются.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с профессиональными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты для связи;
- аннотация статьи (от 1000 знаков) – отражает ее основное содержание, обобщающие результаты и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Одновременно с направлением в редакцию журнала текста статьи, подготовленного для публикации, автору необходимо выслать сопроводительные документы к статье, оформленные в соответствии с требованиями.

Сопроводительные документы к статье:

- оригинал развернутой рецензии направляющей организации / научного руководителя / специалиста по теме публикации (с подписью и печатью);
- авторский лицензионный договор.

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

FOR AUTHORS. THE INFORMATION ABOUT THE ORDER OF PUBLICATION OF ARTICLE

The scientific journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is electronic periodical founded by Novosibirsk State Pedagogical University. Journal articles containing the basic results of researches in leading areas of knowledge were not published earlier.

The materials of articles, carefully prepared by the author, are registered, are licensed, materials are scientific expertise, literary editing and proof-reading.

The decision about the publication is accepted by an editorial board and editorial advice of electronic journal.

Also it is displayed in personal "cabinet" of the author.

Registration of article is carried out in on-line a mode on the basis of filling electronic forms e-mail articles are not registered.

The Editorial Board of the electronic journal reserves the right to itself selection of sent materials. All articles are not relevant to the content of electronic magazine, to rules of the registrations rules that have not undergone scientific expertise, are rejected. The proof-reading of articles is not sent to authors. Manuscripts are not returned.

Texts of articles are necessary for making out according to professional requirements to the scientific article, volume within the limits of 0,5 printed page (20000 signs).

Published data to article in Russian and English languages:

the title – contains article name, the initials and a surname of authors / authors, the city, the country, and also UDC;

address data on the author – the basic place of work, a post, a scientific degree, an e-mail address for communication is underlined;

the abstract (100–250 words) – reflects its basic maintenance, generalizing results and keywords;

the references – is made out according to requirements of GOST P 7.0.5-2008; it is formed according to order of a mention in the text of paper; it is registered by the reference (references in the text are made out in square brackets, contain a serial number in the References and page of quoted work).

Simultaneously with a direction in edition of electronic journal of the text of articles prepared for the publication, it is necessary for author to send accompanying documents to articles, issued according to requirements.

Accompanying documents to article:

the original of the developed review of the directing organization / the research supervisor / expert in a publication subject (with the signature and the press);

author's license contract.

In detail the rules of the publication on the site of journal:

<http://en.vestnik.nspu.ru/avtoram>